

РУСИСТИКА

2022 Том 20 № 1

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72956 от 25.05.2018 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Шаклеин В.М. – академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), член Совета по русскому языку при президенте РФ, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Ответственный секретарь

Стрельчук Е.Н. – доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии

Алефиренко Н.Ф. – действительный член Российской академии социальных наук, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Белгородского государственного университета, Белгород, Российская Федерация

Бальхина Т.М. – академик МАНПО, вице-президент РОПРЯЛ, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Вальтер Харри – член президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), доктор филологических наук, профессор, профессор Института славистики Университета имени Эрнста Морица Арндта, заместитель председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, Грайфсвальд, Федеративная Республика Германия

Гаверилина М.А. – доктор педагогики, профессор, профессор Латвийского университета, Рига, Латвийская Республика

Гусман Тирадо Рафаэль – член президиума МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета, Гранада, Королевство Испания

Дейкина А.Д. – заслуженный деятель науки и образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета, Москва, Российская Федерация

Дэвидсон Дэн – почетный президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ и АКСЕЛС, старший академический советник и директор научно-исследовательского центра Американских советов по международному образованию, директор Института русского языка, иностранный член Российской академии образования, PhD по филологии, профессор по русскому языку и изучению иностранного языка Брин-Мор колледжа, Вашингтон, Соединенные Штаты Америки

Загоровская О.В. – председатель Совета по русскому языку при администрации Воронежской области, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Российская Федерация

Макарова Вероника – PhD по лингвистике, профессор кафедры языкознания Саскачеванского университета, Саскачеван, Канада

Маслова В.А. – член президиума ВАК Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета, Витебск, Республика Беларусь

Мокиенко В.М. – действительный член Европейского общества фразеологов «ЕВРОФРАЗ», доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Перотто Моника – PhD по педагогике, профессор, научный сотрудник кафедры русского языка факультета иностранных языков и литературы Болонского университета, Болонья, Итальянская Республика

Протасова Е.Ю. – доктор педагогических наук, профессор, профессор-адъюнкт отделения языков гуманитарного факультета Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Рацибурская Л.В. – действительный член комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

Рязанова-Кларк Лара – член Королевского лингвистического общества, PhD по филологии, заведующая русским отделением Эдинбургского университета, академический директор Российского центра княгини Дашковой при Эдинбургском университете, директор научного центра «Русский язык в контексте», Эдинбург, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии

РУСИСТИКА

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Цель и тематика

Научный журнал «Русистика» специализируется на рассмотрении актуальных вопросов русского языка и методики его преподавания как родного, неродного и иностранного в условиях русской, близкородственной и неродственной языковых сред.

Журнал является площадкой для научного сообщества в области отечественной и зарубежной русистики, освещает спектр проблем как собственно лингвистических, так и связанных с культурно-историческими и социальными аспектами изучения и преподавания русского языка.

Миссия журнала заключается в предоставлении возможностей русистам из различных стран и регионов объективно информировать международное научное сообщество о состоянии исследований русского языка, проблемах его функционирования в многополярном мире, привлекать дополнительный интерес ученых к этим проблемам.

Цель журнала: создание научного-исследовательского, образовательного и информационного пространства для взаимного обмена достижениями российских и зарубежных ученых, специализирующихся в области русского языка и методики его преподавания.

Задачи:

1. Обмен научными достижениями российских и зарубежных коллег в области русистики, публикации результатов научных центров по проблемам развития и сохранения русского языка в многополярном мире.
2. Рассмотрение теоретических исследований по проблемам функционирования русского языка в России и зарубежных странах.
3. Актуализация проблем методики преподавания русского языка как родного, неродного, иностранного.
4. Анализ современных тенденций в развитии школьной и вузовской русистики.
5. Отражение вопросов изучения и преподавания русского языка как иностранного и проблем сохранения русского языка в диаспоре.
6. Проблемы развития русского языка как языка науки.
7. Освещение государственной политики в области русского языка и методики его преподавания.
8. Презентация медиадидacticеских и электронных средств обучения русскому языку и методике его преподавания.

Очередные выпуски журнала, как правило, являются тематическими и посвящены наиболее актуальным проблемам русистики. Выход тематических номеров анонсируется на сайте журнала.

Материалы могут быть представлены в виде научных статей (теоретических, научно-практических, научно-методических), обзорных научных материалов, рецензий, аннотаций, а также научных сообщений, посвященных деятелям российской и зарубежной науки. Для начинающих ученых предназначена рубрика «Страничка молодого исследователя».

К публикации принимаются только оригинальные статьи, ранее не опубликованные. Самоплагиат не допускается.

Журнал входит в Перечень рецензируемых периодических изданий, публикации которых принимаются к рассмотрению ВАК РФ при защите диссертационных исследований.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ:

10.02.01 – Русский язык;

10.02.19 – Теория языка;

13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования).

Журнал имеет международный статус, который определен составом редколлегии и рецензентами (известные ученые иностранных академий и университетов из России, США, Беларуси, Испании, Италии, Латвии, Финляндии, Германии, Великобритании).

Журнал выходит один раз в квартал (4 номера в год). Подписка на печатную версию журнала оформляется в почтовых отделениях РФ. Индекс журнала в каталоге подписных изданий – 36433.

Редактор *Ю.А. Заикина*Редактор англоязычных текстов *С.С. Микова*Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной***Адрес редакции:**

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru**Адрес редакционной коллегии журнала:**

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.ru

Подписано в печать 18.03.2022. Выход в свет 25.03.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,20. Тираж 500 экз. Заказ № 14. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

2022 VOLUME 20 NUMBER 1

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Viktor M. Shaklein – member of the Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Professor, Honoured Employee of Higher Education of the Russian Federation, Honoured Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), member of Presidential Russian Language Council, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)), Moscow, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY

Elena N. Strelchuk – Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)), Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Nikolay F. Alefirenko – full member of the Academy of Social Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Language, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation

Tatyana M. Balykhina – member of the International Teacher's Training Academy of Science (MANPO), Vice-President of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Dan Davidson – President Emeritus and Director of American Councils Research Center (ARC), American Councils for International Education, Director of Russian Language Centre, Foreign Member of Russian Academy of Education, PhD in Philology, Professor of the Russian Language and Foreign Language Studies, Bryn Mawr College, Washington, United States of America

Alevtina D. Deikina – Honoured Worker of Science and Education, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Methods of Teaching Russian, Institute of Philology, Moscow Pedagogic State University, Moscow, Russian Federation

Margarita A. Gavrilina – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Lithuanian University, Riga, Republic of Latvia

Rafael Gusman Tirado – member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology, Granada University, Granada, Kingdom of Spain

Veronika Makarova – PhD in General Linguistics, Professor, Department of Linguistics, University of Saskatchewan, Saskatchewan, Canada

Valentina A. Maslova – member of the Presidential Board of Higher Attestation Commission of Belarus, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University, Vitebsk, Republic of Belarus

Valeriy M. Mokienko – full member of European Society of Phraseologists "EUROPHRAS", Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Slavonic Philology, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

Monica Perotto – PhD in Pedagogy, Professor, research assistant and Associate Professor of the Chair of the Russian Language Foreign Languages Faculty, Bologna University, Bologna, Italian Republic

Ekaterina Yu. Protasova – Doctor of Pedagogy, Professor, Associate Professor of Language Department, Humanitarian Faculty, Helsinki University, Helsinki, Republic of Finland

Larisa V. Ratsiburskaya – full member of Slavonic Education Commission under International Committee of Slavistics, Doctor of Philology, Professor, Chairperson of the Chair of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Lara Ryazanova-Clarke – member of Royal Linguistic Society, PhD in Philology, Chairperson of Russian Department of Edinburgh University, Academic Director of Russian Centre of Princess Dashkova in Edinburgh University, Director of Scientific Centre "Russian Language in Context", Edinburgh, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland

Harry Walter – member of the Presidium of International Association of Teachers of Russian Language and Literature, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Ernst Moritz Arndt University, Institute of Slavistics, Deputy of Chairperson of Phraseological Commission under International Committee of Slavists, Greifswald, Federal Republic of Germany

Olga V. Zagorovskaya – Chairperson of Russian Language Council of Voronezhskaya oblast Administration, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature, Voronezh State Pedagogic University, Voronezh, Russian Federation

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Aims and Scope

The journal "Russian Language Studies" is specialized in actual problems of the Russian language and methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language under the conditions of Russian, closely related and unrelated linguistic environment.

The journal presents a platform for Russian and foreign scientists, reflects not only linguistic, but also cultural, historical, social aspects of learning and teaching Russian.

The mission of the journal is to give the opportunity to specialists in Russian philology from different countries and regions to objectively inform international scientific community about modern research in the Russian language, its functioning in the multipolar world and to draw the scientific attention to these problems.

The aim of the journal is to create scientific, research, educational and information space for presenting the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies and methods of teaching Russian as a foreign language.

The targets of the journal are:

1. Delivering the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies, publishing the results of scientific centres in developing and keeping the Russian language in the multipolar world.
2. Characterizing theoretical papers on Russian language functioning in Russia and abroad.
3. Pointing out the problems in methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language.
4. Analyzing modern trends in Russian language teaching at school and university.
5. Reflecting problems of learning and teaching Russian as a foreign language and keeping the Russian language in diasporas.
6. Problems of developing Russian as a language of science.
7. Presenting Russian national policy in the Russian language and methods of its teaching.
8. Demonstrating media-didactic and electronic means of teaching Russian.

Next issues of the journal are planned as thematic ones and are devoted to the most actual problems of Russian language studies. Thematic issues are announced at the journal site.

The journal publishes scientific articles (theoretical, academic and research, methodical), review articles, book reviews, annotations, scientific reports about Russian and foreign scientists. The articles written by starting investigators are published on the "Page of a young scientist".

The journal publishes only original articles which have not been published before. Self-plagiarism is not allowed.

The journal has an international status proved by the editorial board and reviewers including outstanding scientists from Russia, the United States, Belarus, Spain, Italy, Latvia, Finland, Germany, Great Britain.

The journal is published every three months with 4 issues a year. Readers can subscribe to the journal in post-offices of the Russian Federation. The index of the journal in subscription edition catalogue is 36433.

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
English Text Editor *S.S. Mikova*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Makarova V. (Saskatoon, Canada) When your language is disappearing: Canadian Doukhobor Russian (Когда твой язык исчезает: канадский духоборческий русский) 7

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Боброва М.В. (Санкт-Петербург, Россия) Прозвища как лингводидактический материал 22

Янь К. (Чжухай, Китай) Прецедентное имя В.И. Ленин в русском культурном пространстве 35

Дмитриева Н.М. (Оренбург, Россия), Чулкина Н.Л. (Москва, Россия) Трансформации в семантике вербализаторов этических концептов «Любовь» – «Милосердие» – «Целомудрие» – «Добродетель» 52

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ

Здорикова Ю.Н. (Иваново, Россия), Абызов А.А. (Иваново, Россия), Макарова Е.Н. (Екатеринбург, Россия) Вариативность акцентуации имен существительных в речи современной молодежи 68

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Виноградова Е.Н. (Москва, Россия), Клобукова Л.П. (Москва, Россия) Грамматика русского предлога: теоретические аспекты 84

**МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО, ИНОСТРАННОГО**

Гаврилина М.А. (Рига, Латвия) Орфографическая грамотность русскоязычных школьников Латвии 101

Денисенко А.В. (Москва, Россия), Березняцкая М.А. (Москва, Россия), Калинина Ю.М. (Москва, Россия) Применение технологии «перевернутый класс» на занятиях с иностранными студентами нефилологических специальностей 115

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE IN THE WORLD

- Veronika Makarova (Saskatoon, Canada)** When your language is disappearing: Canadian Doukhobor Russian 7

CULTURAL LINGUISTICS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

- Maria V. Bobrova (Saint Petersburg, Russia)** Nicknames in teaching Russian as a foreign language 22
- Kai Yan (Zhuhai, China)** The precedent name V.I. Lenin in the Russian cultural space 35
- Natalya M. Dmitriyeva (Orenburg, Russia), Nina L. Chulkina (Moscow, Russia)** The transformed semantics of the verbalizers of the ethical concepts “Love” – “Mercy” – “Chastity” – “Virtue” 52

RUSSIAN SPEECH CULTURE

- Yulija N. Zdorikova (Ivanovo, Russia), Alexey A. Abyzov (Ivanovo, Russia), Elena N. Makarova (Yekaterinburg, Russia)** Variations in noun accentuation in the speech of modern youth 68

ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

- Ekaterina N. Vinogradova (Moscow, Russia), Lyibov P. Klobukova (Moscow, Russia)** The grammar of Russian preposition: theoretical aspects 84

METHODS OF TEACHING RUSSIAN**AS A NATIVE, NON-NATIVE, FOREIGN LANGUAGE**

- Margarita A. Gavrilina (Riga, Latvia)** Orthographic literacy of Russian-speaking schoolchildren in Latvia 101
- Anastasia V. Denisenko (Moscow, Russia), Marina A. Bereznyatskaya (Moscow, Russia), Julia M. Kalinina (Moscow, Russia)** “Flipped class” technology in teaching foreign non-philological students 115

РУССКИЙ ЯЗЫК В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

RUSSIAN LANGUAGE IN THE WORLD

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-7-21

Research article

When your language is disappearing: Canadian Doukhobor Russian

Veronika Makarova *University of Saskatchewan, Saskatoon, Canada*✉ v.makarova@usask.ca

Abstract. This article considers Russian language attitudes of Canadian Doukhobors, a religious and ethnic minority group of Russian origin who immigrated to Canada in 1899. The significance of the study is determined by a paucity of research devoted to this unique cultural and linguistic group as well as by an urgency of protocolling the language loss. In particular, language attitudes held by the Doukhobors have never been investigated before. The aim of the study is to describe the attitudes of the Doukhobor participants to their heritage language (Russian). The goals are to outline the remaining functions of the language in the community, and the perspectives for its maintenance. The materials include interviews with 40 speakers of Doukhobor Russian who are bilingual in English and Doukhobor Russian. The interviews were recorded in British Columbia and Saskatchewan (the historic settlements of the Doukhobors) between 2012 and 2018. The methods rooted in heritage language and sociolinguistic studies involve manual thematic coding of the interview transcripts and their discourse analysis. The results demonstrate that the speakers are emotionally connected to the Russian language, and that the language is important for Doukhobor prayer services, understanding of their beliefs expressed in Russian psalms, reading Russian literature, travelling to or studying in Russia, etc. At the same time some participants talk about their language as being inferior to Standard Russian, because of anti-dialectal reactions of Russian citizens that they came in contact with. Many Doukhobor participants are skeptical about the possibility of maintaining the Russian language in the group. The results are interpreted in the light of the author's Linguistic Equilibrium theory. In conclusion, the article outlines implications for the heritage language revitalization. The results can contribute to bi/multilingualism theory, heritage language and language loss studies.

Keywords: language attitudes, heritage language, the Russian language, Doukhobor Russian, endangered language maintenance, language loss, Canadian Doukhobors, bilingualism

Acknowledgments: This article draws on research supported by the Social Sciences and Humanities Research Council Canada.

My gratitude goes to Doukhobor participants and USCC (Union of the Spiritual Communities of Christ).

© Makarova V., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Article history: received: 05.09.2021; accepted: 18.11.2021.

For citation: Makarova, V. (2022). When your language is disappearing: Canadian Doukhobor Russian. *Russian Language Studies*, 20(1), 7–21. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-7-21>

Introduction

This study considers sociolinguistic attitudes of Canadian Doukhobors (or Spirit Wrestlers) to the Russian language spoken in the community. The significance of the study is in addressing an understudied minority group and heritage language context which strongly differ from the typical immigrant heritage language contexts with a three-generational shift (Montrul, 2015; Meir et al., 2017). In this way, the article expands the empirical knowledge and theoretical background of heritage language studies.

A better understanding of the language attitudes background requires a summary of some pertinent points of Doukhobor history in Canada. Canadian Doukhobors are descendants of about 7500 immigrants from the Russian Empire who arrived in Canada in 1899 to avoid persecutions for their anti-churchianism and refusal to serve in the army (Tarasoff, 1984). Promised free land that they could toil communally, freedom from military service and non-interference of the government into their internal affairs, the Doukhobors moved to Canada and initially settled on the lands of contemporary Saskatchewan (also in some parts of what is now Manitoba). However, soon after their arrival, the government disregarded earlier promises (of which only exemption from the military service was included in official documents) and started pushing the Doukhobors into private land ownership, which had to be accompanied by swearing the Oath of Allegiance. Both swearing oaths and private land ownership went against the religious beliefs of most Doukhobors (Tarasoff, 1984). Those of them who accepted the private homesteads and swore the oath of allegiance stayed in Saskatchewan, and the rest (about 2/3) were thrown off the land to give way to more desirable settlers of British origin. The Doukhobors who moved to British Columbia purchased some lands there and settled in developing and cultivating the land, planting orchards, building roads, bridges, factories, irrigation, and other infrastructures.

Over the years to follow, as a minority group trying to resist assimilation, Doukhobors in BC suffered from discrimination, which included attempts to dispossess them of privately purchased lands, imprisonment, and forced bankruptcy of Doukhobor communes, which put an end to settlements where Russian was spoken. In early-to-mid-20th century, some Doukhobors in BC refused to send their children to public English schools for fear of militaristic indoctrination, assimilation and loss of cultural roots. The children were forcibly taken away from these parents during regular police raids in Doukhobor villages (mostly of their more radical group known as “The Sons of Freedom”) and placed into a juvenile detention center in New Denver and received English-only education until the age of 15.¹ Many of New Denver survivors still feel traumatized by this experience for

---

¹ Katz, S. (1957, May 11). The lost children of British Columbia. *Macleans Archive*. Retrieved August 23, 2021, from <https://archive.macleans.ca/article/1957/5/11/the-lost-children-of-british-columbia>

which they received no compensation, no apology and no acknowledgement of any wrongdoing by the Federal government.² Two prisons were primarily built for the Doukhobors organizing protests of various forms against the government: the one on Piers Island (off Vancouver island) (Shabani, 2014) and Agassiz Mountain Prison (Woodcock, Avakumovic, 1977). Both in BC and in Saskatchewan, hundreds of Doukhobors were sent to jail for refusing the military drafts during WWI and WWII and the rest became a subject to harassment and bullying from other population groups due to their pacifism (Tarasoff, 1984). Following a demographic decline in the community in the mid-late 20th century, and a change in Doukhobor leadership, the relationship with the government has improved and become amicable since the late 20th century. The examples above demonstrate that being a Doukhobor is associated with a social stigma and a history of discrimination.

Russian is the heritage language of the Doukhobors (i.e., an ancestral language), since it was spoken by the original group of Doukhobor immigrants to Canada (Makarova, 2019b). With minority languages, one of the commonly observed issues is “lack of clarity over language names and boundaries” (Sebba, 2013: 448). Doukhobors originated in the area of central and southern Russia and Eastern Ukraine. Respectively, the original dialectal base was Central and Southern Russian dialects (Tarasoff, 1984). Besides Russian, the languages of ethnicities in the area and spoken by some Doukhobors included Kalmyk, Mordvin, Tatar, Ukrainian, and others. However, over the last 100 years of Doukhobor history in Canada, these other languages were discontinued in the Doukhobor community due to very low numbers of speakers.

In 1802, Doukhobors were exiled into Molochnaya River area of the Russian Empire (nowadays Ukraine) (close to contemporary Melitopol). Their second exile which started in 1841 was in a vast area of Transcaucasia (contemporary Armenia, Georgia and Turkey) (Tarasoff, 1984). Thus, Doukhobor Russian included a few words borrowed from the languages of the people of Transcaucasia, like “burka” (a felted coat, likely borrowed from Persian through Chechen), and “lobia” from Georgian (beans). After Doukhobor immigration to Canada, because of language contact with English, many words were borrowed to account for the new life in Canada, such as “kara” (for “car”), “trustee” (“trustee”), “kabuz” (for “caboose”), and many others. Due to the history described above, the Russian language spoken by the Doukhobors has a number of features differentiating it from Standard Russian vocabulary, pronunciation and grammar (Makarova, 2019a, 2019b; Schaarschmidt, 2012). Therefore, Doukhobor Russian can be considered either as a separate language, which developed from the 19th century Russian dialects in a relative isolation and in contact with English, or as a dialect of Russian. Since the criterion of the difference between languages and dialects of one language is political rather than linguistic, we will describe the language still spoken by elderly Doukhobors as a variety of Russian (DR).

---

² Kryak, V. (2018, September 9). B.C. government reconsiders apology for Doukhobor children taken from their families in 1950s. *The Globe and Mail*. Retrieved August 23, 2021, from <https://www.theglobeandmail.com/canada/british-columbia/article-bc-government-reconsiders-apology-for-doukhobor-children-taken-from/>

Doukhobor Russian is critically endangered with only a few hundred elderly speakers left (Makarova, 2019a). There are no young speakers of the variety. However, a few young individuals in the community have a limited knowledge of Standard Russian, which they learnt either at school or from their Russian immigrant mothers.

The aim of this article is to describe the attitudes of Doukhobors to the Russian language. The research goals also involve outlining the functions of the language in the community and language maintenance perspectives as seen by the participants.

The research questions are:

1. What are the attitudes of Doukhobors to Russian?
2. What are the functions of Russian in the Doukhobor community?
3. What are the Doukhobor perspectives on maintaining Russian in the community?

Methods and materials

The methodological framework for the study came from sociolinguistic approaches to heritage language research (e.g., Zhang, Slaughter-Defoe, 2009). The materials of the study include transcripts of 40 semi-structured interviews with Canadian Doukhobor community members (21 women and 19 men) conducted by the author in Saskatchewan and British Columbia between 2012 and 2018. These interviews were selected (from a total of 70 interviews) because they contained answers to questions about the Russian language. The initial purpose of the project was language preservation and description. The average length of the interviews was 45 minutes, and the average age of participants was 78 (ranging from 10 to 96 years old). The interviews were conducted either in Russian or in English depending on the participants' preference. The interviews were semi-structured, which means that not all participants answered all the questions. The responses were manually coded with discourse analysis thematic coding techniques (Waring, 2017). In this paper, the transcripts in DR are provided (in phonetic transliteration, since no transliteration system exists for DR) when the participants spoke in Russian. These excerpts are accompanied by English translation. Examples in English indicate that the participant was talking in English (due to insufficient knowledge of Russian or to code-switches).

The questions about the Russian language in the interviews were as follows:

1. Is the Russian language important for you?
2. Have you tried to pass it over to your children?
3. Do you think that Russian can be maintained in the community?
4. What is the functional role (purpose) of Russian for you?

Results

The results of the responses of 40 Doukhobor participants are summarized in Table.

Out of 36 participants who addressed the question about the importance of Russian for them, 34 participants responded that Russian was important. The reasons for the language importance include emotional connection (23 responses)

and passing the heritage, as their parents (or grandparents) taught them Russian or tried to speak with them in Russian (24 responses). The emotional connotations of the participants included the language being “rodnoj” (kin-beloved, birth language), “loved,” “melodious,” and “beautiful” (examples 1, 2). Two participants said that Russian was not important or not so important, since the message of Doukhobor beliefs takes priority over the language in which it is transmitted (example 3). One of the participants even suggested indirectly that Russian could be abandoned as it limits the spread of the Doukhobor teachings (example 4).

A summary of the participants’ responses to the interview questions (R stands for “Russian”)

Interview questions	Categories of responses	N responses	N total responses	N participants
R importance	emotional connection	23	47	36
	Parents/grandparents taught R	24		36
Passing R	taught R to children	25	38	33
	children spoke no/little R	13		26
R maintenance	regret the loss of RL	20	61	26
	bullying	9		9
	historic significance	2		2
	can be maintained	18		30
	cannot be maintained	12		30
R functions	travel to Russia	7	96	38
	D singing	23		
	family, community	15		
	psalms, beliefs	22		
	studying in R	5		
	economic	3		
	literature	10		
	R TV	5		
R performances	4			
healing (spells)	2			

Example 1

Ruskij, kanešna, mne ruskij samyj ljubimyj.
Of course, I love the Russian language most of all (BC).

Example 2

Nu ruskoj jazyk ta kak že naš... radnoj yazyk (BC).
The Russian language is ours, it is the language of our kin (ancestral/birth) (BC).

Example 3

Ja dumaju što kanešna pa-ruski tiper’ men’šè tiper’ hutarjat’. Bole pašli u školu, pa universitet, rasxodjutsa pa Kanade, pa Amerike, pa suetu. Nu i verim što kada ani pajdut’ nas u suet, ani tožè idut’ raskazyuat’ pra mir, i kak mirna na zime žyt’... i pra bratstua, i družba.

I think that of course they speak Russian less. There are more [young people] who went to school, universities, they spread around Canada, America and the world. But we believe that when they go out into the world, they will also talk about peace, and how to live peacefully on earth, and about brotherhood and friendship (SK).

Example 4

When you no longer understand why you're speaking the Russian language, when you no longer understand the teachings of Doukhoborism because they're only in Russian, then things have to change. We have to widen the sphere, and... I mean, we speak Russian just because the initial Doukhobors were Russian, and it's important, but I don't think it really matters what language we speak. What's important is what we say in that language. And how we treat each other in that language. We need to recognize the strength of the people that have joined our larger family, and we have to welcome it and whatever language they speak (BC).

Out of 33 participants who addressed the question of passing R to their children, 25 indicated that they tried to teach Russian or speak in Russian to their children, or sent them to Russian classes. One of these participants talked about language retention not only by his children, but by his grandchildren and great-grandchildren as well (example 5). However, 13 participants who tried to teach their children Russian commented that their children spoke none or very little Russian. The reasons of the participants' children inability to speak Russian were leaving home when they were young to study in Vancouver, Victoria, or other places, finding work somewhere else, mixed marriages (to non-Russian speaking partners), lack of opportunities to speak Russian outside the house (example 3).

Example 5

u nas unuk èta žalait', probue na Internet i učja svaix ribjat skol'ki maghët.
Our grandson wants to [learn Russian], he tries on Internet and he teaches his own kids as much as he can (BC).

When asked about Russian language maintenance in the community, the participants' responses split: more than half of them (18) thought the language could be maintained, and 12 participants thought it could not. In connection with language maintenance, and the complexity of issues surrounding it, 9 participants mentioned being bullied at school for not being able to speak English. Two participants pointed out the historic significance of Russian for the Doukhobors. Twenty participants mentioned that the language is spoken less in the community and that they regret the language loss. One of these participants described a clear picture of a generational language shift, but expressed hope that something may happen in future to cause a demand in Russian (example 6).

Example 6

Kada maja mama čitala bibliju, ana čitala pa-ruski. A maja babuška, ana po-ahliski ne znala. A mai deti uyrastut', pastarejut', i umrut', bez ruskaua jazyka. I tak dela pajdët' kak skol'ki mohut znat', da skol'ki uremja. I ne znaju, kada čë esli slučitsa kada što, bude uažna, što im nada znat'.

When my mother read the Bible, she read it in Russian. And my grandmother, she did not know English. And my children will grow up, get old and die without the Russian language. And this is how things will go, who knows

for how long. And I do not know if anything happens sometime that it becomes important for them to know [Russian] (SK).

When describing the purpose and functions of the Russian language for them, most participants indicated the connections of the language with Doukhobor singing (23) and with Doukhobor psalms and beliefs (22), i.e., with the expression of Doukhobor beliefs (example 7). The concept of psalms needs some explanations for a reader unfamiliar with Doukhobor traditions. Doukhobor teachings are compiled in psalms (prayers) that were originally passed down from generation to generation in the oral tradition known as “the Living Book”. In early 20th century the Russian anthropologist Vladimir Bonch-Bruevich compiled transcripts of over 400 psalms in a printed book (Bonch-Bruevich, 1909). Many of these psalms are not only recited but also sung in an ancient specific tradition, whereby each vowel is stretched over a few bars of music notation (Perry, 1992). Psalm singing is believed to be a way of communion with God. However, due to their length and complexity, psalms have been gradually replaced by hymns, a more contemporary song type, which were either created by Doukhobor poets, or shared with other Christian denominations, or came from Russian songs or lyrics (Makarova, 2017). Psalms were also a connection to heritage and family (grandparents), as shown in example 8. Understanding and interpreting psalms was important for participants as well (examples 9 and 10).

Example 7

I speak English most of the time, but to me when I say a prayer, somehow it has more meaning if I say it in Russian (BC).

Example 8

my byli pjat' hadou i my èti pasalmy znali, tady kada deduški predut', i ani xoçut' nas pafalit' što my èta pasalmy znaim, i ja i dosi ix znaju.

We were 5 years old, and we knew these psalms. When grandparents would come, they wanted to praise us for knowing these psalms, and I know them till this day (SK).

Example 9

Nu dlja menja znat' duxaborčeskaj jazyk možna bolee, nu bol'she panimat' duxaborčeskaja učenie i kagda my paëm raznye stixi, psalmy.

For me, it is important to know the DR as much as possible, it helps to understand the Doukhobor teachings better, and when we sing different hymns and psalms (BC).

Example 10

ja ljubljuumatj o psalmah, čevo oni značat', počamu oni značat', čevo ghovorjat', i vot mene eto vdoxnovljaet' ” (BC).

I like thinking about psalms, what they mean, why they mean it, what they convey, and I am inspired by this (BC).

Family and community were named by 15 participants as a function of Russian, most frequent after psalms and singing. An ability to read Russian literature

in the original was a reason to maintain Russian for 10 participants. The participants named their favorite Russian classical authors (such as Pushkin, Tolstoy, Dostoevsky). One participant specifically pointed out that she liked the classical Russian language of these authors, not the contemporary Russian language (example 11). Two participants showed their familiarity with contemporary Russian literature by mentioning Vladimir Megre's *The Ringing Cedars* series. One participant noted that the simple naturalistic lifestyle promoted in the novels was somewhat similar to Doukhorbor lifestyle principles.

Example 11

Ja ljublju vot jazyk, ruskij jazyk Puškina, Lermantava, daže vot sredi dvacatava veka, i vot posle èta, mne kažeca sportili, a do ètava mne očen' nravica. Ja, djuže ljublju starinnyj (BC).

I love the language, the Russian language of Pushkin, Lermontov, even of the mid-twentieth century, but after that, I think they ruined it, and before that, I love it very much. Yes, I very much love the old one (BC).

For some participants, the reason to maintain or learn Russian was connected with an ability to travel to Russia (7) or to study there (5) (example 12). However, two participants reported being ridiculed in Russia because of the old-fashioned and dialectal language they spoke. One participant mentioned being ridiculed for the same reasons by a Russian resident in Canada. One participant who travelled to Russia was perplexed and somewhat shocked by people identifying him as a Ukrainian (probably due to phonetic similarities between South-Western Russian dialects and Ukrainian plus a few loan words from Ukrainian in DR). By contrast, another participant was quite matter-of-fact telling a story of how a friend with whom her family was staying in Moscow asked them to identify themselves as Ukrainians and not as Canadians for security purposes (not to be targeted by burglars).

Example 12

“Studying in the Russian Academy of Arts in St. Petersburg was a defining time in my development as an artist” (BC).

A few participants were interested in maintaining Russian for watching Russian TV (5) or Russian performances (4). Three participants identified economic reasons for Russian language skills in order to trade or work with Russian partners. One 16-year-old interviewee was making an effort to learn Russian so that he could talk in it to his own children when he has them one day and take them to Russia.

Two participants remembered their grandmothers performing healing spells in Russian, which created a mystical connection with the language and a fascination with certain expressions reflecting Russian worldview (e.g. “mother-wet-earth”) in example 13. The tradition of spells and incantations was described by Inikova in the 1980s (Inikova, 1999). The tradition has been lost since the end of the 20th century and is no longer found among the Doukhorbors.

Example 13

And so she did a chant like that. And she would take water from the stream and she would sprinkle it on me... I do recall the words that she was saying.

...Plus she would say “prosti prosti matj syra zemlja, prosti raba bozhjego.”³ And she would repeat this many times. To this day I remember it means so much to me that you ask mother the moist earth rather than just earth or water (BC).

The researcher did not ask questions specifically about Standard Russian vs Doukhobor Russian, leaving this for the participants to clarify. The results show that some participants are aware of the difference. Four participants asked during the recording sessions whether the researcher wanted them to speak in Standard Russian or Doukhobor Russian. Five more participants mentioned Doukhobor Russian (as opposed to Standard Russian). Of these 9 participants, 3 were somewhat embarrassed that their Russian is “not correct” (example 14), and the other 6 just acknowledged the differences.

Example 14

Ia kaleka v russkom iazyke

I am disabled in the Russian language (BC).

Discussion

The concept of “heritage language” is usually applied to the mother tongue of children in immigrant families who were either brought into a new host country by their parents (1.5 immigrant generation) or were born in the host country (2nd generation) (e.g., Makarova et al., 2017). Heritage languages are acquired by children initially as mother tongues in naturalistic family settings (Montrul, 2015). As these children grew up bi(multi)lingual in the immigrant and host country languages, their proficiency in the immigrant (or heritage) language can widely vary (Polinsky, 2018). However, typically their immigrant mother tongue becomes gradually a weaker language as compared to the dominant host country’s language (Meir, 2018). Another way of looking at a heritage language is through a wider definition: “speakers who have some family, ethnic or emotional connection to a given language” (Polinsky, 2018: 4). Our results demonstrate that both narrow and wide approach are applicable in case of the Doukhobors. Elderly Doukhobors who are highly fluent in Russian acquired it in naturalistic settings in their families and villages. Some younger Doukhobors learnt Russian as a foreign language at school. As compared to the usual three-generational language shift pattern from the immigrant mother tongue to the dominant language of the country (Holmes, 2013), Russian has been maintained among the Doukhobors for over 4 generations.

Language attitudes of its speakers are determined by multiple economic, political, demographic, and social factors (Holmes, 2013; Tran et al., 2021). In situation of language contact, language attitudes reflect the social prestige of the groups speaking these languages and the dynamics of power between them (Holmes, 2013). According to Spolsky (Spolsky, 1969), these attitudes are also influenced by language practices, language ideologies, and language management, which applies to

---

³ “forgive, forgive, Mother Wet Earth, forgive God’s serf...”

home and societal levels. Attitudes of heritage language speakers to their language have been well investigated among the first and second generation immigrants in English-dominant countries, who speak a variety of heritage languages, such as Vietnamese, Russian, Chinese and others (e.g., Tran et al., 2021; Makarova et al., 2017; Zhang, Slaughter-Defoe, 2009). These studies demonstrate overall positive attitudes of the immigrant parents towards maintaining their home languages and passing them over to their children. On the other hand, even though competences in heritage language may vary, and the language may have low instrumental value, speakers of heritage languages (the second and subsequent generations of immigrants) tend to have more positive attitudes toward the heritage language than the dominant language (Rubino, 2021). At the same time, heritage language speakers often have insecurities in communicating in the heritage language (Tseng, 2021). We found both a desire to maintain the language and uncertainty in the status of Doukhobor Russian as well as the participants' regrets about the language loss and inability to fully pass the language over to their children.

The probability of a minority language to be passed over to next generations is often described as “ethnolinguistic vitality”, the major components of which are “status (including access to political power, social status, history and status of the community language), demography (size of the group, ...density, area, birth rate and patterns of migration), and institutional support (within mass media, education and other social institutions)” (Sebba, 2013: 457). In terms of the language variety status, the results of the study as well as Doukhobor history in Canada suggest that as compared to English (as well as Standard Russian), Doukhobor Russian is a low (“L”) variety, employing Ferguson’s (Ferguson, 1959, 1991; Fishman, 1967) distinction between “L” (low) and “H” (high) varieties in diglossia. Doukhobor variety of Russian is spoken in family and with some Doukhobor friends on occasion (as a typical L variety). By contrast, unlike a typical “L” variety, it is also used for religious purposes: to recite psalms, sing psalms and hymns and for some limited communication at Doukhobor prayer meetings. While it enjoys some historic value and has a strong emotional attachment among elderly Doukhobors still speaking the language, there is no association with power or higher social status. It appears quite remarkable that most Doukhobor participants have maintained a positive attitude to the Russian language and would like to see it functioning despite being subjected for generations to “linguistic racism,” i.e. ideology of linguistic homogeneity, discrimination, and alienation (Dovchin, 2019: 334). On the other hand, many other individuals outside of the scope of this investigation preferred to assimilate, changed their names and avoid any contact with Doukhobors (Kalmakoff, 2020).

The relative longevity of Doukhobor Russian is likely explained by its role in Doukhobor beliefs and *sobraniia/moleniia* (prayer service) meetings. Many participants wish that Russian could be preserved but do not see ways of accomplishing it. In addition to the well-known description of minority and heritage languages as “problem, right, or resource” (Nguyen, Hamid, 2018), Doukhobor Russian evidence seems to provide yet another option: language as a regret.

Language tends to be symbolic and have crucial value for identities of ethnic and religious minorities, as proven by Hebrew and other religious/ethnic groups;

the language of rituals is closely connected with the culture of its speakers (Keane, 2004). Interestingly, there were only three participants with limited or no Russian language skills who suggested that translating the psalms and other Doukhor texts into English could be a solution, since these participants could not understand the semantic complexity of the ritual texts that are impossible to be translated into another language without a very significant loss of meaning.

The demographic situation in the Doukhor community is not favourable for the language retention for a few reasons identified in our earlier research and confirmed in this article. These reasons include a very small population size, an increased exodus of the younger generation from the rural areas in SK and BC to cities and other provinces, and intermarriages (Makarova, 2019b). As some participants mentioned, when they were growing up, in place of destroyed Doukhor communes, there still were Doukhor villages, where they had relatives and other Russian-speaking neighbours and had many cultural activities (example 15). However, the situation changed, and there are no areas of compact settlements of Doukhobors in Canada. While a few towns still have a few Doukhor families residing there, these families are dispersed in the areas (e.g., Saskatoon in SK, Castlegar, Nelson and Grand Forks in BC).

Example 15

Komunal'naj zhizn' konchilas', no sely ostalis'. I mne očen' horošo bylo žit' u etaj sele, tam babuška i deduška i mama i papa, a na drugom boku drughije familia žili, moja tjoťja... My hodili na sobranija, Čistjakov sozdal raznyje gruppy – dramatičeskaja, literaturnaja. Očen' interesno bylo, potomu što my učilis'. Bylo mnogho talantlivyx ljudej, kotorye predstavljali skits. A posle soveršilos' russki školy večernie. Po voskresenjam byli molitvennye sobranija.

The communal life was over, but the villages remained. And it was so wonderful to live in that village, there was grandmother and grandfather, and mother and father, and on the other side, there were other families and my aunt. We attended the meetings, Chistjakov created different groups – drama, literature. It was very interesting, because we were learning a lot. There were many talented people who performed skits. And then there were Russian evening schools organized. On Sundays, there were prayer services.

There is very little institutional support for the language, as the Russian classes are closed in BC elementary schools, and only one bilingual school remains in the province (with limited hours of Russian education). Russian is no longer taught at the high school level, but is taught as a foreign language in the UBC and University of Victoria (Makarova, 2019b). Current Doukhor leadership is making efforts to maintain Russian in the community. Conservation of DR appears perhaps less pressing than passing over any form of Russian (de facto Standard Russian). A kindergarden with limited Russian language education is run by the USCC (Union of the Spiritual Communities of Christ, a major Doukhor organization in Canada where Standard Russian is taught by a Standard Russian instructor). The “Iskra: Voice of the Doukhobors” journal of the USCC publishes some texts in Russian and bilingual texts in Russian and English, although most of

the text is in English. The Russian texts in the journal are for most part in Standard Russian, but some articles present interesting words and expressions from Doukhor Russian. The USCC Executive Director makes his speeches and addresses bilingual (in Russian and English).

A disappearance of a local variety is not in any way unique. As it dies, it may sometimes shift to a standard variety. For example, a shift from dialect to a standard language variety of a heritage language has been observed for other immigrant groups as well, such as Italo-Australians (Rubino, 2021). In Italo-Australian context maintenance of the High language (Standard Italian as opposed to dialect) is more plausible, since it relies on the multiple support factors (Rubino, 2021). By analogy, Russian is more likely to survive in the Doukhor group as Standard Russian, if the Doukhobors continue to exist as a distinct group.

According to the author's "Linguistic Equilibrium" theory (developed originally for typical contemporary immigration contexts), the language maintenance depends on a wide range of social, ideological, demographic, political factors and on the wills and actions of local communities to balance language use based on their needs. These can include re-establishing a heritage language in their own use, teaching it to children and in community groups. However, it takes considerable energy from communities and individuals to reverse a language shift.

The results of the study have certain limitations. First, they may be skewed towards more positive representations of Russian because the original purpose of the project was Doukhor Russian documentation. Therefore, the author initially was trying to recruit participants who could speak Russian. This recruitment strategy also limited the participants by age, as most participants were elderly, and only 3 participants were in the young age group 10–16.

Conclusion

Language is 'the soul of a nation, the supreme manifestation of its cultural identity, the foundation of its true spiritual life' (Brown, 2013: 247). Doukhor Russian is a strongly endangered variety on the brink of extinction. Its strongest domain is Doukhor religion and way of life, its connection with Doukhor beliefs through psalms and hymns. Its speakers have a strong emotional connection with it, but do not see ways of encouraging younger generation to maintain it. The ethnolinguistic prognosis for the variety maintenance is negative due to demographic, status, and institutional factors. If the community remains strong over the next few decades and undertakes continuous measures towards language retention, it is possible to expect a shift from Doukhor Russian to Standard Russian. Some words and expressions from Doukhor Russian could remain for symbolic purposes as signs of group belonging and kinship.

The results of the study could hopefully be applied in developing Russian language courses for the Doukhor community. The recommendations are to plan such courses as hybrid (Standard Russian with elements of Doukhor Russian) and multicultural (i.e., representing Doukhor Russian and Russian languages and cultures) following multicultural approaches to language learning (Delanoy, Volkmann, 2006; Freitag-Hild, 2018; Sandkühler, Lim, 2004).

References

- Bonch-Bruevich, V. (1909). *The living book of the Doukhobors*. Saint Petersburg: Tipografiya B.M. Vol'fa Publ. (In Russ.)
- Brown, T. (2013). Key indications of language impact on identity formation in Belarus. *Russian Language Journal*, 63, 247–288.
- Delaney, W., & Volkmann, L. (2006). *Cultural studies in the EFL classroom*. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter.
- Dovchin, S. (2019). Language crossing and linguistic racism: Mongolian immigrant women in Australia. *Journal of Multicultural Discourses*, 14(4), 334–351. <https://doi.org/10.1080/17447143.2019.1566345>
- Ferguson, C. (1959). Diglossia. *Word*, 15, 325–340.
- Ferguson, C. (1991). Diglossia revisited. *Southwest Journal of Linguistics*, 10(1), 214–234.
- Fishman, J. (1967). Bilingualism with and without diglossia, diglossia with and without bilingualism. *Journal of Social Issues*, 32(2), 29–38.
- Freitag-Hild B. (2018). Teaching culture – intercultural competence, transcultural learning, global education. In C. Surkamp & B. Viebrock (Eds.), *Teaching English as a Foreign Language* (pp. 159–175). Stuttgart: J.B. Metzler.
- Holmes, J. (2013). *An introduction to sociolinguistics*. London: Routledge.
- Inikova, S.A. (1999). *Doukhorbor incantations through the centuries*. Ottawa: Legas.
- Kalmakoff, J.J. (2020). *Guide to Doukhorbor names and naming practices*. Retrieved August 23, 2021, from <https://doukhorbor.org/guidenames/>
- Keane, W. (2004). Language and religion. In A. Duranti (Ed.), *A Companion to Linguistic Anthropology* (pp. 431–448). Oxford: Blackwell.
- Makarova, V. (2017). Choral music in Doukhorbor rituals and community life in Saskatchewan, Canada. *International Journal of Russian Studies*, 6(1), 28–37.
- Makarova, V. (2019a). Ex-neuter gender nouns in Canadian Doukhorbor Russian. *Russian Linguistics*, 43, 273–287.
- Makarova, V. (2019b). The Russian language in Canada. In A. Mustajoki, E. Protassova & M. Yelenevskaya (Eds.), *The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies* (pp. 183–199). Abingdon, Oxon: Routledge.
- Makarova, V., Terekhova, N., & Mousavi, A. (2017). Children's language exposure and parental language attitudes in Russian-as-a-heritage-language acquisition by bilingual and multilingual children in Canada. *International Journal of Bilingualism*, 23(2), 457–485.
- Meir, N. (2018). Morpho-syntactic abilities of unbalanced bilingual children: A closer look at the weaker language. *Frontiers in Psychology*. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01318>
- Meir, N., Walters, J., & Armon-Lote, S. (2017). Bi-directional cross-linguistic interference in bilingual Russian-Hebrew speaking children. *Linguistic Approaches to Bilingualism*, 7(5), 514–533. <https://doi.org/10.1075/lab.15007.mei>
- Montrul, S. (2015). *The acquisition of heritage languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nguyen, T.T., & Hamid, M.O. (2018). Bilingualism as a resource: language attitudes of Vietnamese ethnic minority students. *Current Issues in Language Planning*, 19(4), 343–362.
- Perry, S.M. (1992). *Selected psalms, old verses and spiritual songs of the Canadian Doukhorbors: Transcription and musical analysis* (PhD Dissertation, Tucson, Arizona).
- Polinsky, M. (2018). *Heritage languages and their speakers*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rubino, A. (2021). Language competence, choice and attitudes amongst Italo-Australian youth. *Journal of Multilingual & Multicultural Development*, 42(3), 275–290. <https://doi-org.cyber.usask.ca/10.1080/01434632.2019.1688337>
- Sandkühler, H.J., & Lim, H.B. (2004). *Transculturality – epistemology, ethics and politics*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Schaarschmidt, G. (2012). Russian language history in Canada: Doukhorbor internal and external migrations. Effects on language development and structure. In V. Makarova (Ed.), *Russian Studies in North America* (pp. 235–260). London: Anthem Press.

- Sebba, M. (2013). Societal bilingualism. In R. Wodak, B. Johnstone & P. Kerswill (Eds.), *The Sage Handbook of Sociolinguistics* (pp. 445–459). London: Sage.
- Shabani, A. (2014). *Piers Island “Sons of Freedom” Doukhobor Imprisonment Collection*. MsC 147. Burnaby: Simon Fraser University. Retrieved from <https://www.lib.sfu.ca/system/files/28909/FINDING%20AID%20PIERS%20ISLAND2.pdf>
- Spolsky, B. (1969). Attitudinal aspects of second language. *Language Learning*, 19(3–4), 271–283.
- Tarasoff, K. (1984). *Plakun-Trava: the Doukhobors*. Grand Forks, BC: Mir Publication Society.
- Tran, V.H., McLeod, S., Verdon, S., & Wang, C. (2021). Vietnamese-Australian parents: Factors associated with language use and attitudes towards home language maintenance. *Journal of Multilingual & Multicultural Development* (pp. 1–18). <https://doi-org.cyber.usask.ca/10.1080/01434632.2021.1904963>
- Tseng, A. (2021). “Qué barbaridad, son latinos y deberían saber español primero”: Language ideology, agency, and heritage language insecurity across immigrant generations. *Applied Linguistics*, 42(1), 113–135. <https://doi-org.cyber.usask.ca/10.1093/applin/amaa004>
- Waring, H.Z. (2017). *Discourse analysis: The questions discourse analysts ask and how they answer them*. New York: Routledge.
- Woodcock, G., & Avakumovic, I. (1977). *The Doukhobors*. Toronto: McClelland and Stewart Limited.
- Zhang, D., & Slaughter-Defoe, D.T. (2009). Language attitudes and heritage language maintenance among Chinese immigrant families in the USA. *Language, Culture and Curriculum*, 22, 77–93.

Bio note:

Veronika Makarova, PhD, is a Professor in the Department of Linguistics, University of Saskatchewan, 914 Arts Building, 9 Campus Drive, Saskatoon, Saskatchewan, Canada. *Research interests*: bilingualism/multilingualism, immigrant and heritage languages, Russian linguistics, Doukhobor (Spirit Wrestlers) language, religion and culture, language and gender, language and culture. She has authored over 100 research articles and 5 books. ORCID: 0000-0003-1885-0989. E-mail: v.makarova@usask.ca

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-7-21

Научная статья

Когда твой язык исчезает: канадский духоборческий русский

В. Макарова

Саскачеванский университет, Саскатун, Канада

✉ v.makarova@usask.ca

Аннотация. Рассматривается отношение канадских духоборцев (духоборов) к русскому языку. Канадские духоборцы, иммигрировавшие в Канаду в 1899 г., представляют собой религиозное и этническое меньшинство русского происхождения. Актуальность работы обусловлена недостаточностью исследований этой уникальной культурно-лингвистической группы, а также возможностью описания динамики утраты языка. Это первое исследование, посвященное языковым отношениям среди духоборцев. Его цель состоит в описании отношения духоборческих информантов к русскому языку их наследия. В задачи исследования входит описание сохранившихся функций языка в общине и перспектив его сохранения. Материалы исследования составляют интервью с 40 но-

сителями духоворческого русского языка, англо-русскими билингвами. Интервью были записаны в Британской Колумбии и Саскачеване (исторических провинциях проживания духоворцев) с 2012 по 2018 г. Методология, основанная на исследованиях в областях языков наследия и социолингвистики, включает дискурсивный анализ тематически кодированных транскриптов интервью. Результаты исследования показывают, что носители языка эмоционально привязаны к нему и русский язык важен для духоворческих молений, отражения верований в псалмах, чтения русской литературы, поездок и обучения в России и т. д. С другой стороны, некоторые носители полагают, что их язык ниже по статусу, чем стандартный русский, из-за антидиалектных реакций русских граждан, с которыми они состояли в контакте. Многие информанты скептически относятся к возможности возрождения языка в общине. Результаты обсуждаются в свете авторской теории лингвистического эквигриума. В завершение обозначено возможное применение результатов для возрождения языка. Перспективы исследования состоят в их применении в теориях билингвизма и мультилингвизма, языков наследия и описаниях утраты языков.

Ключевые слова: отношение к языкам, язык наследия, русский, духоворческий русский язык, сохранение исчезающего языка, исчезновение языка, канадские духоворцы, двуязычие

История статьи: поступила в редакцию: 05.09.2021; принята к печати: 18.11.2021.

Благодарности: Исследование спонсировано Канадским советом по социальным и гуманитарным исследованиям.

Я благодарю духоворцев – участников исследования, а также Совет Духовных Общин Христа.

Для цитирования: *Makarova V.* When your language is disappearing: Canadian Doukhobor Russian // Русистика. 2022. Т. 20. № 1. С. 7–21. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-7-21>

Сведения об авторе:

Макарова Вероника, PhD по лингвистике, профессор, преподаватель кафедры языкознания, Саскачеванский университет, Канада, Саскачеван, Саскатун, Кампус драйв, д. 9, Здание искусств, к. 914. *Сфера научных интересов:* двуязычие, мультилингвизм, языки иммигрантов, языки наследия, русский язык, духоворческий язык, религия и культура, язык и гендерные исследования, язык и культура. Автор более 100 научных публикаций и 5 книг. ORCID: 0000-0003-1885-0989. E-mail: v.makarova@usask.ca

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
CULTURAL LINGUISTICS:
THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-22-34

Научная статья

Прозвища как лингводидактический материал

М.В. Боброва

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

✉ bomaripgu@yandex.ru

Аннотация. Цель работы – обосновать необходимость использования в рамках курса русского языка как иностранного такого разряда имен собственных, как прозвища. Иллюстративным материалом послужили общеизвестные, культурно значимые прозвища исторических и политических деятелей, а также современные неофициальные именованья. Актуальность исследования обеспечивается тем, что отбор антропонимов для учебных материалов не релевантен современной лингвистической, лингво- и социокультурной ситуации. В частности, существует противоречие между утвердившимся в обществе негативным отношением к прозвищам и реальным их положением в русской антропонимической системе. Вследствие недооценки роли прозвищ в социуме данный вид антропонимов не представлен в дидактических материалах по русскому языку как иностранному (РКИ). Однако ввести прозвища в лингводидактику целесообразно, поскольку они являются фактом русского лингвокультурного пространства и отвечают основным подходам современной отечественной педагогики: компетентностному, метапредметному и аксиологическому. В качестве ведущего использован дескриптивно-аналитический метод. Прозвища рассмотрены как разряд антропонимов. Показано, что прозвища – факт языковой и социальной коммуникации, явление языковое, социокультурное и индивидуально-психологическое. Прозвища полифункциональны: выполняют различные функции. Отбор материала для преподавания РКИ должен осуществляться с учетом актуальности, когнитивной значимости и коммуникативной ценности прозвищ; необходимо отличать их от сходных разрядов – псевдонимов и никнеймов. Адекватности отбора будет способствовать опора на предложенную автором классификацию прозвищ. Такой подход способствует в некоторой степени преодолению «отрыва от реальности» и повышению качества обучения иностранцев русскому языку, формированию у них различных компетенций, совершенствованию их языковой личности, приобщению к русской культуре.

Ключевые слова: лингводидактика, антропонимия, прозвища, компетентностный подход, метапредметный подход, аксиологический подход, русский язык как иностранный

История статьи: поступила в редакцию: 05.10.2021; принята к печати: 15.12.2021.

Для цитирования: Боброва М.В. Прозвища как лингводидактический материал // Русистика. 2022. Т. 20. № 1. С. 22–34. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-22-34>

Введение

В последние годы все настойчивее звучит мысль о том, что имеющиеся методические разработки по преподаванию русского языка как иностранного (РКИ) нуждаются в корректировке с учетом современной языковой ситуации, достижений в области лингвистики и лингводидактики. Одним из уязвимых разделов оказывается ономастика – наука, связанная с изучением имен собственных. Даже «...термин *ономастическая лексика* не вводится в учебную программу, не дается представления об основных типах ономастических единиц, не предполагается знакомства с историей русского антропонимикона, его христианизацией, не рассказывается о словарях данного типа», авторами не разработаны для иностранцев специальные упражнения с использованием разных видов онимов (Сергеева, 2009: 147). Игнорируется также лингвокультурная составляющая имен собственных. Часто они лишь сопутствуют изучаемым грамматическим или коммуникативным явлениям, хотя ономастика вполне самоценна в разнообразных аспектах преподавания РКИ (Головина, 2020).

Имена собственные «выступают как маркеры времени, социальных процессов, культурной и личностной идентичности», «имя представляет собой тот кусочек мозаики из национальной картины мира, без которого она не только была бы неполной, но и невозможной» (Бойко, 2013: 20, 17). Оним формируется, функционирует и исчезает в контексте конкретной культуры. Однако фундаментальные теории лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, этнолингвистики разрабатываются преимущественно на основе апеллятивной лексики. Созданы отдельные труды на материале астрономов (Рут, 2008) и топонимов (Березович, 2010, 2021), но по антропонимике и иным разделам ономастики фундаментальных работ подобного рода в России не осуществлено. Нам известен лишь зарубежный труд, обобщающий наработки языковедов в области ономастики (*The Oxford handbook...*, 2016), где отдельным разрядам имен собственных посвящены небольшие главы, в том числе глава 16 *Yunames and nicknames* («Клички и прозвища»), подготовленная Евой Брюлла (Brylla, 2016: 237–250). Возможно, это является одной из причин того, что успехи отечественной лингвистики не находят должного отражения в практике преподавания РКИ. Лишь в отдельных статьях лингвисты и преподаватели РКИ заявляют о том, что «„антропонимическая картина мира“, представленная в учебниках, далеко не всегда совпадает с реальной» (Мартыненко, 2020: 191), в частности не учитывается лингводидактический потенциал прозвищ (Головина, 2012; Bobrova, 2021).

В итоге, с одной стороны, в науке давно признано, что проприальная лексика – многогранное явление, ценность которого не ограничивается номинативной функцией. С другой стороны, в лингводидактике обнаружива-

ется отставание от общих достижений в языкознании и отрыв от реальной языковой ситуации. Такое положение частично преодолевается лингвистами и специалистами по лингводидактике в отдельных публикациях, обычно небольшого формата, в частной практике преподавателей РКИ, но ими решены далеко не все вопросы.

Преподавателям необходимо отвечать на современные вызовы общих тенденций в науке и лингводидактике, а это прежде всего компетентностный подход. Недостаточно освоения русскими и иностранными студентами лишь определенного набора лексических и грамматических средств. У студентов необходимо вырабатывать лингвокультурологическую компетенцию как «систему знаний о культуре, воплощенную в определенном национальном языке» (Воробьев, 2008: 56), лингвострановедческую компетенцию как «фоновые знания типичного... представителя... лингвокультурной общности», «умения использовать фоновые знания для достижения взаимопонимания в ситуациях опосредованного и непосредственного межкультурного общения, знание лексических единиц с национально-культурным компонентом значения и умение адекватно их применять в ситуациях межкультурной коммуникации» – все то, что обеспечивает в конечном итоге «коммуникативную компетенцию в актах межкультурной коммуникации, прежде всего через адекватное восприятие речи собеседника и понимание оригинальных текстов» (Шаклеин, 2012: 53, 57).

Благодатным материалом для формирования полноценной языковой личности служит проприальная лексика. В процессе обучения РКИ приобретают актуальность следующие задачи:

- формирование у студентов адекватных представлений о русском ономастическом пространстве, об его антропонимическом фрагменте;
- ознакомление студентов разного уровня подготовки с антропонимами, используемыми в официальной или в неофициальной обстановке;
- выработка у студентов навыков оперирования языковыми средствами, в том числе антропонимами, способствующими эффективности коммуникации в разных культурных средах и ситуациях общения.

Цель исследования – обосновать необходимость использования в рамках курса РКИ такого разряда имен собственных, как прозвища.

Для этого решались такие задачи, как:

- 1) аргументация целесообразности ознакомления студентов с неофициальными именованиями людей (прозвищами);
- 2) раскрытие основных типологических особенностей прозвищ;
- 3) обозначение основных принципов отбора прозвищ в процессе преподавании РКИ;
- 4) демонстрация некоторых лингводидактических возможностей прозвищ.

Методы и материалы

Основной метод исследования дескриптивно-аналитический. Описаны некоторые типологические особенности современных русских прозвищ, дана их классификация.

Материалом послужили преимущественно общеизвестные, культурно значимые прозвища исторических и политических деятелей, а также данные «Большого словаря русских прозвищ»¹.

Результаты

Основные результаты исследования:

- обозначены актуальные проблемы, связанные с введением прозвищ в методическую работу преподавателей РКИ;
- обоснована специфика прозвищ;
- указан круг источников, использование которых целесообразно при ознакомлении учащихся с русскими прозвищами;
- определены основные принципы отбора прозвищ как материала для занятий по РКИ;
- предложены некоторые способы введения прозвищ в методическую работу преподавателей РКИ.

Обсуждение

Прозвища как неофициальные антропони́мы. На занятиях по РКИ иноязычные учащиеся имеют возможность ознакомиться лишь с антропони́мами официально принятой трехчленной формулы: «имя – отчество – фамилия». В процессе обучения студенты неизбежно сталкиваются с ними в учебных текстах, усваивают особенности русского антропони́микона на интуитивном уровне и получают минимальные комментарии от преподавателей. Но то, что в русскоязычной среде всегда активно использовались прозвища, фактически игнорируется. В исключительных случаях студенты имеют возможность познакомиться с русскими прозвищами при освоении исторических тем, если они закреплены в качестве части официального именования (ср. *Иван Грозный*, *Петр Великий*), но и тогда понятие «прозвище» не вводится. На наш взгляд, это искажает реальную социокультурную ситуацию, что препятствует формированию у студентов адекватных представлений о русском языке как системе и как средстве общения.

Такое положение обусловлено, вероятно, укоренившимся в российском обществе пренебрежительным, даже презрительным отношением к прозвищам, убежденностью в том, что употребление прозвищ говорит о крайне низкой культуре коммуникантов, преимущественно маргиналов. Однако неофициальные они́мы используются во *всех* социальных группах: в семье по отношению к близким (*Зая*, *Медвежонок*, *Пусик* и т. п.), среди друзей, одноклассников, коллег (отфамильные образования или характеристические именования), по отношению к вышестоящим лицам – учителям, начальникам и др. (чаще негативные номинации агрессивных, чрезмерно требовательных или неумных людей), при упоминании известных личностей и пр. Очевидно, следует признать прозвища реальностью русского коммуникативного пространства. И тому есть основания.

---

¹ Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ. М. : ОЛМА Медиа Групп : Нева, 2007.

Действительно, в какой-то степени справедливо мнение, что прозвища – явление народной карнавалльно-смеховой традиции, которое обеспечивает «временный выход за пределы обычного (официального) строя жизни» (Бахтин, 1990: 12). Вместе с тем прозвища являются, вероятно, самым древним, а изначально единственным типом именованя. Общеизвестно, хотя не всеми это осознается, что прозвища всегда имели *все* слои общества, в том числе правящие верхи и аристократия. Но теперь такие антропонимы занимают не центральное, а периферийное положение в системе номинации людей (об истории русских прозвищ см., например: Полякова, 2005; Селищев, 2003; Чичагов, 2018). Исторически сложилось, что в настоящее время они действительно маргинальны, но только в юридической, не в бытовой сфере общения. За время существования прозвищ менялись принципы их образования, функции, сфера употребления, но не было и кратчайшего периода, когда бы прозвища уходили из речи.

Прозвища – факт языковой и социальной коммуникации, крайне лабильный и «живучий», что парадоксально сочетается с неустойчивостью и подвижностью конкретных таких именованя. При этом в каждой социальной группе прозвища способны проявлять своеобразие в способах образования, по функциональности, отбору лексики и т. д. В равной степени правомерно рассматривать их как одну из форм детской субкультуры, один из жанров смеховой культуры, детского фольклора (см. работы В.В. Абраменковой, Ф.С. Капицы, Т.М. Колядич, М.Н. Мельникова, Н.А. Родиной, Е.Н. Суворкиной и др.), как факт лингвосоциокультурной жизни в регионе (см., например, труды Н.И. Волковой²), как явление народной речи (см. серии статей и отдельные публикации Е.Ф. Данилиной, Г.Я. Симиной, Ю.Б. Воронцовой, Н.Г. Гордеевой, И.Ю. Карташовой, Н.П. Ключевой и др.), как явление общекультурное (Волкова, 2007) и др. Безусловно значимы труды, в которых прозвища описаны лексикографически³.

Наиболее вероятное объяснение феноменальной «жизнеспособности» и высокой употребительности прозвищ, вопреки их искусственному табуированию, – их полифункциональность. Аналогично триаде официальной ан-

² См.: Волкова Н.И. Современная антропонимия в лингвосоциокультурном пространстве Республики Коми : учебное пособие. Сыктывкар, 2007; Волкова Н.И. Этимологический словарь современных прозвищ Республики Коми. Сыктывкар : Карел. гос. пед. ин-т, 2003.

³ Андреев В.К. Лексикон молодежных субкультур. Опыт словаря. Псков : Логос, 2009; Боброва М.В. Материалы для словаря современных прозвищ жителей Пермского края. СПб. : Изд-во РХГА, 2020; Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ. М. : ОЛМА Медиа Групп : Нева, 2007; Вальтер Х., Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русского школьного и студенческого жаргона. М. : Астрель, 2005; Волкова Н.И. Этимологический словарь современных прозвищ Республики Коми. Сыктывкар : Карел. гос. пед. ин-т, 2003; Кюрицунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2010; Неврова Т.И. Региональный словарь лично-индивидуальных прозвищ Верховского района Орловской области / под ред. Т.В. Бахваловой. Орел : ОГУ : Каргущ, 2007; Никитина Т.Г. Молодежный сленг. Толковый словарь. М. : Астрель, 2003; Никитина Т.Г., Рогалева Е.И. Футбольный словарь сленга. М. : Астрель, 2006; Словарь молодежного жаргона. Слова, выражения, клички рок-звезд, прозвища учителей / под ред. И.А. Стернина. Воронеж : Логос, 1992; Щуплов А. Кто есть Ху : мини-энциклопедия политических кличек. М. : Политбюро, 1999.

тропонимической формулы прозвища служат средством именованя, установления различия либо тождественности субъектов, то есть выполняют номинативную, дифференцирующую, идентифицирующую функции. Но им свойственно также передавать отношение к называемым лицам, различать «своих» и «чужих», отражать ценностные установки номинаторов (функции эмотивная, маркирующая, аксиологическая). Кроме того, они выполняют конспиративную, социализирующую, культурологическую, развлекательную, игровую и прочие функции.

Иными словами, прозвища – это явление языковое, социокультурное и индивидуально-психологическое. Для лингводидактики наиболее значимо то, что они способны маркировать самые разнообразные проявления человека, общества, исторической эпохи и т. д.: бытийность, индивидуальную, половозрастную, гендерную, культурную, этническую, социальную идентичность человека; историческую, социальную, культурную идентичность, культурно-исторический опыт нации (народа) (Бойко, 2013; Tsepkova, 2021). Только прозвище, в частности, способно обеспечить индивидуализацию человека в именовании, поскольку средствами официальной трехчленной антропонимической формулой это не всегда достижимо в силу «лимитированности национального ономастикона» (в терминологии Л.Б. Бойко; по причине относительной ограниченности реестра «действующих» имен), явления моды на имена (это приводит к повышенной частотности некоторых отчеств в разные периоды) и региональной повторяемости фамилий.

Все это делает неофициальные именованя людей полноценной антропонимической единицей, не менее сложной и значимой, чем имена, отчества и фамилии, – частью антропонимического кода культуры. Как следствие, введение прозвищ в качестве лингводидактических материалов в практику преподавания РКИ способствует формированию и развитию разнообразных компетенций студентов, формированию полноценной языковой личности.

Прозвища как языковой и лингвокультурный материал в процессе преподавания РКИ. Естественно, что прозвища должны привлекаться в качестве дидактических материалов «дозированно». По этой причине остро встает вопрос об отборе таких специфических языковых единиц, при решении которого – согласимся с мнением Ю.Б. Мартыненко относительно антропонимии в целом – целесообразно учитывать «принцип актуальности и принцип коммуникативности», «когнитивную значимость и коммуникативную ценность материала» (Мартыненко, 2020: 191, 192).

Адекватности отобранных единиц реальным потребностям студентов должен способствовать учет дифференциальных признаков конкретных антропонимов. Представим классификацию (см. также: Боброва, 2020: 21–27), которая отражает основные разновидности прозвищ, оговорившись, что на настоящий момент исчерпывающей такой классификации не разработано.

1. По темпоральному признаку: исторические и синхронические. Известно, что прозвищами наделены многие исторические личности, преимущественно правители и полководцы (ср. *Владимир Красное Солнышко*, *Ярослав Мудрый*, *Александр Освободитель*, *Дмитрий Донской* и т. п.), не-

которые из которых стали символами эпохи (ср. советское *Отец Народов* об И.В. Сталине). Очевидно, что подобные именованья функционально отличаются от современных номинаций. В частности, эти уже устоявшиеся именованья отражают исторически сложившуюся оценку результатов деятельности лиц, в то время как прозвища современных правителей или индивидуальные антропонимы рядовых россиян крайне неустойчивы. Кроме того, синхронические наименования обычно выражают оценочность более ярко, нередко чрезмерно негативно (ср., например, прозвища политиков в «Большом словаре русских прозвищ»⁴). Исторические прозвища более предпочтительны для работы с иностранными студентами, отбор современных антропонимов должен осуществляться крайне тщательно.

2. По социальной активности: общеизвестные и употребительные в узких кругах. Широкое хождение свойственно прозвищам известных личностей: исторических деятелей, современных политиков, деятелей искусства, журналистов и под. (ср.: *ВВП* – аббревиатурное прозвище президента России В.В. Путина), прозвищам вымышленных героев книг, кинофильмов и др. (ср.: именование *Клиент* в отношении главного персонажа в устах преступников, *Козлодоев* вместо фамилии *Козодоев* в устах его напарника в фильме «Бриллиантовая рука», *Доцент*, *Хмырь*, *Косой*, *Никола Питерский* в фильме «Джентльмены удачи», *Иудушка Головлев* в книге М.Е. Салтыкова-Щедрина, многочисленные примеры в рассказах В.М. Шукшина, В. Крапивина и др.). Повседневные же прозвища обычно не выходят за пределы очень узкой группы родственников, друзей, коллег, соседей. Предпочтительны, безусловно, общеизвестные наименования, с которыми иностранные студенты встречаются при чтении российских СМИ, просмотре российских фильмов, чтении русских книг и т. д. Вместе с тем даже антропонимы второй группы, рассматриваемые комплексно, могут оказаться полезны, например как источник сведений о современной русской лексике (Боброва, 2018).

3. По сфере употребления: общеупотребительные и ограниченной сферы употребления. В качестве лингводидактических материалов привлекательнее прозвища, которые регулярно используются в речи. Однако и те именованья, употребление которых ограничено профессиональной или социальной сферой, территорией распространения, также могут обладать когнитивной и/или коммуникативной ценностью. Богатым источником вторых служат «Словарь коллективных прозвищ» Ю.Б. Воронцовой⁵ и отдельные статьи (Берестова, 2015; Осипова, 2017; Макарова, Попова, 2020), в которых прозвища предстают как источник лингвистической, лингвокультурной, этнокультурной, лингвострановедческой информации о хозяйственной деятельности, пищевых предпочтениях, некоторых фенотипических особенностях русских крестьян, особенностях ландшафта, фауны и др.

4. По активности употребления: активные и пассивные. Более целесообразно ознакомление студентов с активными прозвищами, нежели с устаревшими наименованиями или неологизмами, отсутствие которых в живой

⁴ Вальтер Х., Мокиенко В.М. Большой словарь русских прозвищ. М. : ОЛМА Медиа Групп : Нева, 2007.

⁵ Воронцова Ю.Б. Словарь коллективных прозвищ. М. : АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2011.

речи служит косвенным свидетельством неактуальности заключенной в них информации. Закрепилась, например, подпольная кличка В.И. Ульянова *Ленин*, но мало кому известны другие его прозвища (*Старик*, *Лукич* и т. д.), не обладающие большой культурной ценностью.

5. По экстенционалу: групповые (коллективно-территориальные, социально-групповые, семейные) и индивидуальные. Когнитивным и коммуникативным лингводидактическим потенциалом могут обладать прозвища обеих групп, ср.: династическое именование *Рюриковичи* и номинации отдельных представителей династии *Владимир Святой*, *Владимир Мономах*, *Всеволод Большое Гнездо*, *Василий Темный* и др.

6. По стилистическим особенностям: нейтральные и стилистически окрашенные. Вопреки общепринятому мнению, прозвища могут обладать не только негативной окраской. Стоит учесть, что стилистическая принадлежность динамична, зависит от изменчивых идеологических установок в обществе. Так, в настоящее время Николая II принято называть *Страстотерпцем*, прозвище *Кровавый*, имевшее хождение во времена его правления, фактически забыто.

Следует отличать прозвища от смежных разрядов антропонимов, таких как псевдонимы и никнеймы. Прозвища – «неофициальные факультативные вторичные именованья, служащие характеристике людей и иным целям на основе социальных, территориальных, темпоральных, эмотивно-оценочных, событийных и иных факторов»⁶. В отличие от прозвищ, псевдонимы – это вымышленные антропонимы, используемые человеком в публичной деятельности в конспиративных целях; никнеймы – вымышленные антропонимы, используемые человеком в социальных сетях в конспиративных и иных целях (Климова, 2020).

Не менее существенен вопрос о возможностях и способах введения прозвищ в лингводидактическую практику. Поскольку мы ограничены объемами статьи, обозначим лишь некоторые положения.

Возможности включения прозвищ в работу преподавателя широки. Одно из методических решений – составление словариков тематических (например, именованний правителей и политических деятелей досоветских/советских/постсоветских, русских полководцев, писателей, художников и др., то же – на многонациональном материале) или страноведческих, включающих прозвищные данные. Прозвища дают богатый материал для освоения русской языковой системы. Так, средства и способы словообразования, морфологии русского языка можно проиллюстрировать прозвищами *Миротворец* (ср. *чудотворец*, *стихотворец*), *Долгорукий* (как пример слова со сложной основой), *Тишайший* (как пример формы прилагательного в превосходной степени) и т. п. Очевидны широкие возможности привлечения таких антропонимов при изучении лексики: при освоении устаревших слов и значений (прозвище *Красное Солнышко* встраивается в ряд с фольклорным эпитетом *красный* (*красна девица*, *весна красна* и т. п.), урбанонимом национального масштаба *Красная Площадь* и др.), при изучении парадигматиче-

⁶ Боброва М.В. Материалы для словаря современных прозвищ жителей Пермского края. СПб. : Изд-во РХГА, 2020. С. 14. Подробнее см. там же, с. 11–17.

ских связей, в том числе синонимов (*Василий Темный – слепой*), антонимов (*Иван Грозный – Алексей Тишайший*), многозначных слов (ср.: *Петр Великий, Екатерина Великая*, где *великий* – «очень значимый, важный, выдающийся»; *Новгород Великий, Пермь Великая*, где *великий* – «новый», а также *Великий Двор, Великое Село*, где «великий» – такой, где «была расположена усадьба крупного феодала (князя, боярина), где жил он сам или его управляющий» (Чайкина и др., 2004: 15) и др.). Такие данные позволяют установить метапредметные связи с историей, географией, фольклористикой и пр.

Целесообразно, на наш взгляд, опираться на разработанную В.О. Максимовым модель фамилий как языковых и лингвокультурных единиц, в структуре которых он выделил «шесть тематических компонентов: этимологический, социокультурный, этнографический, географический, статистический, структурно-словообразовательный и фонетический» (Максимов, 2015: 84). Применяя данную модель к прозвищам, делаем вывод о возможности использовать их как источник сведений о происхождении слова либо источник, дающий импульс для раскрытия сведений из метапредметных областей (ср. *Иван Калита, Юрий Долгорукий*), его связи с историко-культурными и историко-социальными условиями возникновения антропонима (ср. *Александр Невский, Александр Миротворец, Железный Феликс*), этнокультурными особенностями (*Илья Муромец, Соловей Разбойник*), особенностями лингвистическими (см. примеры выше). Статистические данные при этом (например, частотность употребления прозвищ) позволяют судить об актуальности таких «ретрансляторов» культуры, которые могут рассматриваться как лингвокультуремы (ср. об этом, например: Микова, 2015).

Значимо, полагаем, что прозвища – явление далеко не уникальное для русской культуры. Это облегчает работу преподавателя РКИ, в частности делает возможным использование параллелей в речевых практиках разных народов. Правителям, политикам, деятелям искусства других народов также свойственны подобные именованья, достаточно вспомнить династии *Каролингов, Виндзоров, Габсбургов*, правителей и политических деятелей *Великий Хромой, Вильгельм Завоеватель, Орлеанская Дева, Король-Солнце, Лорд Мальборо, Железная Леди*. До нас дошли именованья великих людей древности: *Гораций Флакк* («лопоухий»), *Овидий Назон* («носатый»), *Юлий Цезарь Калигула* («сандалия»). Некоторые, как *Цицерон* («горошина»), известны только по прозвищу. Прозвища дают богатый сопоставительный материал, позволяющий увидеть общее и различное в языке и культуре разных народов (см., например, исследование антропонимикона испанцев: Рылов и др., 2010, жителей острова Бали: Geertz, 1993: 369–371, «разделенных одним языком» англичан и американцев: Walmsley, 2003; Цепкова, 2012, японских студентов: Varešová, 2020, жителей Западного Полесья: Шульська, Матвійчук, 2018 и др.).

У преподавателя РКИ есть уникальная возможность актуализировать историко-культурный компонент онимов и расширить кругозор своих учеников: ввести в качестве дополнительных материалов не только те антропонимы, которые упоминаются на страницах учебников (прозвищные именованья царей), но и те, которые часто встречаются на страницах современной

прессы; прокомментировать ономастические единицы, характерные для неформальной коммуникации, познакомиться с которыми студенты имеют возможность только за стенами аудитории, хотя явление это настолько «живое» и распространенное, что почти в каждой книге, почти в каждом фильме мы сталкиваемся с ним. Важно подчеркнуть при этом особенности аксиологического характера: ситуативность, условность прозвищ, наличие социальных ограничений их употребления.

Заключение

Итак, используемые авторами учебников РКИ антропонимы не вполне релевантны для современной лингвистической, лингво- и социокультурной ситуации. Вследствие сложившегося в учебном процессе положения возникают препятствия для формирования и развития необходимых компетенций (языковой, лингвистической, социокультурной, коммуникативной, аксиологической, культуроведческой/лингвострановедческой) иностранных студентов, для становления у них представлений о реальной специфике взаимодействия в русскоязычной среде. Преодолевать недочеты сложившейся системы обучения иностранцев преподаватели РКИ вынуждены самостоятельно, путем корректировки имеющихся материалов и привлечения дополнительных источников.

В частности, существует противоречие между утвердившимся в обществе негативным отношением к прозвищам и реальным их положением в русской антропонимической системе. Обнаруженные несоответствия – результат недооценки значимости проприальной лексики в социуме и в сфере коммуникации в российском обществе. Вследствие принижения роли прозвищ данный вид антропонимов не представлен в дидактических материалах по РКИ. Однако ввести прозвища в лингводидактику целесообразно, желательно и в какой-то степени необходимо, поскольку они являются фактом русского лингвокультурного пространства на протяжении всего времени его существования и отвечают всем основным подходам современной отечественной педагогики: компетентностному, метапредметному и аксиологическому. Это позволит в какой-то степени преодолеть «отрыв от реальности» и повысить качество обучения иностранцев русскому языку.

Поставленные в настоящей статье вопросы обеспечивают перспективность дальнейших исследований по разработке конкретных принципов, приемов, дидактических подходов к внедрению прозвищ в практику преподавания РКИ.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. 543 с.
- Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : мифопоэтический образ пространства. 2-е изд. М. : КомКнига, 2010. 240 с.
- Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : пространство и человек / под ред. А.К. Матвеева. М. : ЛИБРОКОМ, 2021. 328 с.

- Берестова Е.А.* Система прозвищ диалектной языковой личности // Вопросы ономастики. 2015. № 2. С. 141–155.
- Боброва М.В.* Соматизмы в современных прозвищах Пермского края // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 2. С. 162–179. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.019
- Бойко Л.Б.* К вопросу о роли антропонимов в лингвокультуре // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2013. Вып. 2. С. 13–21.
- Волкова Н.А.* О русских прозвищах // Большой словарь русских прозвищ / под ред. Х. Вальтера, В.М. Мокиенко. М. : ОЛМА Медиа Групп : Нева, 2007. С. 28–33.
- Воробьев В.В.* Лингвокультурология. М. : Изд-во РУДН, 2008. 340 с.
- Головина Л.С.* Ономастика как способ формирования социокультурной компетенции на занятиях РКИ // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 1 (26). [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.1\(26\).5](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.1(26).5)
- Головина Л.С.* Русская ономастика в лингвокультурологической репрезентации для иноязычного адресата. Псков : Псковский государственный университет, 2012. 222 с.
- Климова М.А.* Никнеймы в компьютерных играх : вопросы функционирования и варьирования // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 293–315. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.3.045
- Макарова А.А., Попова Ю.Б.* Зооморфная модель в коллективных прозвищах жителей Русского Севера // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 30–46. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.1.002
- Максимов В.О.* Русский фамильный антропоним как свернутый текст и его лексикографическое описание // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 4. С. 83–89.
- Мартыненко Ю.Б.* Работа с прецедентными антропонимами на занятиях по русскому языку как иностранному (структурно-семантический подход) // Наука и школа. 2020. № 2. С. 188–196. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2020-2-188-196>
- Микова С.С.* Лингвокультуремы – имена собственные как элементы тезаурусного уровня языковой личности русского поэта-эмигранта 20–50-х гг. XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 1. С. 11–15.
- Осипова К.В.* Диалектные прозвища Русского Севера, образованные от названий пищи : этнолингвистический аспект // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 1. С. 87–109. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.1.005
- Полякова Е.Н.* Введение // Словарь пермских фамилий / под ред. Е.Н. Поляковой. Пермь : Книжный мир, 2005.
- Рут М.Э.* Образная номинация в русской ономастике. М. : URRS : Изд-во ЛКИ, 2008. 188 с.
- Рылов Ю.А., Корнева В.В., Шеминова Н.В., Лопатина К.В., Варнавская Е.В.* Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / под. ред. Ю.А. Рылова. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2010. 390 с.
- Селищев А.М.* Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ // Труды по русскому языку: в 2 т. Т. 1. Язык и общество / А.М. Селищев; сост. Б.А. Успенский, О.В. Никитин. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 387–422.
- Сергеева О.В.* Обучение китайских студентов национально-культурной семантике ономастической лексики // Русско-китайские языковые связи и проблемы межцивилизационной коммуникации в современном мире : материалы Международной науч.-практ. конф., Омск, 18–19 ноября 2009 года / под ред. Л.Б. Никитиной. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2009. С. 146–149.
- Цепкова А.В.* Национальная специфика прозвищ в англоязычных культурах. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2012. 134 с.

- Чайкина Ю.И., Монзикова Л.Н., Варникова Е.Н. Из истории топонимии Вологодского края. Вологда : Вологодский институт развития образования, 2004. 112 с.
- Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий : вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. 2-е изд. М. : URSS : ЛЕНАНД, 2018. 126 с.
- Шаклеин В.М. Лингвокультурология : традиции и инновации. М. : Флинта, 2012. 301 с.
- Шульська Н., Матвійчук Н. Прізвиська як характеристики мовлення людей у неофіційній комунікації Західного Полісся // Acta Onomastica. 2018. Т. 59. С. 227–234.
- Barešová I. Name-based nickname formation among Japanese junior high school students // Acta Onomastica. 2020. Vol. 61. No 2. Pp. 267–286.
- Bobrova M.V. Anthroponyms in the educational space of the Russian language and culture // European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2021. Vol. 115. Pp. 452–458.
- Brylla E. Bynames and nicknames // The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. Oxford : Oxford University Press, 2016. Pp. 237–250.
- Geertz C. The interpretation of cultures : selected essays. London : Fontana Press, 1993. 470 p.
- The Oxford handbook of names and naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. Oxford : Oxford University Press, 2016. 771 p.
- Tsepkova A. Multicultural influences on Russian nicknaming practices // Names and Naming. Multicultural Aspects / ed. by O. Felecan, A. Bughesiu. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. Pp. 107–131.
- Walmsley J. Brit-Think, Ameri-Think. A Transatlantic survival guide. Revised edition. New York : Penguin Books, 2003. 145 p.

Сведения об авторе:

Боброва Мария Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9. *Сфера научных интересов*: ономастика, диалектология, этнолингвистика, лексикография. Автор более 170 научных публикаций. ORCID: 0000-0001-9858-0573, Scopus Author ID: 57211189389. E-mail: bomaripgu@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-22-34

Research article

Nicknames in teaching Russian as a foreign language

Maria V. Bobrova

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

✉ bomaripgu@yandex.ru

Abstract. The question of expanding the range of linguistic units involved as a linguo-didactic material is raised in the article. The purpose of the work is to substantiate the need to use such a category of proper names as nicknames in the framework of the Russian as a foreign language course. Illustrative material mainly includes well-known, culturally significant nicknames of historical and political figures, as well as modern informal names. The relevance of the research is ensured by the fact that the selection of anthroponyms as educational materials in teaching Russian as a foreign language is not typical for the current linguistic, linguo-cultural and socio-cultural situation. In particular, there is a contradiction between the negative attitude to nicknames established in the society and their real status in the Russian anthroponymic system. Due to the underestimation of the role of nicknames in the socie-

ty, this type of anthroponyms is not represented in the didactic materials on Russian as a foreign language. However, it is advisable to introduce nicknames in teaching, since they have been a fact of the Russian linguistic and cultural space throughout its existence and meet all the basic approaches of modern Russian pedagogy: competence-based, meta-subject and axiological. The descriptive-analytical method was the leading research method in the article. Nicknames are considered as a category of anthroponyms. The author shows that nicknames are a fact of linguistic and social communication, a linguistic, socio-cultural and individual psychological phenomenon. Nicknames are multifunctional: they perform nominative, identifying, differentiating, individualizing, marking, emotive, axiological, and other functions. The teacher of Russian as a foreign language taking into account the relevance, cognitive significance and communicative value of nicknames; it is necessary to distinguish them from similar categories – pseudonyms and Internet nicknames. The adequacy of the selection will be facilitated by relying on the author’s classification of nicknames. Nicknames provide rich material for mastering various linguistic topics properly and establishing meta-subject connections. This approach will make it possible to overcome the “separation from reality” to some extent, and to improve the quality of teaching Russian to foreigners, develop their competencies, improve their linguistic personality, and introduce them to Russian culture.

Keywords: linguodidactics, anthroponymy, nicknames, competence approach, meta-subject approach, axiological approach, Russian as a foreign language

Article history: received: 05.10.2021; accepted: 15.12.2021.

For citation: Bobrova, M.V. (2022). Nicknames in teaching Russian as a foreign language. *Russian Language Studies*, 20(1), 22–34. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-201-22-34>

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-35-51

Научная статья

Прецедентное имя В.И. Ленин в русском культурном пространстве

К. Янь

Университет имени Сунь Ятсена, Чжухай, Китай

✉ ky_710@126.com

Аннотация. Актуальность исследования заключается в необходимости выявления социокультурных и национальных смысловых компонентов содержания прецедентного имени *Ленин* в культурном пространстве носителей русского языка. Изучение прецедентных имен – это возможный путь и ключ к описанию и выявлению культурно-национальных ценностей носителей того или иного языка. Цель работы состоит в рассмотрении и выявлении культурно-национальных особенностей восприятия и понимания имени *Ленин* носителями русского языка. Для достижения поставленной цели использовались описательный и статистический методы, а также методы наблюдения, психосемантического и лингвокультурологического анализа. Материалом для анализа послужили этимологические и энциклопедические словари русского языка, данные свободных ассоциативных экспериментов из Русского ассоциативного словаря, Сибирского ассоциативного словаря, Русского регионального словаря-тезауруса ЕВРАС, контексты, содержащие имя *Ленин*, из современных российских СМИ, выбранные из Национального корпуса русского языка. Новизна статьи в том, что в ней впервые описана семантика имени собственного *Ленин* в русском языке, построено ассоциативное поле на стимул *Ленин* в русском языковом сознании, рассмотрены и выявлены культурно-национальные особенности восприятия и понимания указанного имени носителем русского языка в текстах современных российских СМИ, выявлены социокультурные и национальные смысловые компоненты содержания прецедентного имени *Ленин* в культурном пространстве носителей русского языка. Научная значимость исследования заключается, с одной стороны, в предварительной попытке применения лингвокультурологического и психолингвистического подходов к анализу прецедентного имени в русском культурном пространстве, а с другой стороны, в возможности использовать материал в преподавании теоретических курсов лингвокультурологии, психолингвистики и медиалингвистики, а также на курсах межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: русский язык, Владимир Ильич Ленин, прецедентное имя, национальное культурное пространство, язык СМИ, лингвокультурология

История статьи: поступила в редакцию: 02.08.2021; принята к печати: 14.11.2021.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта «Повышение исследовательских способностей преподавателей» (2021qntd70) университета имени Сунь Ятсена.

© Янь К., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Янь К. Прецедентное имя В.И. Ленин в русском культурном пространстве // Русистика. 2022. Т. 20. № 1. С. 35–51. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-35-51>

Введение

В статье рассматривается функционирование прецедентного имени *Ленин* в русском культурном пространстве с учетом лингвокультурологического и психолингвистического подходов по данным лексикографических, ассоциативных и текстовых источников.

Современное языкознание характеризуется растущим интересом к изучению языка, культуры и личности человека, что делает приоритетным анализ личности человека как ключа к моделированию и раскрытию национального культурного пространства. Ядром культурных пространств является когнитивная база, составными элементами которой выступают прецедентные единицы. Изучение прецедентных имен (ПИ) – это возможный путь и ключ к раскрытию фрагмента национального культурного пространства, а также к описанию и выявлению культурно-ценностной информации в содержании исследуемого имени того или иного языка. Соответственно, для данного исследования не менее актуальной является необходимость рассмотрения и выявления особенностей восприятия и понимания прецедентного имени (в данном случае имени *Ленин*) в русском культурном пространстве. Отметим, что изучение ПИ в лингвистических исследованиях имеет давнюю традицию. Однако проблема функционирования ПИ в русском языковом сознании и в текстах СМИ еще не разработана окончательно.

В современной лингвистике проблема прецедентности исследуется в различных аспектах: лингвокультурологическом (Телия, 1986; Арутюнова, 1988; Караулов, 1986, 1987; Костомаров, Бурвикова, 1994; Прохоров, 1996; Захаренко и др., 1997; Маслова, 1997; Алефиренко, 2010; Слышкин, 2000; Воропаев, 2009; Воропаев. О проблемах классификации..., 2012а; Воропаев. Прецедентные имена..., 2012b; Шаклеин, 2012; Ковшова, 2019), психолингвистическом (Сорокин, 1997; Панарина, 2017; Бубнова, 2019) и др.

Слово *прецедент* (от лат. *praecedens* – ‘предшествующий’) в русском языке имеет значение: ‘случай или событие, имевшее место в прошлом и служащее примером или оправданием для последующих случаев подобного рода’¹. Термин *прецедентность* встречается впервые в лингвистических работах Ю.Н. Караулова (Караулов, 1986, 1987), в которых он определяет прецедентные тексты как: 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; 3) тексты, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности (Караулов, 1987: 216).

¹ Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. URL : <https://kartaslov.ru/значение-слова/прецедент> (дата обращения : 01.05.2021).

В развитие идей Ю.Н. Караулова с опорой на концепцию В.Н. Телия, Д.В. Багаева, И.В. Захаренко, Д.Б. Гудков, В.В. Красных разрабатывают *лингвокультурологическую теорию* изучения проблемы прецедентности. По мнению ряда исследователей, к прецедентным феномену относятся такие единицы, как прецедентный текст (ПТ), прецедентная ситуация (ПС), прецедентное высказывание (ПВ) и прецедентное имя (Захаренко и др., 1997). При этом В.В. Красных отмечает, что за прецедентными единицами всегда стоит некое общее, образное и обязательное представление о них (то есть прецедентные единицы) «для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета или инвариант его восприятия, который делает все апелляции к определенному феномену „прозрачными“, понятными, коннотативно окрашенными» (Красных, 1998: 58). Прецедентные феномены могут быть репрезентированы с помощью *вербальных* (например, самые разнообразные тексты как продукты речемыслительной деятельности) и *невербальных* (например, произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т. д.) средств (Красных, 2003: 171).

Посредством данных ассоциативных экспериментов Н.С. Панарина (2017) обнаружила, что в основе прецедентных единиц «как функциональной категории лежит гештальтность восприятия, определяемая ценностной доминантой – актуальным эмоционально-оценочным отношением субъекта к культурному смыслу прецедентных феноменов» (Панарина, 2017: 8). Исследователь отмечает, что «средствами вербальной репрезентации культурно специфического знания являются имена, высказывания и тексты, которые названы в современной лингвистике прецедентными. С одной стороны, языковые единицы, репрезентирующие национально-культурную специфику, могут стабильно воспроизводиться *в речи носителей культуры* (курсив наш. – К.Я.). С другой стороны, прецедентные единицы включаются в акты речевой деятельности, когда носители лингвокультуры, даже имея представление о культурно специфическом содержании прецедентных единиц, все реже употребляют их в собственно прецедентном значении, а деактуализация ценностного компонента прецедентной единицы ведет к деструкции ее содержания» (Там же: 3)

Как уже упоминалось, прецедентное имя – это один из видов прецедентных феноменов. В.В. Красных считает, что ПИ – «один из важнейших ядерных элементов когнитивной базы. Хранится этот феномен в самой когнитивной базе в виде инварианта восприятия и как вербальная единица (то есть само имя)» (Красных, 2002: 98). По мнению исследователя, ПИ – это «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, или с прецедентной ситуацией. Это сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату/референту, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» (Красных, 2003: 172). Н.Н. Воропаев пишет, что ПИ – «лингвокультурологическая единица, обладающая экспрессивной, символической, коннотативной функциями, она способна передавать культурную информацию» (Воропаев, 2009: 395). При этом он отмечает, что семантическая структура ПИ имеет «комплексный характер и включает следующие компоненты: референт (энциклопедическая инфор-

мация о референте ПИ), дифференциальные признаки референта ПИ, инварианты восприятия референта ПИ и самого ПИ членами лингвокультурного сообщества, коннотации» (Воропаев. О проблемах классификации..., 2012а: 8). Н.С. Панарина добавляет, что «развитие значения прецедентного имени может осуществляться как на базе культурно значимых компонентов, так и на любой другой ассоциативной базе имени» (Панарина, 2017: 9). При этом в содержании ПИ могут «актуализироваться лишь некоторые компоненты культурного смысла, но доминанта значения, определяющая характер связи компонентов, может представлять иное деятельностное отношение человека говорящего» (Панарина, 2018: 197). В данном случае основополагающей функцией ПИ является то, что они, сохраняясь в когнитивной базе и «отражая культурно специфический взгляд на мир, обусловленный всей историей народа, обеспечивают передачу культурных ценностей от поколения к поколению и сохранение чувства национальной идентичности» (Бубнова, 2019: 105–106).

Подчеркнем, что в последние годы в лингвистике ученые весьма активно занимаются исследованием ПИ, разрабатывая различные подходы к их изучению. Например, в работах В.А. Нахимовой рассматривается функционирование ПИ *Наполеон* (Нахимова. Прецедентные имена..., 2007а), *Керенский* (Нахимова, 2008), *Пиночет* (Нахимова, 2013) в энциклопедических словарях и современных российских СМИ. Исследователь полагает, что ПИ может быть использовано «как в денотативном, так и в метафорическом значениях. Как в первом, так и во втором случае ПИ может характеризовать человека по ряду параметров» (Нахимова. Прецедентные имена..., 2007а: 114). При этом В.А. Нахимова выделяет следующие аспекты исследования ПИ: 1) лексико-грамматическая теория; 2) классическая и обновляющаяся риторика; 3) литературоведческое направление; 4) теория интертекстуальности; 5) теория прецедентности; 6) теория вертикального контекста; 7) теория межкультурной коммуникации; 8) теория текстовых реминисценций; 9) теория регулярной многозначности; 10) традиционная теория метафоры; 11) когнитивная теория метафоры (Нахимова. Прецедентное имя..., 2007б: 36–49). Кроме того, в своем исследовании З.Я. Мискичева анализирует функционирование ПИ *Ленин* в художественном тексте Чингиза Айтматова и рассматривает данное имя как носитель ценностно-культурной информации, которая формирует этнокультурные стереотипы (Мискичева, 2015). А.В. Дмитриева и М.В. Голомидова анализируют ПИ исторических деятелей и реалий в поликодовых видеотекстах российской и французской политической рекламы с позиции коммуникативно-прагматического подхода, отмечая, что «ПИ *Ленин* и *Сталин* используются разными кандидатами для реализации разных коммуникативных стратегий: самопрезентации и дискредитации» (Дмитриева, Голомидова, 2019: 35).

Отметим, что в данной работе предпринимается предварительная попытка провести анализ ПИ *Ленин* в русском культурном пространстве на материале энциклопедических, ассоциативных, текстовых источников.

Цель работы состоит в рассмотрении и выявлении культурно-национальных особенностей восприятия и понимания имени *Ленин* носителями

русского языка по данным анализа лексикографических, экспериментальных и корпусных источников. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие конкретные задачи: 1) описать социокультурно значимые смыслы в семантике имени *Ленин* по данным этимологических словарей русского языка; 2) определить основную семантику указанного имени в русском языке по данным энциклопедических словарей; 3) с опорой на концепцию И.А. Стернина и А.В. Рудаковой выделить основное психолингвистическое значение имени *Ленин* по данным ассоциативных экспериментов, что поможет построить ассоциативные поля на стимул *Ленин* в русском языковом сознании; 4) выделить основные национально-культурные компоненты в содержании имени *Ленин* в русском культурном пространстве; 5) выявить дифференциально-семантические признаки данного имени, входящие в инвариант его восприятия; 6) по результатам анализа предыдущих шагов рассмотреть особенности понимания и функционирования исследуемого имени в текстах современных российских СМИ.

Методы и материалы

Использовались следующие методы: описательный и статистический, наблюдения, психо-семантического и лингвокультурологического анализа. Материалом для анализа послужили: 1) этимологические словари русского языка²; 2) энциклопедические словари русского языка³; 3) данные экспериментов из «Русского ассоциативного словаря» (РАС⁴), «Сибирского ассоциативного словаря» (СИБАС⁵), «Русского регионального словаря-тезауруса ЕВРАС»⁶; 4) контексты из СМИ, содержащие имя *Ленин*. Общее количество рассмотренных контекстов из НКРЯ⁷ – около 10 000 единиц.

Результаты

На основе проведенного анализа получены следующие результаты: 1) в основе семантики прецедентного имени лежат сложные когнитивные смыслы, которые носят определяющий характер для ее актуализации в русском языке, русском языковом сознании и текстах современных российских СМИ; 2) социокультурные и исторические знания об исследуемом имени, которые выявлены в русском языковом сознании по данным ассоциативных

² Словарь Википедии. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ленин> (дата обращения : 01.05.2021).

³ Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. URL : <https://kartaslov.ru/значение-слова/прецедент> (дата обращения : 01.05.2021); Большая российская энциклопедия. URL : https://bigenc.ru/domestic_history/text/3793734 (дата обращения : 01.02.2021); Энциклопедия «Коммунист». URL : https://kommynist.ru/Ленин_Владимир_Ильич (дата обращения : 01.02.2021).

⁴ Русский ассоциативный словарь (РАС). URL : <http://thesaurus.std-555.ist.mospolytech.ru/dict/index.php> (дата обращения : 01.05.2021).

⁵ Русская региональная ассоциативная база данных (Сибирь и Дальний Восток) (СИБАС). URL : <http://adict.ru/nsu.ru/> (дата обращения : 01.05.2021).

⁶ Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. URL : <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (дата обращения : 01.05.2021).

⁷ Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL : <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения : 01.07.2021).

словарей, богаче, чем в текстах современных российских СМИ; 3) анализ прецедентного имени в текстах СМИ в сочетании с данными ассоциативных экспериментов дает больше возможностей выявить те социокультурные ценности народа, которые стоят за этим именем.

Обсуждение

Историко-этимологическое представление лексемы *Ленин* в русском языке. По данным словаря русского языка можно выделить два основных значения лексемы *Ленин*: 1) ‘основной псевдоним Владимира Ульянова’; 2) ‘принадлежащий имени *Лена*’⁸. Слово *Лена* в русском языке – ‘имя реки в России, крупнейшая река Средней Сибири, впадает в море Лаптевых Северного Ледовитого океана’⁹. Также данное имя в русском языке соотносится с именем *Елена*, которое происходит из греческого языка. В древнегреческой культуре имя *Ἠλένη* соотносится с понятиями ‘солнечный луч’ или ‘солнечный свет’ (ср. с *Ἥλιος* – Гелиос, бог Солнца в древнегреческой мифологии)¹⁰. Можно полагать, что имена *Ленин*, *Лена*, *Елена* в национальной мифологии можно соотнести с представлениями наших предков о реке и солнце и с базовыми оппозициями: *свет – тьма*, *тепло – холод*, *верх – низ*.

Семантика имени собственного. Для выявления семантики имени *Ленин* рассмотрены различные энциклопедические словари (Википедия¹¹, энциклопедия «Коммунист»¹², «Большая российская энциклопедия»¹³) и выделены некоторые главные повторяющиеся значения данного имени в русском языке: 1) *Ленин* – это псевдоним известного всему миру политического деятеля; 2) *Ленин* обозначает российского революционера, ставшего идейным вдохновителем Октябрьской революции, произошедшей 25–26 октября (по григорианскому календарю 7–8 ноября) 1917 года в России; 4) *Ленин* является руководителем российской социал-демократической партии большевиков и также создателем первого в мире социалистического государства – Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Ленин был пролетарским революционером, государственным деятелем, теоретиком и мыслителем; 5) *Ленин* унаследовал марксистские идеи: в 1892 году он организовал первую местную марксистскую группу, перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии» и написал книгу «Новые экономические перемены в жизни фермеров». Ленин соединил марксизм с русской революцией, чтобы сформировать ленинизм. В практике руководства русской революцией Ленин настаивал на сочетании марксизма с революционным движением пролетариата в новую историческую эпоху, тщательно изучал закономерно-

⁸ Словарь Википедии. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ленин> (дата обращения : 01.05.2021).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Энциклопедия «Коммунист». URL : https://kommynist.ru/Ленин_Владимир_Ильич (дата обращения : 01.02.2021).

¹³ Большая российская энциклопедия. URL : https://bigenc.ru/domestic_history/text/3793734 (дата обращения : 01.02.2021).

сти развития капитализма до империалистической стадии и исследовал опыт борьбы между пролетариатом и буржуазией.

Отметим, что в русском языке имя *Ленин* обозначает известного всему миру русского политического деятеля Владимира Ильича Ленина, возглавившего Октябрьскую революцию 1917 года. После этого он создал первую в мире социалистическую страну – Союз Советских Социалистических Республик (СССР) – и стал первым ее руководителем. Кроме того, В.И. Ленин внес вклад в развитие марксизма и вывел его на новую стадию марксизма-ленинизма. Политическая деятельность В.И. Ленина глубоко повлияла на мировой пролетариат и подала пример для дальнейших пролетарских революций. Таким образом, деятельность В.И. Ленина связана со следующими сферами: руководство Октябрьской революцией, создание СССР, развитие идей марксизма и руководство революционной деятельностью мирового пролетариата. В соответствии со сказанным можно выделить следующие дифференциально-семантические признаки, которые входят в систему инвариантных значений имени *Ленин* в русском языке: политик, революционер, руководитель, создатель. Также нами были выделены следующие семантические гештальты данной единицы: *сфера деятельности, символическая актуализация, общественная значимость*.

Прецедентное имя *Ленин* в русском культурном пространстве¹⁴.

Национальное культурное пространство (НКП), с позиции лингвокультурологии, выступает как форма существования культуры в ментальном ящике человека и включает в себя «все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-культурного сообщества» (Красных, 2002: 206–207). Русское культурное пространство – «это совокупность всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств. И поскольку ядром всех когнитивных пространств является когнитивная база, служащая тем стержнем, который скрепляет все когнитивные пространства и предопределяет их национальную специфику, то, следовательно, когнитивная база является ядром и культурного пространства» (Красных, 2002: 207). Когнитивная база (КБ), по мнению Д.Б. Гудкова, – это «структурированная совокупность знаний и представлений, которой обладают практически все члены того или иного лингвокультурного сообщества». КБ формируют «инварианты представлений об определенных феноменах, хранящихся в ней в минимизированном, редуцированном виде» (Гудков. Люди и звери..., 2020а; Гудков. Прецедентное имя..., 2020б: 10–11).

В этой части работы, как говорилось раньше, с опорой на концепцию И.А. Стернина и А.В. Рудаковой выделяется основное психолингвистическое значение имени *Ленин* по данным ассоциативных экспериментов русского языка, так как этимологические и энциклопедические знания, описывающая семантику имени, далеко не всегда отражают состояние языкового сознания коммуникантов, и требуется их дополнить информацией об ассоциациях, характерных для исследуемой единицы. Согласно мнению А.В. Руда-

¹⁴ Некоторые данные анализа этой части были привлечены из работы Чень Цинвэн (Чень Ц. Прецедентное имя *Ленин* /列宁 в когнитивной базе носителей русского и китайского языков. Чжухай, 2021. 50 с.), которая выполнена под нашим руководством.

ковой, С.В. Коваленко и И.А. Стернина, имя собственное обладает конкретной семантикой, обнаружение которой осуществляется посредством психолингвистического эксперимента (Рудакова и др., 2018: 3). Результаты экспериментальных исследований семантики слова подтверждают, что собственные имена имеют богатый культурно-смысловой объем (Там же).

На основе теории А.В. Рудаковой, С.В. Коваленко и И.А. Стернина мы предприняли попытку исследования семантики имени *Ленин* с помощью свободного ассоциативного эксперимента. Отметим, что экспериментальные данные на стимул *Ленин* были привлечены из словарей РАС, СИБАС и ЕВРАС. По данным ассоциативных словарей русского языка, количество реакций на стимул *Ленин* в русском языке составляет 1151, среди них было выделено 285 повторяющихся реакций и 192 одиночные реакции. Количество «нулевых» реакций – 2, количество отказов раскрыть ассоциацию – 15.

На основе данных реакций построено ассоциативное поле на стимул *Ленин* в русском культурном пространстве. Самые частотные реакции отнесены к *ядру*, наиболее частотные – к *центру*, а единичные реакции – к *периферии* ассоциативного поля (таблица).

Ассоциативное поле на стимул *Ленин* в русском культурном пространстве

Уровни / Levels	Реакции / Reactions	Частотность / Frequency
Ядро / Core	вождь – 177; Сталин – 94; жив – 70; мавзолей – 68 (РАС, СИБАС, ЕВРАС)	≈35,53 %
Центр / Centre	революция – 40; коммунизм – 39; памятник – 32; дедушка – 24; лысый – 21; партия – 19; Владимир Ильич – 17; Владимир – 15; умер – 15; ОТКАЗОВ – 15; Ильич – 14; история – 13; большевик – 13; СССР – 13; коммунист – 12; великий – 11; Ульянов – 10; В.И. – 8; человек – 7; власть – 6; правитель – 6; пролетариат – 6; кепка – 6; красный – 6; лидер – 5; отец – 5; в мавзолее – 5; дурак – 5; молодой – 5; Маркс – 5; гриб – 5; мертв – 5; революционер – 4; лысина – 4; площадь – 4; Путин – 4; личность – 4; большевики – 3; комсомол – 3; политика – 3; вожак – 3; Москва – 3; Ульяновск – 3; буржуазия – 2; мертвый – 2; мужик – 2; пионеры – 2; предводитель – 2; такой молодой – 2; тиран – 2; батюшка – 2; броневик – 2; великий человек – 2; враг – 2; глава – 2; дядька – 2; живой – 2; жил, жив и будет жить – 2; значок – 2; культ – 2; никто – 2; прошлое – 2; товарищи – 2; ужас – 2; умный – 2; учеба – 2; учиться – 2; фамилия – 2; хороший – 2; всегда молодой – 2; гражданин – 2; Илья – 2; Кремль – 2; президент – 2; в октябре – 2; с нами – 2; КПСС – 2 (РАС, СИБАС, ЕВРАС)	≈47,78 %
Периферия / Periphery	22 апреля – 1; 335 – 1; анархия – 1; бренд – 1; будет жить – 1; вернулся – 1; вечность – 1; в кепке – 1; вождь мирового пролетариата – 1; вождь партии – 1; вождь Советов – 1; ГУЛАГ – 1; да будет – 1; дед – 1; дурацкий памятник – 1; еврей – 1; жил – 1; жил, жив, будет жить – 1; жил, Ленин жив, Ленин... – 1; жив, жил, будет жить – 1; жив, Ленин жил, Ленин будет жить – 1; идеолог – 1; и Ленин такой молодой... – 1; имени – 1; как символ революции – 1; картавость – 1; картавый – 1; книги – 1; козел – 1; комиссар – 1; коммунистическая партия – 1; коммунисты – 1; «...» – 1 (РАС, СИБАС, ЕВРАС)	≈16,68 %

С опорой на концепцию А.В. Рудаковой, С.В. Коваленко и И.А. Стернина и на данные ассоциативного поля на стимул *Ленин* нами выявлены ос-

новные психолингвистические значения имени-антропонима *Ленин* в культурном пространстве носителей русского языка и выделены следующие семантические гештальты (РАС, СИБАС, ЕВРАС):

1. **Сфера деятельности** (243; 21,11 %): вождь – 177; коммунист – 12; власть – 6; правитель – 6; пролетариат – 6; лидер – 5; революционер – 4; политик – 3; политика – 3; большевики – 3; комсомол – 3; президент – 2; вождь мирового пролетариата – 1; вождь партии – 1; вождь Советов – 1; идеолог – 1; комиссар – 1; коммунисты – 1; руководитель – 1; лидер большевиков – 1; пионер – 1; пионерия – 1; на трибуне – 1; поэт – 1.

2. **Символическая актуализация** (156; 13,55 %): революция – 40; коммунизм – 39; партия – 19; СССР – 13; большевик – 13; лампочка – 3; марксизм – 3; социализм – 3; броневик – 2; КПСС – 2; анархия – 1; коммунистическая партия – 1; лампочка Ильича – 1; революция, кепка – 1; революция (социалистическая) – 1; реформы – 1; РСДРП – 1; Советы – 1; страна – 1; бронетранспортер – 1; ком – 1; политика марксизма – 1; ЧЕКА – 1; большевизм – 1; и партия – 1; манифест – 1; мысль – 1; партия! Комсомол! – 1; Партия = Комсомол – 1.

3. **Места, связанные с антропонимом Ленин** (129; 11,29 %): мавзолей – 68; памятник – 32; в мавзолее – 5; площадь – 4; статуя – 3; Москва – 3; Ульяновск – 3; Кремль – 2; Россия – 1; сейчас живет в музее – 1; бюст – 1; вокзал – 1; Красная площадь – 1; музей – 1; проспект – 1; в Горках – 1; памятник вождю – 1; памятник на площади Советов – 1.

4. **Общественная значимость** (121; 10,51 %): жив – 70; история – 13; великий – 11; отец – 5; вожак – 3; великий человек – 2; враг – 2; глава – 2; пионеры – 2; предводитель – 2; умный – 2; знамя – 1; как предводитель – 1; как символ революции – 1; ничтожество – 1; отец = учитель – 1; почет – 1; эмблема – 1.

5. **Люди, связанные с ним** (108; 9,38 %): Сталин – 94; Маркс – 5; Путин – 4; Крупская – 3; Гитлер – 1; Маркс, Энгельс – 1.

6. **Вызываемые у носителей языка чувства, эмоции и оценки** (104; 9,04 %): человек – 7; дурак – 5; молодой – 5; гений – 3; дядюшка – 3; зло – 3; плохой – 3; бабушка – 2; всегда молодой – 2; дядька – 2; мужик – 2; никто – 2; такой молодой – 2; тиран – 2; ужас – 2; хороший – 2; «Ленин такой молодой...» – 1; бог – 1; был прав – 1; вечно молодой – 1; вечность – 1; владыка – 1; вождяра – 1; гад – 1; гроза – 1; дед – 1; демагог – 1; дурацкий памятник – 1; дядя – 1; еврей – 1; еще вождь – 1; жалко – 1; злой гений – 1; и Ленин такой молодой... – 1; идиот – 1; козел – 1; козел! – 1; красавица – 1; красавчик – 1; легенда – 1; лох – 1; лучше бы не знать – 1; молодец – 1; мрак – 1; мудака – 1; наш – 1; наше все – 1; нехороший человек – 1; обезьяна – 1; ошибся – 1; папа – 1; патриот – 1; плохо – 1; повелитель – 1; подкаблучник – 1; прав – 1; придурок – 1; провокатор – 1; развал – 1; сволочь – 1; серое небо – 1; скотина – 1; совесть нашей эпохи – 1; странный – 1; страх – 1; террор – 1; трагедия – 1; урод – 1; фу = фу... – 1; царь – 1; человечество – 1; чмо – 1; псих, большой на голову – 1.

7. **Имя, отчество, псевдоним** (72; 6,26 %): Владимир Ильич – 17; Владимир – 15; Ильич – 14; Ульянов – 10; В.И. – 8; Илья – 2; фамилия – 2; Вова – 1; имени – 1; имя – 1; Левин – 1.

8. **Внешность** (66, 5,73 %): дедушка – 24; лысый – 21; кепка – 6; лысина – 4; бородка – 1; в кепке – 1; голова большая – 1; лысина, тезисы – 1; лысый карлик – 1; мужик в кепке – 1; мужчина – 1; мышь – 1; подтяжки – 1; рука вперед – 1; с протянутой рукой – 1.

9. **Исторический период деятельности лица и события, происходившие в годы его жизни** (16; 1,39 %): в октябре – 2; культ – 2; 1917 – 1; 17 год – 1; 1922 г. – 1; ГУЛАГ – 1; и СССР – 1; кумир – 1; мир, СССР – 1; начало XX в. – 1; октябрь – 1; перестройка – 1; семнадцатый год – 1; эпоха – 1.

10. **Песня о Ленине** (13; 1,13 %): жил, жив и будет жить – 2; будет жить – 1; всегда жив – 1; да будет – 1; жив, жил, будет жить – 1; жив, Ленин жил, Ленин будет жить – 1; жив = жил... – 1; жил – 1; жил, жив, будет жить – 2; жил, Ленин жив, Ленин... – 1; жил = Ленин жив = Ленин будет жить – 1; музыка А. Пахмутовой – 1.

11. **Другие** (107; 9,30 %): умер – 15; красный – 6; гриб – 5; мертв – 5; личность – 4; был – 3; труп – 3; буржуазия – 2; гражданин – 2; живой – 2; значок – 2; мертвый – 2; прошлое – 2; с нами – 2; товарищи – 2; учеба – 2; учиться – 2; 335 – 1; ? Недоумение – 1; 22 апреля – 1; бренд – 1; вернулся – 1; вперед – 1; всегда – 1; гигемон – 1; гроб – 1; давно – 1; дети – 1; долг – 1; зарытый – 1; буржуазия – 1; капитал – 1; картавость – 1; картавый – 1; книги – 1; краб – 1; красный флаг – 1; лежит – 1; ленточка – 1; любовь – 1; мед – 1; митинг – 1; нет – 1; Нинел – 1; перевернувший – 1; покой – 1; распад России – 1; родился – 1; смертен – 1; смерть – 1; снег – 1; спит – 1; старость – 1; Телец – 1; товарищ – 1; труп Ленина – 1; ура – 1; учил – 1; учиться, учиться и еще раз учиться – 1; ушел, был – 1; хотел как лучше – 1; член – 1; я – 1.

Отказ провести ассоциацию составляет 1,30 %.

С опорой на вышесказанное мы выделили некоторые базовые дифференциально-семантические гештальты для носителей русского языка, которые входят в систему инварианта восприятия данного имени: *сфера деятельности; символическая актуализация; места, связанные с антропонимом Ленин; общественная значимость; люди, связанные с антропонимом Ленин; другие; вызываемые у носителей языка чувства, эмоции и оценки; имя, отчество, псевдоним; внешности; исторический период деятельности лица и события, происходившие в годы его жизни; песня о Ленине.*

Отметим, что семантические гештальты прецедентного имени *Ленин* в русском языке представлены в зависимости от их частотности. Соответственно, полагаем, что прецедентное имя *Ленин* в когнитивной базе носителей русского языка имеет следующие культурно-значимые психолингвистические значения, к числу которых относятся: *сфера деятельности* – 21,11 %; *символическая актуализация* – 13,55 %; *места, связанные с антропонимом Ленин* – 11,29 %; *общественная значимость* – 10,51 %; *люди, связанные с антропонимом Ленин* – 9,38 %; *другие* – 9,30 %; *вызываемые у носителей языка чувства, эмоции и оценки* – 9,04 %; *имя, отчество, псевдоним* – 6,26 %; *внешность* – 5,73 %; *исторический период деятельности лица и события, происходившие в годы его жизни* – 1,39 %; *песня о Ленине* – 1,13 %. Отказ провести ассоциацию составляет: 1,30 %.

Прецедентное имя *Ленин* в текстах современных российских СМИ.

С опорой на вышесказанное была предпринята предварительная попытка анализа прецедентного имени *Ленин* в текстах современных российских СМИ с учетом лингвокультурологического подхода. Научная значимость лингвокультурологического подхода к изучению текстов массмедиа очевидна, поскольку корпус таких текстов является важнейшим компонентом современной социокультуры. Медиаатексты насыщены социокультурно значимой информацией, в них фиксируются и отражаются как общие, так и специфические особенности функционирования языка, культуры, лингвокультуры и языкового сознания коммуникантов. Именно поэтому рассмотрение и выявление культурно значимых компонентов медиаатекста оказывается одной из важнейших исследовательских задач современной лингвокультурологии (Добросклонская, 2015: 45). В данном случае культурный компонент контекста понимается как совокупность институциональных, ролевых, ценностных, когнитивных условий реализации событий или фактов, с одной стороны, и совокупность выразительных средств, используемых людьми в этих обстоятельствах, с другой (Орлова, 2004: 465).

С опорой на результаты проведенного анализа (описание семантики имени *Ленин* по данным этимологических, энциклопедических и ассоциативных словарей русского языка) и на основе собранных контекстов, содержащих имя *Ленин*, из текстов современных российских СМИ были выявлены следующие его семантические гештальты:

1. **Сфера деятельности:** При советской власти какая-никакая логика во всем этом была: Ленин – *вождь революции*, открывшей новую эру не только для нашей страны, но и для всего человечества, основатель государства совершенно нового типа, он указал всем нам путь к неизбежному счастью, коим мы и следуем¹⁵; 19 декабря Путин во время большой пресс-конференции напомнил, что в свое время *лидер* большевиков Владимир Ленин передал советской Украине «исконно русские территории», которые никогда не имели к ней никакого отношения – все Причерноморье и западные российские земли¹⁶; Владимир Ленин был скорее не государственным деятелем, а *революционером*, заявил президент РФ Владимир Путин в ходе пресс-конференции¹⁷.

2. **Символическая актуализация:** Директор сразу подлипнет к Красному проекту. Большевики, Ленин, революция. «Белый квадрат» остается¹⁸; Ковальчук для сборной России – как *Ленин, партия и комсомол* в одном лице для нашей страны советских времен¹⁹; Из истории вопроса «Мир – Ленин – СССР», – сказали земляне²⁰.

3. **Места, связанные с антропонимом:** В прошлом месяце, наконец-то, похоронили Владимира Ильича Ленина. Так что *мавзолей* освободился. Союз

¹⁵ Гутионтов П. «Туманят голову и зовут к борьбе». Исполнилось 100 лет ленинскому декрету о монументальной пропаганде // Новая газета. 2018, 25 мая.

¹⁶ На Украине рассказали о борьбе с «российской пропагандой» // Lenta.ru. 2019, 23 декабря.

¹⁷ Путин ответил на вопрос про тело Ленина // Газета.Ru. 2019, 19 декабря.

¹⁸ Белый квадрат // Lenta.ru. 2017, 25 декабря.

¹⁹ Властелины золотых колец // Советский спорт. 2009, 21 декабря.

²⁰ Братя по разуму выходят на связь // Комсомольская правда. 2003, 14 марта.

театральных деятелей борется, чтоб помещение отдали им, поскольку есть Михаил Ульянов²¹; Полиция разгоняет мирную демонстрацию/раненые/толпа разрастается до неохватных размеров/закипает гнев/толпа казнит памятник Ленина, прощание с героями превращает толпу в огромный одухотворенный общей идеей и общим горем организм/улицам вновь дышит и корчится смертью, ранами, дымом/из хаоса битв, огня, черной гари камера выхватывает отдельные лица... с отпечатком войны²².

4. **Общественная значимость:** Лара всякий раз вычитывает на них какой-нибудь реально существовавший слоган («Ночь работе не помеха», «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить»)²³; В книжном шкафу стоят несколько книг с его пометками на полях: Маркс, Ленин, история древнего Рима²⁴; Сажусь за парту и машинально начинаю выводить «намертво» заученные слова «сквозь грозы сияло нам солнце свободы, и Ленин великий»²⁵.

5. **Люди, связанные с ним:** У нас есть четыре крупных исторических деятеля, отношение к которым окрашено сильными эмоциями: Иван Грозный, Ленин, Сталин – и Петр Великий²⁶; Но это для меня Ленин – человек, а для многих он был и остается богом²⁷; Как известно, из его стен вышли четыре руководителя страны – Керенский, Ленин, Путин, Медведев²⁸.

6. **Вызываемые у носителей языка чувства, эмоции и оценки:** Ваш Шубкин тому пример. – А Ленин? – И Ленин дурак, – спокойно сказал Адмирал. Тут уж я просто не выдержал. – Ну, знаете, – сказал я²⁹; А как у нас по линии марксизма? – Ленин – гений, Сталин покамест нет. Именно колючие песни Кима в те времена, вместе с песнями Галича, легли в основу «Магнитофониздата», крамольного не менее, чем «Самиздат»³⁰.

7. **Имя, отчество, псевдоним:** И тут мой друг Олег Андриюшин ему отвечает: а что бы на эти ваши слова Владимир Ильич Ленин сказал?³¹; Владимир Ильич Ульянов (Ленин) – создатель Российской социал-демократической рабочей, один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года³².

8. **Исторический период деятельности лица и события, происшедшие в годы его жизни:** О нем снимали прекрасные фильмы, например «Ленин в Октябре», – говорит профессор³³.

²¹ Братья по разуму выходят на связь // Комсомольская правда. 2003, 14 марта.

²² Малюкова Л. Артдокфест-2015 : Настоящее продолженное // Новая газета. 2015, 1 декабря.

²³ Одинцова Н. Сибирский подход Лары Крофт // Lenta.ru. 2015, 14 ноября.

²⁴ Каралис Д. Мы строим дом. М. : Молодая гвардия, 1988.

²⁵ Ерошова А. Гимн по понедельникам // Комсомольская правда. 2003, 15 апреля.

²⁶ 1 ноября в «АСТ» выходит Пятая книга цикла «История Российского государства». Сегодня в «Новой» – первая публикация // Новая газета. 2017, 25 октября.

²⁷ Галкин М. Ленин будет жить? // Комсомольская правда. 2013, 24 января.

²⁸ Смирнова И. Альма-Матер президентов и недобакалавров // Труд-7. 2008, 2 июля.

²⁹ Войнович В. Монументальная пропаганда. Роман. М. : ЭКСМО-пресс, 2000.

³⁰ Городницкий А. И жить еще надежде. Книга воспоминаний. М. : Вагриус, 2001.

³¹ Каменченко П. Рок-н-ролл околдовал нас первыми ударами // Lenta.ru. 2019, 27 июня.

³² Рашкин обосновал стремление коммунистов сохранить мавзолей Ленина // Lenta.ru. 2017, 21 января.

³³ Ворсобин В. Мы себя под Лениным чистим // Комсомольская правда. 2014, 22 апреля.

9. *Песня о Ленине*: Весь вечер на Площади будет звучать уже забытая песня Холминова и Каменецкого – «*Песня о Ленине*» (1977)³⁴; Причем Ленина надо отправить в гастроли по миру для подтверждения коммунистического лозунга «*Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!*»³⁵

Заключение

На наш взгляд, результаты проведенного исследования сводятся к следующему. Прецедентное имя – единица языкового сознания, воплощенная в форме сложного знака культуры и лингвокультуры – имени собственного, связанная с широко известным текстом или ситуацией, способная регулярно использоваться в коммуникативной деятельности коннотативно и метафорично. В основе прецедентного имени лежат культурно-национальные значимые смыслы и сложное когнитивное содержание, характерные для системы культурных ценностей носителей того или иного языка. Применение разрабатываемого подхода к анализу прецедентности на материале языковых данных может помочь раскрыть социокультурное и историческое содержание, которое стоит за знаками языка культуры. Соответственно, перспективы работы заключаются в том, что данные ассоциативных экспериментов дают больше возможностей выявления культурных компонентов ПИ в определенном культурном пространстве; анализ ПИ должен осуществляться в направлении от культурной семантики языкового воплощения данного имени к его когнитивному содержанию; алгоритм анализа можно применить к исследованию не только ПИ, но и других прецедентных единиц.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М. : Флинта, 2010. 224 с.
- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений : оценка, событие, факт. М. : Наука, 1988. 338 с.
- Бубнова И.А.* Прецедентное имя : символ славного прошлого и расколотого настоящего // *Этнопсихоллингвистика*. 2019. № 2. С. 102–113.
- Воропаев Н.Н.* О проблемах классификации прецедентных имен и других прецедентных феноменов в китайскоязычном дискурсе // *Вестник ИГЛУ*. 2012. № 4. С. 37–42.
- Воропаев Н.Н.* Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 27 с.
- Воропаев Н.Н.* Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе и их идеологическая функция // *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре* / под ред. Л.Л. Федоровой. М. : РГГУ, 2009. С. 395–405.
- Гудков Д.Б.* Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе : лингвокультурологический словарь. М. : Ленанд, 2020. 200 с.
- Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М. : Ленанд, 2020. 152 с.
- Дмитриева А.В., Голомидова М.В.* Прецедентные имена исторических деятелей и реалий в поликодовых видеотекстах российской и французской политической ре-

³⁴ *Таскина Е.* Сегодня в центре Екатеринбурга прозвучит «Песня о Ленине» // *Новый регион* – Екатеринбург. 22 апреля, 2010.

³⁵ *Марков В.* С ГУМа две шкуры сдерут // *Комсомольская правда*. 8 декабря, 2005.

- кламы : коммуникативно-прагматический аспект // Научный диалог. 2019. № 8. С. 25–40.
- Добросклонская Т.Г.* Язык средств массовой информации. М. : КДУ, 2015. 116 с.
- Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. 1997. Вып. 1. С. 82–103.
- Караулов Ю.Н.* Роль прецедентного текста в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского и литературы : доклады советской делегации на VI Конгрессе МАПРЯЛ. М. : Русский язык, 1986. С. 105–123.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 261 с.
- Ковишова М.Л.* Несколько современных штрихов к имени собственному *Валера* // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 222–231.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1. С. 73–76.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
- Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? : Человек. Сознание. Коммуникация. М. : Изд-во Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
- Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию. М. : Наследие, 1997. 208 с.
- Мискичева З.Я.* Прецедентное имя В.И. Ленина как носитель ценностно-культурной информации // Экономика и социум. 2015. № 6–4 (19). С. 295–297.
- Нахимова Е.А.* Прецедентное имя *Керенский* в современных отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 48–56.
- Нахимова Е.А.* Прецедентное имя *Наполеон* в отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 107–114.
- Нахимова Е.А.* Прецедентное имя *Пиночет* в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 72–75.
- Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2007. 207 с.
- Орлова Э.А.* Культурная (социальная) антропология. М. : Академический Проект, 2004. 480 с.
- Панарина Н.С.* Гештальтность восприятия как существенный параметр механизма вербальной репрезентации прецедентности // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 9. С. 194–205.
- Панарина Н.С.* Психоллингвистические моделирование механизма реализации прецедентности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 28 с.
- Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
- Рудакова А.В., Коваленко С.В., Стернин И.А.* Психоллингвистический словарь русского языка. Антропонимы. Воронеж : И-РИТМ, 2018. Вып. 3. 134 с.
- Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000. 139 с.
- Сорокин Ю.А.* Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста : тезисы выступлений на совещании. М. : Наука, 1987. С. 144–145.
- Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 143 с.
- Шаклеин В.М.* Лингвокультурология : традиции и инновации. М. : Флинта, 2012. 301 с.

Сведения об авторе:

Янь Кай, доктор филологических наук, доцент, доцент факультета русского языка, научный сотрудник центра европейских исследований, директор центра исследования

России и Центральной Азии, Школа международного перевода, Университет имени Сунь Ятсена, Китай, 519082, Чжухай. *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, психолингвистика, эмотивная лингвистика. Автор более 40 научных публикаций. ORCID: 0000-0001-8496-7216. E-mail: ky_710@126.com

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-35-51

Research article

The precedent name V.I. Lenin in the Russian cultural space

Kai Yan

Sun Yat-sen University, Zhuhai, China

✉ ky_710@126.com

Abstract. The relevance of the article lies in the need to identify the socio-cultural and national semantic components of the precedent name *Lenin* in the cultural space of Russian language native speakers. Studying precedent names is a key to describing and identifying cultural and national values of native speakers of a particular language. The purpose of the research is to consider and identify the cultural and national features of the perception and understanding of the name *Lenin* by native speakers of the Russian language. To achieve the research goal, descriptive and statistical methods, methods of observation, psycho-semantic and linguistic-cultural analysis were used. The material for the analysis was provided by etymological and encyclopedic dictionaries of the Russian language, the data of free association experiments from Russian Associative Dictionary, Siberian Associative Dictionary, the Russian Regional Thesaurus Dictionary, contexts with the name *Lenin* from modern Russian media, selected from the National Corpus of the Russian Language. The novelty of the study is that it is for the first time that the semantics of the proper name *Lenin* in the Russian language is described, an associative field for the stimulus *Lenin* in the Russian language consciousness is constructed, cultural and national peculiarities of perception and understanding of the given name in the texts of modern Russian mass media are considered and identified, socio-cultural and national semantic components of the precedent name *Lenin* in the cultural space of Russian speakers are identified. The scientific significance of the research lies, on the one hand, in a preliminary attempt to apply linguoculturological and psycholinguistic approaches to analyzing precedent names in the Russian cultural space, and on the other hand, in the possibility of using the material in teaching theoretical courses of cultural linguistics, psycholinguistics and media linguistics, as well as in courses on the theory and practice of intercultural communication.

Keywords: Russian language, V.I. Lenin, precedent name, national cultural space, media language, cultural linguistics.

Article history: received: 02.08.2021; accepted: 14.11.2021.

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the grant “Improving the research skills of teachers” (2021qntd70) of Sun Yat-sen University.

For citation: Yan, K. (2022). The precedent name V.I. Lenin in the Russian cultural space. *Russian Language Studies*, 20(1), 35–51. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-35-51>

References

- Alefirenko, N.F. (2010). *Cultural linguistics. Value-semantic space of language*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Arutyunova, N.D. (1988). *Types of language values: assessment, event, fact*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Bubnova, I.A. (2019). Allusive name: a symbol of the glorious past and split present. *Ethnopsycholinguistics*, (2), 102–113. (In Russ.)
- Dmitrieva, A.V., & Golomidova, M.V. (2019). Precedent names of historical figures and realities in polycode video texts of Russian and French political advertising: Communicative and pragmatic aspect. *Scientific Dialogue*, (8), 25–40. (In Russ.)
- Dobrosklonskaya, T.G. (2015). *The language of mass media*. Moscow: KDU Publ. (In Russ.)
- Gudkov, D.B. (2020a). *People and animals. Russian precedent names and zoonyms in the national myth: Linguo-cultural dictionary*. Moscow: Lenand Publ. (In Russ.)
- Gudkov, D.B. (2020b). *Precedent name and precedent problems*. Moscow: Lenand Publ. (In Russ.)
- Karaulov, Yu.N. (1986). The role of the precedent text in the structure and functioning of the linguistic personality. *Scientific traditions and new directions of teaching Russian language and literature: reports of the Soviet delegation at the VI Congress of MAPRYAL* (pp. 105–123). Moscow: Russkii Yazyk Publ. (In Russ.)
- Karaulov, Yu.N. (1987). *Russian language and language personality*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Kostomarov, V.G., & Burvikova, N.D. (1994). How texts become precedent-setting. *Russkii Yazyk za Rubezhom*, (1), 73–76. (In Russ.)
- Kovshova, M.L. (2019). Some modern features of the proper name Valera. *Cognitive Studies of Language*, (36), 222–231. (In Russ.)
- Krasnykh, V.V. (1998). *Virtual reality or real virtuality?: man, conscience, communication*. Moscow: Izd-vo Dialog-MGU Publ. (In Russ.)
- Krasnykh, V.V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)
- Krasnykh, V.V. (2003). “Own” among “strangers:” Myth or reality? Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (1997). *Introduction to linguoculturology*. Moscow: Nasledie Publ. (In Russ.)
- Miskichekova, Z.Ya. (2015). Precedent name of V.I. Lenin as a carrier of value-cultural information. *Economy and Society*, (6–4(19)), 295–297. (In Russ.)
- Nakhimova, E.A. (2007a). *Precedent names in mass communication*. Yekaterinburg: Ural'skii gos. ped. un-t Publ. (In Russ.)
- Nakhimova, E.A. (2007b). Precedent name Napoleon in the Russian mass media. *Political Linguistics*, (3(23)), 107–114. (In Russ.)
- Nakhimova, E.A. (2008). Precedent name Kerenskiy in modern Russian mass media. *Political Linguistics*, (1(24)), 48–56. (In Russ.)
- Nakhimova, E.A. (2013). Precedent name Pinochet in contemporary Russian mass media. *Political Linguistics*, (2(44)), 72–75. (In Russ.)
- Orlova, E.A. (2004). *Cultural (social) anthropology*. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ. (In Russ.)
- Panarina, N.S. (2017). *Psycholinguistic modeling of the mechanism of precedent implementation*. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Moscow. (In Russ.)
- Panarina, N.S. (2018). Gestalt character of perception as a significant parameter of verbal representation of precedence. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (9), 194–205. (In Russ.)
- Prokhorov, Yu.E. (1996). *National socio-cultural stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian to foreigners*. Moscow: Russkie Slovarei Publ. (In Russ.)
- Rudakova, A.V., Kovalenko, S.V., & Sternin, I.A. (2018). *Psycholinguistic dictionary of the Russian language. Issue 3. Anthroponyms*. Voronezh: I-RITM Publ. (In Russ.)

- Shaklein, V.M. (2012). *Linguoculturology: Traditions and innovations*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Slyshkin, G.G. (2000). *Linguistic and cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse*. Moscow: Academia Publ. (In Russ.)
- Sorokin, Yu.A. (1987). What is a precedent text? *Semantics of the full text: Abstracts of speeches at the meeting* (pp. 144–145). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Teliya, V.N. (1986). *Connotative aspect of the semantics of nominative units*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Voropaev, N.N. (2009). Precedent names of Chinese discourse and their ideological function. In L.L. Fedorova (Ed.), *Stereotipy v Yazyke, Kommunikatsii i Kul'ture*. Moscow: RGGU Publ. (In Russ.)
- Voropaev, N.N. (2012a). Apropos a classification of the names-precedents and other precedent phenomena in the Chinese discourse. *Vestnik IGLU*, (4,) 37–42. (In Russ.)
- Voropaev, N.N. (2012b). *Precedent names in Chinese language discourse*. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Moscow. (In Russ.)
- Zakharenko, I.V., Krasnykh, V.V., Gudkov, D.B., & Bagaeva, D.V. (1997). Precedent name and precedent statement as symbols of precedent phenomena. *Language – Mind – Communication*, (1), 82–103. (In Russ.)

Bio note:

Kai Yan, Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of the Russian Language, researcher at the Center for European Studies, Director of the Center for Russian and Central Asian Studies, School of International Translation, Sun Yat-sen University, Zhuhai, 519082, China. *Research interests*: cultural linguistics, psycholinguistics, emotive linguistics. Author of more than 40 scientific publications. ORCID: 0000-0001-8496-7216. E-mail: ky_710@126.com

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-52-67

Научная статья

Трансформации в семантике вербализаторов этических концептов «Любовь» – «Милосердие» – «Целомудрие» – «Добродетель»

Н.М. Дмитриева¹ , Н.Л. Чулкина² ¹Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия²Российский университет дружбы народов, Москва, Россия dmitrieva1977@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления семантических сдвигов этически значимых концептов и их смысловой искаженности в сознании носителей русского языка для создания актуальной картины, позволяющей понять степень сформированности духовно-нравственных ценностей и сохранения ментальности русского народа у современной молодежи. Цель исследования – проследить изменение смыслов доминантных вербализаторов этических концептов «Любовь», «Милосердие», «Целомудрие», «Добродетель» и определить влияние этих изменений на лингвокультурное сознание современных носителей русского языка. Данная цель может быть достигнута с помощью междисциплинарного подхода к исследовательским методам. Так, в работе над материалом использовались сравнительно-исторический метод, частный метод семантических долей (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), методы социолингвистического опроса, когнитивной интерпретации результатов ассоциативных экспериментов и др. Соответственно, материалы исследования неоднородны по своему онтологическому статусу: это данные толковых словарей русского и церковнославянского языков, ассоциативных словарей и социолингвистических опросов. Определены этические смысловые доли указанных концептов, установлена их связь с православым мировоззрением. Изучены представления современной студенческой молодежи о выбранных этических концептах, указаны трансформации в их понимании и оценке. Предлагается не ограничиваться простой констатацией выявленных семантических сдвигов в семантике исследуемых вербализаторов этических концептов, но оценить создавшуюся ситуацию в контексте современных цивилизационных процессов в пост-секулярном мире.

Ключевые слова: русский язык, этический концепт, концептосфера, языковая картина мира, ассоциативный эксперимент, лингвокультурное сознание

История статьи: поступила в редакцию: 16.08.2021; принята к печати: 05.11.2021.

Для цитирования: Дмитриева Н.М., Чулкина Н.Л. Трансформации в семантике вербализаторов этических концептов «Любовь» – «Милосердие» – «Целомудрие» – «Добродетель» // Русистика. 2022. Т. 20. № 1. С. 52–67. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-52-67>

Введение

Духовный опыт народа, иначе ментальность, способ понимания мира, усваивается вместе с языком и через язык. Осознание народом духовного опыта – национальный менталитет. Таким образом, этические концепты, реальные представления о добре и зле, существующие в ментальности народа, осознаются им через язык, в котором, они «отпечатываются», тем самым создавая национальный менталитет.

В.В. Колесов определяет ментальность как свойственный национальности способ восприятия действительности, общества и человека в категориях родного языка. При этом исследователь подчеркивает, что русская ментальность основана на Логосе, Слове, это раскрытие в языке основных концептов народной культуры, заложенных в генотипе народа (Колесов, 2006: 12–14). О слове как о хранителе и инструменте создания представлений о мире пишут С.Н. Булгаков¹, И. Ильин², П. Флоренский, Е.М. Верещагин, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.В. Колесов, В.М. Шаклеин, О.В. Шкуран и др. (Флоренский, 1991; Маслова, Данич, 2021; Степанов, 2004; Колесов, 2006; Шаклеин, 2012; Шкуран, 2019). Исследователи указывают, что «... духовность русского народа формируется и сохраняется благодаря языку, так как в языке существуют глубинные трансцендентные смыслы, почти недоступные для рационального осмысления, но понимаемые носителями русской лингвокультуры» (Маслова, Данич, 2021).

Если исходить из работ Д.С. Лихачева (Лихачев, 1997), концептуальные представления народа складываются в концептосферу, или, как принято говорить на современном этапе, концептосферы, совокупность которых, выраженная в языке, предстает как языковая картина мира. Особенно активно концептуальные представления исследуются в рамках межкультурной коммуникации, где на первое место выдвигаются проблемы соотношения специфичных культурных концептов разных языков (Pan et al., 2021). Мы остановимся на важнейшей, центральной, концептосфере русского языка, русской ментальности – этической. Этические концепты – это константы менталитета, его постоянные, прототип этических представлений, «культурный слепок» норм морали и нравственности в человеческом сознании. Слова, вербализующие этические концепты, выражают оценку объекта действительности, какого-либо явления, передаваемого словом, определяют значимость объекта, его положение в системе национальных ценностей. Другими словами, этические концепты служат векторами деления человеческого мира на правильное и неправильное, приемлемое, возвышающее человека и аморальное, низвергающее его с пьедестала «венца божественного творения», в широком смысле – векторами добра и зла.

В настоящее время наблюдается искажение многих этических категорий в современном сознании, что отражается прежде всего в семантике слов, вербализующих этические концепты. Кроме того, многие этически значимые слова в современной речи заменяются иностранными, не имеющими ментального

¹ Булгаков С.Н. Философия Имени. СПб. : Наука, 1998. 446 с.

² Ильин И.А. Путь к очевидности. М. : ЭКСМО-пресс, 1998. 909 с.

шлейфа, как, например, «киллер» вместо «убийца», причем в слове «киллер», понимаемом как профессиональный убийца, появляется «положительно-уважительная» окраска, связанная с наличием семы «профессиональный» в значении. Другим ярким примером может стать модное «толерантность» вместо терпимости, тогда как в значениях этих слов наблюдается этическая «пропасть». Толерантность – это «настроенность на понимание и диалог с Другим, признание и уважение его права на отличие»³, в то время как этико-смысловая доля концепта «Терпение», в смысловое поле которого входят и терпимость, и толерантность, определяется следующим образом: «терпеть страдания мудро, великодушно, снисходительно» (Дмитриева, 2013). Таким образом, между принятием другого человека из великодушия, свойственного исконной русской ментальности в трактовке терпимости, и «сознательным подавлением чувства неприятия Другого»⁴, характерным для понимания толерантности, есть существенное различие. Нечуткое отношение к слову приводит к искажению мотивов «толерантного» отношения на поведенческом уровне: от «я не согласен с тобой, но уважаю твой взгляд на мир и требую уважения к моим ценностям» до «принимать все – это обязанность „цивилизованного“ человека». И если терпимость к иной вере, культуре, образу мыслей – это попытка найти точки соприкосновения, то толерантность – это стирание этических норм, когда принимается любое иное из равнодушия к вечной противопоставленности добра и зла.

Отметим, что, по данным сети Интернет, в современном лингвокультурном сознании русских этическая смысловая доля терпения становится вновь актуальной: на первом месте среди синонимов в поисковой системе Яндекс находим *долготерпение*, *многотерпеливость*, в синонимический ряд включаются *благотерпение* и *снисхождение*, а *толерантность* занимает одну из заключительных позиций.

В данной статье мы останавливаемся на семантических сдвигах в понимании лексем *любовь*, *милосердие*, *целомудрие*, *добродетель*, служащих именами соответствующих этических концептов. При этом считаем важным учитывать исторически сложившийся социальный контекст, который характеризуется многомерностью и секулярностью. В этом новом пространстве лингвистика пытается найти новые подходы и методы в исследовании происходящих изменений культурных смыслов. Так, Н.С. Найдёнова, опираясь на работы западных и российских ученых (Habermas, 2008; Узланер, 2008; Постовалова, 2012), отмечает, что «особенно остро полемика по данному вопросу ведется в России, где религиозный компонент является важной составляющей национальной идентичности, идея которой постулируется светскими и церковными властями» (Найденова, 2018).

Цель исследования – проследить изменения смыслов доминантных вербализаторов этических концептов «Любовь», «Милосердие», «Целомудрие», «Добродетель» и влияние этих изменений на лингвокультурное сознание носителей языка на современном этапе.

³ Этика : энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001. С. 494.

⁴ Там же.

Методы и материалы

Данные толковых словарей церковнославянского, древнерусского языков и русского языка XIX и XX столетий, данные ассоциативных словарей русского языка и социолингвистических опросов стали материалом исследования.

Реализация цели предполагает использование таких методов, как наблюдение и сопоставление семантики выбранных вербализаторов в диахроническом аспекте, методы обобщения и интерпретации языковых единиц, сравнительно-исторический метод при анализе семантических отличий вербализующей этические концепты лексики разных эпох, частная методика семантических долей (Верещагин, Костомаров, 1980), метод сплошной выборки при работе с ассоциативными словарями, метод опроса, а также метод когнитивной интерпретации при работе с материалами ассоциативных словарей и социолингвистических опросов.

Результаты

Исследование позволило установить, что исконные этические смыслы русской языковой картины мира базируются на христианских православных представлениях. Со временем некоторые этические смысловые доли концептов трансформировались: снизили или потеряли этическую нагрузку. Однако восстановление исконного значения возможно при обращении к толковым словарям церковнославянского, древнерусского языков и русского языка XIX века.

Этические концепты «Любовь», «Милосердие», «Целомудрие» и «Добродетель», входящие в этическую концептосферу, являются составляющими русской ментальности. Исконно они понимались русским народом только положительно, как добродетели, являющиеся неотъемлемыми качествами верующего православного человека, подтверждением чему служат их значения в церковнославянском и старославянском языках.

Однако с течением времени значения таких слов, как любовь, милосердие, целомудрие и добродетель, стало меняться. Обращение к ассоциативным словарям и данные социолингвистического опроса показали печальную картину трансформаций этических смыслов концептов «Любовь», «Щедрость», «Добродетель» до степени антиэтических циничных представлений. Пугающе выглядит не столь частотная, как у других слов, но все же встречающаяся негативная оценка вербализаторов концепта «Милосердие».

Обнадеживает лишь тот факт, что большинство ответов респондентов, как и ассоциаций, указанных в словарях, близки исконному этическому толкованию, хотя степень этической нагрузки значительно снижена.

Таким образом, изменение смысловой наполненности и ассоциативного ряда вербализаторов этических концептов «Любовь», «Милосердие», «Добродетель» и «Целомудрие» в сознании современной русской молодежи (от 18 до 25 лет) говорит о заметной утрате православных основ исконной русской ментальности, главными составляющими которой были духовно-нравственные ценности русского народа, которые в настоящее время искажаются и теряют свою значимость.

Обсуждение

Этические ментальные концепты. Анализируя ментально-значимые концепты, выявленные при рассмотрении русского менталитета исследователями, среди которых А.А. Зализняк, В.В. Воробьев, В.В. Колесов, Ю.С. Степанов, Д.Н. Шмелев и др. (Воробьев, 1997; Зализняк и др., 2005), мы выделили следующий перечень основных этических концептов, составляющих ядро этической концептосферы русских: помимо макроконцептов *добро* и *благо*, это такие добродетели, как *мужество* и *милосердие*, *мудрость* и *любовь*, *смирение* и *кротость*, *совесть* и *честь*, *целомудрие* и *святость*, а также *духовность*, *вера*, *надежда*, *соборность*, *чудо* и *радость*, и *Правда-Истина*. Все они составляют положительный полюс русской этической концептосферы. В данном списке отражены концепты, выделяющиеся, доминантные для этической сферы, и не указаны, включенные в их семантическое поле микроконцепты, как например, справедливость и честность (доминанта *Правда-Истина*), богатство, сила, подвиг (доминанта *Мужество*) и др. Все этические концепты переплетены друг с другом тесными семантическими нитями. Рассмотрим одно из переплетений *любовь* – *милосердие* – *щедрость* – *целомудрие* – *добродетель*, в значениях лексем которого наблюдаются заметные трансформации.

Связаны эти слова, выступающие также именами концептов, единством этической смысловой наполненности: *любовь* – сострадание, *милосердие* к ближнему, *щедрая* помощь, тогда как *щедрость* исконно – это проявление *милосердия*, целомудрие – сохранение божественной чистоты, целостности из *любви* к Богу. Все эти понятия представляют собой *добродетели*.

Концепт «Любовь» и его трансформации. В статье о константе «Любовь» в словаре Ю.С. Степанова сказано о целомудрии, хотя изначально целомудрие ассоциировалось, прежде всего, с мудростью. Исследователь также пишет об особом понимании любви в России: «земной, но чистой, земной, но целомудренной, земной, но причастной божественному» (Степанов, 2004: 437). По данным словарей старославянского и церковнославянского языков, именно так представлялась «земная» любовь в древности (подробнее: Дмитриева, Линтовская, 2016). Более того, связь любви и целомудрия, как считает Ю.С. Степанов, особенно важна «для русского православия» (Степанов, 2004: 438). Невыраженность в русском языке концепта «Любовь», по мнению ученого, подтверждается незначительным списком глаголов любви. Так, в народном употреблении, особенно прошлых столетий, бытовали дериваты глагола «жалеть» вместо «любить». Но, как нам кажется, такую невыраженность можно интерпретировать и иначе: глагол «жалеть», то есть сострадать, милосердствовать, передает суть этического понимания любви и именно поэтому активно использовался вплоть до XX века.

В русской ментальности концепт «Любовь» исконно понимается по-христиански, как жертвенность, свойственная самому Богу, который и есть Любовь, что и составляет его главный этический смысл. В старославянском языке любовь четко различалась на божественную, то есть любовь к Богу, и земную, сострадательную любовь к ближнему, которая понималась как связь на духовном уровне с тем, кому человек сострадает. Следовательно, долю кон-

цепта, содержащую наиболее высокий этический смысл, можно определить как «дарованное Богом благо, умение творить добро из сострадания».

Сема «любовь как пристрастие, предпочтение чего-либо» встречается еще в старославянском языке, активно проявлялась в церковнославянском языке, но в древности эта сема подчеркивала нравственные предпочтения человека, помогала делить добродетели (**ЛЮБОВЛАГОУТРОВНЫЙ** – расположенный к милосердию, **ЛЮБОДОБРОДТЕЛЬНЫЙ** – любящий добродетели, **ЛЮБОМУДРЕННЫЙ** – благочестивый, **ЛЮБОСТРАДАЛЕЦЪ** – любитель, почитатель мучеников) и пороки (**ЛЮБОСЛАСТІЕ** – лакомство, **ЛЮБОБРАННЫЙ** – пристрастный к войне, **ЛЮБОТВОРЕЦ** – предавшийся сладострастию, **ЛЮБОИМЪБНЫЙ** – сребролюбивый, алчный и др.)⁵. Эта функция практически исчезла в современном употреблении вместе со сложными словами, сама же сема заняла ведущее место, уступая, по данным некоторых словарей, лишь значению «эротическое влечение», в котором она также является основной. Поэтому в современной речи мы любим, «предпочитаем» сосиски, рестораны, духи и т. д., и в этот же ряд ставим предпочтение какого-то человека. Постепенно смешная ситуация из рассказа В. Драгунского «Что любит Мишка», учившая, что привязанность к близким людям, к интересному делу важнее «любви» к вещам, даже вкусным, что любовь к бабушке не может стоять в одном ряду с пряниками и колбасой, становится уже не смешной, а, скорее, страшной. Очевидно, что с утратой таких поэтично красивых и высоко этических слов, как **ЛЮБОДАРЛИВЫЙ** (склонный к щедрости), **ЛЮБОМУДРЕННЫЙ** (благочестивый), мы отчасти потеряли если не саму способность к этим добродетелям, то точно многие нравственные национальные ориентиры.

Опрос, проведенный среди студентов первых курсов в 2017–2021 годах, показал, что в лингвокультурном сознании современной молодежи любовь – это прежде всего чувство. Среди определений были представлены этически значимые, наличие которых служит подтверждением идеи сохранности в языке традиционных русских ценностей (Маслова, Данич, 2021). Например, *пожертвование самого себя ради другого человека; взаимопонимание, уважение людей; искреннее светлое чувство; умение ставить чужие интересы выше своих; великое высокое чувство; чувство сопереживания; сильно дорожить кем-либо; чувство, которое греет душу человека* и т. д. (значения даны в порядке снижения этической значимости).

Однако среди ответов встречается значительное количество таких, в которых этическая составляющая равна нулю либо переходит в разряд антиэтических: *сильная привязанность к определенной личности, персонажу, предмету; привязанность к людям, предметам, животным, которая вызывает эмоции; чувство, испытываемое одним человеком к другому; взаимоотношения между мужским и женским полом; растяжимое понятие, которое приносит страдания и боль одной стороне; химическая реакция организма, вызывающая привязанность к другому человеку, животному, предмету; химическая реакция в мозгу, заставляющая животных размножаться* и др.

⁵ Здесь и далее церковнославянские слова и их значения цитируются по: Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М. : Отчий дом, 2009. С. 293.

Подтверждением результатов социологического опроса, позволяющего зафиксировать этический смысл или его сужение у основных морально-этических концептов в лингвокультурном сознании молодых русских, являются данные ассоциативных словарей, созданных в разное время с помощью психолингвистических методов (прежде всего метода свободного ассоциативного эксперимента). Наиболее репрезентативные данные такого рода представлены в нескольких русских ассоциативных словарях – «Русском ассоциативном словаре» (РАС-1) под редакцией Ю.Н. Караулова (2002)⁶, ЕВРАС (2008, 2019)⁷ и СИБАС (2011 – наст. вр.)⁸. Обратимся к этим материалам, выбирая из них те словарные статьи (ассоциативные поля), которые в качестве заголовочных слов (слов-стимулов) имеют исследуемые нами этические концепты, и прокомментируем их.

Анализ только двух ассоциативных полей (из двух прямых – от стимула к реакции – ассоциативных словарей – ЕВРАС и СИБАС, созданных на протяжении последнего десятилетия) позволяет выделить в этом материале несколько семантических зон (гештальтов), в которых отражены два типа представлений современных русских молодых (от 18 до 25 лет) людей: с высокой положительной морально-этической нагрузкой, оценивающие данный концепт как чувство, которое освещает жизнь человека и придает ей глубокий смысл; и нечто низменное, выходящее за пределы морально-этических норм и истинного божественного предназначения человека.

Приведем результаты анализа.

1. Положительная оценка ЛЮБВИ как чувства: *счастье, взаимная, вечная, чистая, большая, настоящая, огромная, светлая, радость, гармония, прекрасное чувство, это прекрасно, преданная, самоотверженная, чистота, чудо, это хорошо.*

Место ЛЮБВИ в жизни человека: *семья, цель жизни, смысл жизни, дети, ребенок, дом, жена, муж, родители.*

Духовное состояние любящих людей, чувства, сопутствующие ЛЮБВИ: *доверие, дружба, радость, доброта, взаимопонимание, самоотверженность, милосердие, самоотдача, щедрость, согласие, гармония, добро, Бог, икона.*

2. Отрицание или негативная оценка ЛЮБВИ как чувства: *нет, выдумка, не существует, отсутствует, миф, безумие, зла, зависимость, минутная слабость, непостоянна, платная, за деньги.*

Отсутствие морально-этического представления о ЛЮБВИ: *удовольствие, постель, секс, заниматься любовью, связь, наркотик, химия, за деньги, платная, втроем.*

Духовное состояние и чувства, сопутствующие НЕ-ЛЮБВИ: *эгоизм, зависть, злость, мука, мучение, страдание, боль, коварство, конфликт, смерть.*

⁶ Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь. М. : Астрель, 2002.

⁷ Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России) : в 2 т. М. : Московская международная академия, 2018–2019.

⁸ Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2020). URL : <http://adictru.nsu.ru/> (дата обращения: 12.09.2021).

Представленные в виде семантических гештальтов данные позволяют сделать некоторые выводы об отражении важнейших этических долей концепта «Любовь» в лингвокультурном сознании современных молодых людей, которые в целом совпадают с данными социолингвистического опроса. Отрадно отметить, что наиболее частотны и статистически значимы традиционно сложившиеся в русском языковом сознании положительные представления о концепте «Любовь». Однакостораживают и вызывают обеспокоенность некоторые морально-этические трансформации в семантике и прагматике этого ядерного концепта, выражающиеся в увеличении доли вербализаторов с негативным морально-этическим, скорее даже, аморальным и антиэтическим «зарядом», притягивающим отрицательную жизненную энергию и отрицающим высокое, Божественное, содержание концепта «Любовь».

Милосердие, милость – деятельная любовь. Следующее слово в нашей цепочке – милосердие – подразумевает не только самоотверженность и доброту, но и сострадание к человеку, деятельную любовь и добро, творимое человеком в целом. Милосердие – это не просто помощь ближнему, деятельная любовь к нему, но это в первую очередь «стремление к совершенству, святость»⁹.

Слово «милосердие» в церковнославянском языке, утвердившем православные идеи в русской ментальности, обладает значительно меньшим количеством вербализаторов, чем, например, любовь, добро, благо. Однако, по данным словаря Г. Дьяченко, слово «милосердие» и его производные в этот период раскрывают несколько важнейших этических смыслов. Во-первых, «препороучаю себя в милость, в заступление»; во-вторых, «моление, просьба» и «оказывать милость, сожалеть, трогаться чем-либо» у слова «**милова-ти**». Самое ближайшее к смысловой доле концепта «Любовь» стоит слово «**милый**», означающее «близкий к сердцу, вызывающий соучастие, милость, жалость»¹⁰ Значение концепта резко возрастает в древнерусском языке, где наблюдается расширение словообразовательного гнезда до 28 дериватов, и увеличение семантических долей, главной из которых остается сема «любовь». Например, значение «сострадание, благосклонность, любовь» у лексемы **милость**¹¹.

Высокая этическая нагрузка слова и его семантическая близость христианскому древнерусскому пониманию отмечается в словаре В.И. Даля – «сердоболие, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро всякому; жалостливость, мягкосердость»¹². При этом слово «милый», понимаемое сейчас как славный, привлекательный, приятный, все еще трактуется близко к исконному: «свойство человека любящего; снисходительная любовь; ра-

⁹ Этика : энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001. С. 263.

¹⁰ Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М. : Отчий дом, 2013. С. 305.

¹¹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 4 т. Т. 2. СПб., 1902. С. 136.

¹² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. М. : Дрофа ; Рус. яз.-Медиа, 2011. С. 326.

душное расположение, желание кому добра на деле; прощение, пощада; благоволение, оказание кому отличия; награда»¹³.

В XX веке почти единогласно словари определяют значения однокоренных лексем милосердия, сохраняя этическую нагрузку, но при этом не указывая на христианское происхождение этих понятий. Таким образом, под милосердием понимается деятельная любовь, служение людям, готовность помочь из сострадания. Словообразовательное гнездо включает лишь несколько дериватов, семы которых – «склонный к милосердию, «проявляющий милосердие» – не лишены этической значимости, хотя ее суть в словарных статьях однокоренных милосердию слов и не раскрывается.

Еще одной особенностью милосердия, начиная с древнерусского периода является сема «щедрость». Так, **миловати** – это означает «проявлять щедрость, одаривать», а **милование** – это не только готовность помочь, оказание милости, но и одаривание, **милость**, как и в современном русском языке, означает подавание¹⁴. Это смысловое слияние милосердия и щедрости особенно заметно в значениях дериватов с корнем *щедр-*.

Щедрый в церковнославянском языке означает *сострадательного*, благочестивого человека. У слова **щедроловец** основное значение «склонный к милосердию, милосердный», **щедротно** означает «милостиво», сема «милосердие» встречается в словах **щедротство**, **щедротаство**, дошедшем до наших дней **щедрость** и других. Интересна с точки зрения этической нагрузки лексема **Щедритель** – щедрый податель, сам Бог, по толкованию Г. Дьяченко¹⁵.

В словаре В.И. Даля фиксируются значения, близкие к этически значимым семам, которые указываются в церковнославянском и древнерусском языках. Так, «щедрый» – это прежде всего «милостивый, милосердный на помощь, на подарки», слово «щедрота», утраченное в современном языке, означает «милость, снисхождение, великодушие, благодеяние»¹⁶. В.И. Даль отмечает общую сему «проявлять милость» у лексем «щедрый» и «щадный». В советский период слово «щедрый» потеряло высокую этическую нагрузку, возможно, в связи с непопулярностью милосердия как «поповского слова» (Братья Вайнеры «Эра милосердия»). Д.Н. Ушаков определяет слово «щедрый» следующим образом: «добровольно оказывающий помощь деньгами, имуществом» и «милость, щедрые подарки»¹⁷. В середине века словари отмечают такое же снижение этической значимости, например «отсутствие скупости»¹⁸, «щедрые дары»¹⁹.

¹³ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. М. : Дрофа ; Рус. яз.-Медиа, 2011. С. 325.

¹⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 / сост. Г.А. Богатова, О.В. Малкова, Г.П. Смолицкая, Э.Г. Шимчук. М. : Наука, 1982. С. 155.

¹⁵ *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. М. : Отчий дом, 2009. С. 838.

¹⁶ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. М. : Дрофа; Рус. яз.-Медиа, 2011. С. 652.

¹⁷ *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М. : Дом. XXI век, 2010. С. 486.

¹⁸ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка : ок. 80 000 слов. М. : Азбуковник, 2003. С. 903.

¹⁹ Словарь русского языка : в 4 т. Т. 4. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Русский язык, 1988. С. 514.

В XX веке производные слова с корнем «щедр-» осознаются в большей степени материально и этическая ценность, заключенная в семе «милосердие» практически исчезает, например, «значительный по ценности», или «по размерам большой», или «обильный чем-либо»²⁰, при этом значение «оказывающий помощь деньгами»²¹ имеет этически нагруженную сему «охотно», но все равно сильно отличается от понимания милосердия в русской ментальности, или распространенное на сегодняшний день понимание щедрого человека как «не скупого»²².

По результатам социолингвистического опроса можно сказать, что многие современные носители языка «чувствуют», знают этический смысл слова «милосердие». Сема «чувство самопожертвования, доброты и сострадания» среди ответов респондентов стала самой частотной. Кроме того, студенты, как юноши, так и девушки, понимают под милосердием *проявление сострадания к другому; желание помочь нуждающимся; помощь слабым людям, животным, нуждающимся в поддержке; проявление чувства доброты, бескорыстной помощи; сострадание к какому-либо живому существу, природе; способность прощать, пощадить; последствие любви; качество человека, которое позволяет прощать*. Щедрость понимается студентами и этически, как например, *доброта; готовность отдать последнее тому, кому это действительно нужно; умение делиться с другими; способность отдавать те вещи, в которых человек нуждается сам; и со сниженной этической долей: отдавать что-либо кому-либо; отсутствие жадности; проявление доброты в силу слабого или сильного характера*, где надо полагать, щедрость рассматривается и как слабость характера, возможно, близко трусости.

Анализ ассоциативных полей слова-стимула «милосердие» в словарях ЕВРАС и СИБАС (прямых и обратных) позволяет, обобщив эти данные и распределив слова-реакции по семантическим гештальтам, представить их когнитивный комментарий.

Положительная оценка концепта: *добро, хорошо, добрый, великодушие, милость, гуманный, понимание, снисхождение, щедрость, благо, благородство, божеское, достоинство, душевность, от чистого сердца, отзывчивость, порядочность, радость, сердечный, человеколюбие, чистосердечное, добродетель.*

Причастность к божественному, духовному началу: *церковь, Бог, добродетель, в церкви, вера, икона, монастырь, монах, монахиня, православие, религия, христиане, юродивый, крест, Дева Мария.*

Субъекты, проявляющие это качество: *людей, людское, врач, мать Тереза, человек, женщины, мать, мамы, медсестра, меценат, приют; Красный Крест, ООН, организация.*

Объекты, на которые направлено милосердие: *к бедным, к беспомощным, к ближнему, к близким, к другим, к животным, к пострадавшему, к человеку, ко всем.*

²⁰ Словарь русского языка : в 4 т. Т. 4. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Русский язык, 1988. С. 418.

²¹ Там же.

²² Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. Т. 3. М. : АСТ ; Астрель ; Харвест ; Lingua, 2006. С. 839.

Способы проявления: милостыня, благотворительность, подаяние, прощение, спонсировать.

Отрицание и негативная оценка: слабость, бред, глупо, глупость, не всегда хорошо, не свойственно, неудачность, нищета, подачка, порок, проигрышно, редко, редкость, слабость, для лузеров, дурь, кончилось, ложь.

В представленном материале легко просматриваются два полюса в оценке концепта «Милосердие» – традиционное восприятие этого явления в русской культуре и его отрицание или негативная оценка. Особенно настораживающими выглядят такие реакции, как: *глупо, проигрышно, слабость, для лузеров, ложь*. В них отражены те кардинальные изменения в сознании русских, которые произошли за последние десятилетия: утрата свойственных русским людям морально-этических качеств, оцениваемых как добро, великодушие, щедрость, готовность к состраданию и помощи.

Изменения в семантике вербализаторов концепта «Целомудрие». **Цѣломудріе** в церковнославянском языке трактуется по-христиански и содержит этическую семантику: «благоразумие; чистота помыслов и телесная чистота; непорочность»²³. Обратим внимание, что в этот период непорочность воспринимается как чистота нравственная, как безгрешность. Итак, смысловые доли «непорочность, духовная и телесная чистота» и «благоразумие» являются основными этически нагруженными долями концепта «Целомудрие».

В древнерусском языке, по данным И.И. Срезневского, подчеркивается телесная чистота в значении вербализаторов концепта. Например, в словах **цѣломудріе, цѣломудрити, цѣломудрый**²⁴. В XIX столетии этот акцент на плотской, телесной чистоте сохраняется, но сохраняется и этическая нагрузка вербализаторов концепта, так как телесная чистота ставится в один ряд с душевной чистотой и непорочностью. Слово «целомудрие» обозначается В.И. Далем как «плотская чистота, непорочность; строгая нравственность»²⁵, целомудренный – это прежде всего тот, кто сохранил девственную (брачную) чистоту, тот, кому свойственны «высокая нравственность» и «душевная чистота»²⁶. Кроме того, В.И. Даль определяет целомудрие как «целомие, целость, здравость ума, благоразумие»²⁷.

Удивительным кажется тот факт, что словарь Д.Н. Ушакова в значении слова «целомудрие» указывает такие этически нагруженные семы, как «строгость в нравственном отношении» и собственно «добродетель»²⁸, далее словари этого столетия фиксируют в первом значении узкое понимание целомудрия, то есть девственность, или, как сказано в словаре, «относительно

²³ Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М. : Отчий дом, 2009. С. 806.

²⁴ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. Т. 3. СПб., 1912. С. 1608.

²⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. М. : Дрофа ; Рус.-Медиа, 2011. С. 578.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Дом. XXI век, 2010. С. 484.

людей, не имевших половых сношений»²⁹. Однако семы «строгая нравственность, чистота» «душевная чистота», повышающие степень этической значимости дериватов отмечается авторами словарей во втором, переносном смысле (Ожегов, Словарь русского языка (МАС), Ефремова).

Таким образом, концепт «Целомудрие» включает в смысловое поле этические восходящие к христианским представления о чистоте не только тела, но прежде всего помыслов, чувств, о непорочности и безгрешности.

В этом случае опрос подтвердил идею о сохранности в языке нравственных ценностей. Так, среди ответов респондентов встречаются следующие: *непорочность, чистота; гармония во внутреннем мире; ясность ума, чистота мыслей; мудрость*. Среди студенческих ответов часто встречались заявления о незнании значения слова «целомудрие», при этом многие респонденты отмечали, что это что-то хорошее, интуитивно определяя место концепта среди этических концептов положительного полюса концептосферы. Однако есть среди ответов такие толкования, которые показывают, что атеистическая пропаганда советского времени и современная пропаганда «свободной любви» не прошли даром: *правильное понимание тех или иных вещей; способность принимать обдуманные решения, не руководствуясь эмоциями; неизвестное для меня направление, которое требует всю жизнь не опробовать половую жизнь, добавляя при этом себе и другие запреты; чувство человека, когда он становится умнее, исходя из опыта; воздержание от похоти*.

К сожалению, материалы ассоциативных словарей не позволяют также уверенно говорить о сохранности положительных семантических компонентов концепта «целомудрие» в лингвокультурном сознании молодых русских. В анализируемых нами словарях – ЕВРАС и СИБАС – вербализатор концепта «Целомудрие» вообще отсутствует в списке слов-стимулов – заголовочных слов ассоциативных полей. Это означает, что данная лексема и обозначаемый ею концепт не входят в ядро языкового сознания испытуемых. И только в одном из обратных словарей (ЕВРАС) в словарной статье представлена реакция *целомудренная*, полученная на слово-стимул *девочка*, что подтверждает вывод о том, что христианская духовная составляющая данного концепта почти полностью утрачена. Уступив место представлению о целомудрии только как о телесной непорочности, мы утратили множество значимых в этическом и духовном плане смыслов и соответствующих дериватов.

Семантика добродетели. Лексема **добродѣтель** в церковнославянском языке включала в значение следующие семы: «дело», «доброе качество», а также «доблесть», «величие», «слава» и «совершенство»³⁰, объединяющее их не только друг с другом, но и с главной этической добродетелью – святостью. В сравнении с современным терминологическим значением данные толкования раскрывают высокую этическую значимость понятия добродетели.

²⁹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : ок. 80 000 слов. М. : Азбуковник, 2003. С. 873.

³⁰ Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М. : Отчий дом, 2009. С. 147.

В древнерусском языке слово **добродѣтель** включает в свое семантическое поле такие семы, как «добро», «добрые дела», «подвиги», «благодетель», «доброжелатель»³¹. При этом И.И. Срезневский дает еще более выраженное этическое значение «драгоценность, украшение»³². Примеры, приводимые автором, показывают, что добродетель в данном случае – украшение человеческой души, духовные достоинства. Таким образом, уже в древнерусский период у слова складываются две основные семы: «качество, свойство человека» и «производитель, носитель этого качества». Обратим также внимание, что доблесть, слава, величие, подвиги, которые мыслились под добродетелью в этот период, в отличие от современности, это не столько военные подвиги, сколько подвиги веры, слава святости.

В семантике слова «добродетель» представлены сферы «божественное», регламентирующая отношения человека и Бога, «этическое», определяющая взаимоотношения людей, и «материальное», относящаяся к взаимодействию человека и природы, человека и окружающей действительности, человека и мира вещей. Это соединение важнейших сфер обусловлено прежде всего тем, что средневековому человеку было свойственно соотношение с божественными законами всей жизни, не только отношений с ближними, но и отношения к материальному миру (Вендина, 2002). Причем оба значения добродетели передавались, в отличие от современного языка, и другими словами – с корнем «добр-». Значение «добродетельный человек» было закреплено за словом **добротворникъ**, то есть человек, делающий добро, одаряющий богатством, благом. Сема «склонность к добру», в современной трактовке «высокая нравственность» была свойственна слову **добронизволение**. Все дериваты этого периода семантически точно выражали этический смысл, например: **добродѣтельствовати** – быть подвижником, вести подвижническую, добрую жизнь; **добродѣтельно** – согласно правилам, нравственно, по добру, мирно, дружно и т. д.³³

Слово «добродетель» сохраняет высокую степень этической нагрузки и в языке XIX века, но В.И. Даль не фиксирует сему «производитель действия». В словаре указываются значения: «наклонность к добру как качество человека»³⁴, «добродушие, доброжелательство»³⁵ и «доблесть, всякое похвальное качество души, деятельное стремление к добру, к избежанию зла»³⁶.

Следует отметить, что в словаре Д.Н. Ушакова лексема «добродетель» также не соотносится с делателем, кроме того, значение формулируется абстрактно, например «положительное нравственное качество человека» или

³¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 / сост. Н.Б. Бахилина, Г.А. Богатова, Г.П. Смолицкая, А.Н. Шаламова, Э.Г. Шимчук. М. : Наука, 1977. С. 262.

³² *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 4 т. Т. 1. СПб., 1893. С. 677.

³³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 / Н.Б. Бахилина, Г.А. Богатова, Г.П. Смолицкая, А.Н. Шаламова, Э.Г. Шимчук. М. : Наука, 1977. С. 262.

³⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1. М. : Дрофа ; Рус. яз.-Медиа, 2011. С. 444.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

«основанный на добродетели»³⁷. Такие определения не лишают слово этической нагрузки, но восприятие его становится менее «живым» и действенным, что переводит вербализатор этического концепта в разряд терминов этики как науки, где «добродетель» обобщенное наименование любого морально-нравственного качества человека.

Согласно нашему опросу, большинство студентов определили добродетель грамматически неправильно, обозначив под этим словом человека, творящего добро, что этически верно. Напомним, что в древнерусском языке «доброедеятель» – это тот, кто «приносит свет миру», «творит, создает добро». Сравним: *изменение духовного мира человека на более доброе путем деяния добра кому-либо; качество человека, делающего добрые деяния для окружающего мира; поступки людей, которые готовы альтруистически помочь другому человеку даже во вред себе; все действия и слова во благо.*

Данные ассоциативных словарей ЕВРАС и СИБАС о концепте «Добродетель» вызывают довольно печальные мысли: этот концепт, так же как и «Целомудрие», остался за пределами ядра языкового сознания и поэтому не был включен в списки слов-стимулов в проводимых ассоциативных экспериментах. Он присутствует лишь в обратном словаре СИБАС как реакция на следующие слова-стимулы: **добродетель** ← *милосердие 3; великодушный, гостеприимство, добро, доброта, зло, политик, помочь, союзник, счастье, талантливый, хитрость, щедрость 1; 15+13.*

Утешительным может выступать тот факт, что дериваты-реакции с корнем **добро-** представлены в ассоциативно-вербальной сети современных русских довольно богато и с высокой частотностью: *доброжелательный, добродушный, добровольный, доброта, добролюбие, добропорядочный/добропорядочность, добросердечный, добросовестный, добросовестно.* Кроме того, в ассоциативном поле слова-стимула **добро** наиболее частотными выступают реакция *милосердие*, а также такие слова с этической составляющей, как *добродетель, доброта, жалость, сострадание, щедрость.*

Заключение

Язык – бесспорный хранитель нравственных ценностей. Взгляд на мир современного поколения зависит прежде всего от умения понимать глубокие концептуальные смыслы, заложенные в словах нашего языка, в первую очередь в словах, вербализующих базовые этические концепты русской ментальности.

Трансформации смысловых этических долей за прошедший период демонстрируют снижение этической значимости слов-вербализаторов концептов «Любовь», «Милосердие», «Целомудрие», «Добродетель». Исконные этические доли некоторых из них устанавливаются только путем филологического анализа, что неизбежно отражается на сознании носителей языка, на формировании системы ценностных ориентиров. Реконструкция соответствующих фрагментов языкового сознания современных молодых людей возможна с помощью социолингвистических и психолингвистических мето-

³⁷ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Дом. XXI век, 2010. С. 156.

дов: в нашей статье это данные социолингвистического опроса и ассоциативных словарей.

Одна из главных задач сегодня не просто сохранить исконную этическую концептосферу русской ментальности, но сделать ее «читаемой» для сегодняшнего и будущих поколений. Этой цели служит и данная статья, предмет исследования которой не ограничивается указанными концептами.

Список литературы

- Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М. : Индрик, 2002. 336 с.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М. : Русский язык, 1980. 320 с.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы) : монография. М. : РУДН, 1997. 331 с.
- Дмитриева Н.М. Изменение этической нагрузки концепта «терпение» в русском языке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11. С. 47–51.
- Дмитриева Н.М., Линтовская Е.М. Этический смысл концепта «любовь» в русской языковой картине мира (на материале словарей XI–XIX веков) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 7. С. 44–49.
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев Д.Н. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
- Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста / под ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 280–287.
- Маслова В.А., Данич О.В. Духовная энергия русского слова как проблема гуманитарной мысли // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 125–137. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-125-137>
- Найденова Н.С. Современная лингвистика в постсекулярной перспективе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 988–1000. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-988-1000>
- Постовалова В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании : истоки, основные идеи и направления // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2012. № 4. С. 56–103.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2004. 992 с.
- Узланер Д. Расколдовывание дискурса : «религиозное» и «светское» в языке Нового времени // Логос. 2008. № 4. С. 140–159.
- Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Новосибирск : Книжное издательство, 1991. 181 с.
- Шаклеин В.М. Историческая лингвокультурология текста : монография. М. : РУДН, 2012. 682 с.
- Шкурин О.В. Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический и лексикографический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 336–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-336-352>
- Habermas J. Notes on post-secular society // *New Perspectives Quarterly*. 2008. Vol. 25. Pp. 17–29.
- Pan X., Xiong A., Jouravlev O., Jared D. Conceptual representations in bicultural bilinguals: an ERP approach // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2021. Vol. 24. Issue 5. Pp. 932–944. <https://doi.org/10.1017/S1366728921000262>

Сведения об авторах:

Дмитриева Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка, факультет филологии, Оренбургский государственный университет, Россия, 460018, Оренбург, пр-кт Победы, д. 13. *Сфера научных интересов:* лингвокультурология, лингвоконцептология. Автор около 70 работ, из них 7 монографий и 6 учебных пособий. ORCID: 0000-0002-5860-5374. E-mail: dmitrieva1977@yandex.ru

Чулкина Нина Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Сфера научных интересов:* психолингвистика, лингвокультурология, лексикография. Автор около 100 работ, из них 1 монография и 3 учебных пособия. ORCID: 0000-0002-9566-4867. E-mail: nina.chulkina@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-52-67

Research article

**The transformed semantics
of the verbalizers of the ethical concepts
“Love” – “Mercy” – “Chastity” – “Virtue”**

Natalya M. Dmitriyeva¹, Nina L. Chulkina²

¹*Orenburg State University, Orenburg, Russia*

²*Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia*

 dmitrieva1977@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to identify semantic shifts of ethically significant concepts and their semantic distortion in the minds of Russian language native speakers in order to create an up-to-date picture allowing to understand the level of spiritual and moral values and the preservation of the Russian mentality among modern youth. The purpose of the study is to trace the changes in the meanings of the dominant verbalizers of the ethical concepts “Love,” “Mercy,” “Chastity,” “Virtue” and to determine the impact of these changes on the linguistic and cultural consciousness of modern native speakers. The authors used comparative-historical method, E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov’s method of allocating semantic shares, questioning, cognitive interpretation, etc. The research was conducted on the material of explanatory dictionaries of the Russian language of different periods and the Church Slavonic language, associative dictionaries and data from sociolinguistic surveys. The article defines the ethical semantic shares of these concepts, establishes their connection with the Orthodox worldview. The ideas of modern students about the selected ethical concepts are studied, transformations in their understanding and evaluation are indicated.

Keywords: ethical concept, ethical semantic shares, conceptual sphere, linguistic picture of the world, linguistic and cultural consciousness

Article history: received: 16.08.2021; accepted: 05.11.2021.

For citation: Dmitriyeva, N.M., & Chulkina, N.L. (2022). The transformed semantics of the verbalizers of the ethical concepts “Love” – “Mercy” – “Chastity” – “Virtue.” *Russian Language Studies*, 20(1), 52–67. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-52-67>

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ RUSSIAN SPEECH CULTURE

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-68-83

Научная статья

Вариативность акцентуации имен существительных в речи современной молодежи

Ю.Н. Здорикова¹, А.А. Абызов², Е.Н. Макарова³¹*Ивановский государственный химико-технологический университет, Иваново, Россия*²*Ивановский государственный политехнический университет, Иваново, Россия*³*Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия* ulia_zdor@mail.ru

Аннотация. Звучащая речь представляет собой на сегодняшний день наиболее динамичный и вариативный сегмент языковой системы. Непрерывно изменяющиеся акцентологические нормы, их динамика в значительной степени определяют значимость данного исследования. Не менее актуальными становятся проблемы, связанные с предпочтением выбора варианта ударения современным молодым поколением. Затрагиваются вопросы расстановки ударения в ряде имен существительных, являющихся акцентологическими вариантами. Цель работы – описать фиксацию ударения в рассматриваемых лексемах по современным орфоэпическим словарям, соотнести полученные результаты с данными изданных ранее лексикографических источников, а также выявить предпочтения в расстановке ударения российских студентов двух технических вузов г. Иваново – Ивановского государственного химико-технологического университета и Ивановского государственного политехнического университета. Предпринята попытка установить соответствующие корреляции между нормативными и узуальными реализациями акцентных моделей указанной группы лексических единиц. На основе проведенного исследования представилось возможным сделать вывод об отсутствии единой словарной фиксации ударения в контрольной группе лексем. Установлено, что, несмотря на возможность вариативности, предоставляемой лексикографическими источниками, современные студенты предпочитают использовать в речи лишь один вариант ударения. Таким образом, выявилась значительная дивергенция между нормативными и узуальными реализациями акцентных моделей существительных.

Ключевые слова: русский язык, ударение, акцентологическая норма, акцентуация, орфоэпический словарь, речь студентов, существительное, вариативность, узус

История статьи: поступила в редакцию: 12.07.2021; принята к печати: 30.10.2021.

Для цитирования: Здорикова Ю.Н., Абызов А.А., Макарова Е.Н. Вариативность акцентуации имен существительных в речи современной молодежи // Русистика. 2022. Т. 20. № 1. С. 68–83. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-68-83>

Введение

Вопросы правильного произношения и ударения всегда были в центре внимания не только российских, но и зарубежных лингвистов (Van der Hulst, 2014; Cutler, 2015; Shevchenko, Pozdeeva, 2017; Pozdeeva et al., 2019 и др.). «Интерес к культуре родной речи существует во многих странах еще с древних времен» (Стрельчук, 2013: 25). В отечественном языкознании активно исследовались проблемы фонетической природы и коммуникативные аспекты русского ударения, просодические аспекты русского словесного ударения, его место в слове, структурные типы для разных групп слов, инвентарь акцентных кривых на материале современного русского ударения и др. (Аванесов, 1974; Бондарко, 1998; Воронцова, 1996; Еськова, 2008; Зализняк, 1977; Касаткин, 2008; Федянина, 1982 и др.). Но несмотря на детальное описание языковых явлений в области акцентологии современного русского языка, ясно прослеживается тренд на дальнейшее изучение вопросов постановки ударения, прежде всего в силу непрерывной динамики звукового строя языковой системы, выступающей триггером изменения акцентуации как отдельно взятых лексем, так и групп слов.

Ученые отмечают широкую степень акцентологической вариативности, характеризующую современную фонетико-орфоэпическую систему. На сегодняшний день остро встает вопрос о границах допустимой вариативности, поэтому исследование указанного явления в области акцентологии находит все большее отражение во многих работах (Алтайская, 2021; Вербицкая, 2001; Еськова, 2008; Костомаров, 2014; Куракина, 2011 и др.). Будучи следствием эволюционных процессов в языке, являясь его фундаментальным свойством, вариативность манифестируется на всех языковых ярусах. Однако наиболее вариативным оказывается прежде всего фонетический, включающий, как известно, явления двух уровней: сегментного и супraseгментного (просодического), поскольку именно звучащий сегмент речи менее регламентирован, следовательно, слабо поддается нормализации. Тем не менее узловые явления неминуемо влекут за собой изменения системного характера как наиболее ригидные и протяженные континуально. О ригидности системы может свидетельствовать наличие множества акцентологических вариантов слов, фиксируемых различными орфоэпическими словарями, по которым представляется возможным проследить динамику акцентологической нормы на определенном временном срезе.

Изучение траектории эволюционных процессов орфоэпических и акцентологических норм современного русского языка представляется актуальным и в свете намечившихся кардинальных изменений в России, начиная с 90-х годов XX века. Нельзя отрицать усиления роли публичного дискурса (речи парламентариев, дикторов телевидения, журналистов, интернет-блогеров и т. д.) и его воздействия на повседневную речевую практику.

Все вышесказанное свидетельствует о наличии важных процессов в системе акцентуации имен существительных, имеющих место на современном этапе. В связи с этим представляется целесообразным и актуальным проследить как дальнейшую динамику нормативной постановки ударения в отдельных группах имен существительных, так и ее узальную реализацию.

Цель исследования – выявить соответствующие корреляции между нормативными и узуальными реализациями акцентных моделей рассматриваемой группы лексических единиц, установить, какой вариант ударения в существительных предпочитают современные студенты.

Методы и материалы

Материал для исследования собран путем анкетирования студентов двух технических вузов г. Иваново – ИГХТУ и ИВГПУ. Целевая аудитория – 50 российских бакалавров очной формы обучения 1–2-го курсов; все они прослушали дисциплину «Русский язык и культура речи», в рамках которой рассматривались вопросы ударения.

Для участия в эксперименте студентам было предложено в анкете расставить ударение в названных словах, отметить варианты, написать при необходимости комментарии, при этом предъявлялось требование не обращаться к словарям. Таким образом выявлялись знания расстановки ударения в словах и возможности использования в речи акцентологических вариантов.

В контрольную группу вошли 24 лексемы, характеризующиеся разной степенью вариативности: *баржа, девица, договор, дочушка, индустрия, искра, камбала, кета, кирза, комбайнер, компас, кулинария, лосось, металлургия, молодец, мышление, олениха, петля, ракушка, симметрия, творог, тефтели, аммиака, каучука*. Отбор лексем для анализа производился по принципу как частотности их речевых реализаций, так и наличия акцентологических вариантов.

На первом этапе была изучена теоретическая литература по обозначенной проблеме, отобрана группа наиболее вариативных с точки зрения акцентуации имен существительных (24 лексемы), проведен анализ кодификации данных лексем по трем современным авторитетным орфоэпическим изданиям – «Большому орфоэпическому словарю русского языка»¹, «Словарю ударений русского языка»², «Современному орфоэпическому словарю русского языка...»³. Во внимание принимались нормативные акцентуации указанных существительных, полученные в результате сплошной выборки по данным источникам. Далее, на втором этапе, проводилась проверка акцентуации лексем, входящих в контрольную группу, по двум авторитетным орфоэпическим словарям, изданным до 2000-х годов, – «Словарю ударений для работников радио и телевидения»⁴ и «Орфоэпическому словарю русского языка...» под редакцией Р.И. Аванесова⁵, полученные данные сопостав-

¹ *Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века : норма и ее варианты. М. : АСТ-ПРЕСС, 2012. 1000 с.

² *Резниченко И.Л.* Словарь ударений русского языка. М. : АСТ-ПРЕСС, 2008. 943 с.

³ *Горбачевич К.С.* Современный орфоэпический словарь русского языка. Все трудности произношения и ударения. М. : АСТ, 2010. 477 с.

⁴ *Агеенко Ф.Л., Зарва М.В.* Словарь ударений для работников радио и телевидения : ок. 75 000 словарных единиц / под ред. Д.Э. Розенталя. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1984. 810 с.

⁵ Орфоэпический словарь русского языка : произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р.И. Аванесова. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1987. 704 с.

лялись с материалом названных выше современных словарей. На третьем этапе был осуществлен орфоэпический эксперимент с целью выявления и фиксации тенденций в студенческом дискурсе, анализировались узуальные реализации акцентных вариантов контрольной группы лексем. При этом применялся метод сравнительного анализа и синтеза эмпирического материала, анкетирования, прием количественного подсчета, метод лингвистического наблюдения и др. Наконец, на заключительном этапе были проанализированы полученные экспериментальные данные путем их сопоставления со словарной фиксацией, сделаны выводы и намечены перспективы дальнейшего изучения данного пласта русской орфоэпии.

Результаты

В проведенном исследовании на основе данных лексикографических источников описывалась и сопоставлялась акцентуация в контрольной группе лексем – существительных, имеющих акцентологические варианты разной степени градации. Сделан вывод об отсутствии единообразия кодификации рассматриваемых лексических единиц.

Проанализированы также особенности акцентуации рассматриваемых лексических единиц в студенческом дискурсе. Несмотря на то, что студентами был прослушан курс «Русский язык и культура речи», где рассматривались многие варианты ударения, респонденты неохотно комментировали выбор того или иного варианта. Причины такого речевого поведения студентов можно связать, на наш взгляд, с влиянием более строгих норм речи взрослого поколения на молодое, следовательно, ригидности орфоэпической узуальной нормы. С другой стороны, нельзя забывать и о специфичности студенческой субкультуры как таковой, негласно воздействующей на дискурс указанной группы коммуникантов. То есть речь может идти и о влиянии как социального окружения (родные, друзья, знакомые и др.), так и собственно «лингвистического» опыта респондентов при выборе ими реализации в речи того или иного акцентного варианта слова. В ходе исследования также выявлены лакуны в понимании студентами вопросов вариативности: неверная интерпретация взаимосвязи языковых явлений, неверная их квалификация. Обнаруженные пробелы свидетельствуют о необходимости привлечения внимания современного студенчества к вопросам культуры речи родного языка, приобщения к его глубокому изучению и выработке внимательного и бережного отношения к нему.

Обсуждение

Орфоэпическая система современного русского языка характеризуется широкой вариативностью. Если словари ударений прошлого века фиксировали, как правило, один верный вариант ударения в слове, то современные справочники отмечают большое количество вариантов. Причем варианты имеют разную градацию: они могут быть равноправными; один из них может быть основным, а другой – допустимым; один из вариантов может характеризовать профессиональное употребление; может использоваться в народно-поэтической речи; иметь помету «доп. устар.» и др.

Причины вариативности в области акцентуации прежде всего внутрисистемные. Согласно Н.С. Валгиной, это и действие закона аналогии, являющегося стимулятором подрыва традиционности, и закона традиции, сдерживающего, как правило, инновационные процессы, а также закона антиномий (противоречий, заложенных в самой системе языка), как то: антиномий узуса и возможностей языка, то есть нормы (действует в сторону ограничения) и системы (способной удовлетворить бóльшие запросы общения) (Валгина, 2003). Среди внешних причин акцентологической вариативности лингвистами называются влияния некоторых говоров, а также источников заимствованной лексики – для иноязычной лексики (Фунтова, 2009).

В написанных ранее работах мы уже обращались к вопросам вариативной акцентуации (см. например: Абызов, Здорикова, 2018). Нами отмечено отсутствие единообразной кодификации лексических единиц в современных лексикографических источниках и широкая степень вариативности их использования в студенческом дискурсе. К выводам об отсутствии единообразия словарной фиксации приходят многие ученые (Алтайская, 2021; Ковалева и др., 2016 и др.).

Акцентологические варианты встречаем в словах разных частей речи, в том числе и среди существительных. Учеными-лингвистами рассматриваются разные аспекты акцентуации имен существительных. Так, В.Л. Воронцова (Воронцова, 1996: 314–315) и Н.С. Валгина (Валгина, 2003: 66) считают грамматикализацию ударения и связанную с ней тенденцию к подвижности основной в области именного ударения, например: *дОма* – Р. п., ед. ч.; *домА* – И. п., мн. ч. При этом за счет словоизменения происходит увеличение разряда словоформ с подвижным ударением: *мОст* – *мОста* → *мостА*; *гуслЯр* – *гуслЯра* → *гуслЯрА* и др. Любопытные данные по акцентуации указанных словоформ находим в словаре М.Л. Каленчук и др. (для Р. п. «гуслЯр» единственной формой приводится «гуслЯрА», при этом слово «мОст» в Р. п. имеет в качестве нормативного вариант «мостА» и с пометой *допуст. старш.* «мОста»). Таким образом, норма, акцентологическая в том числе, находится в постоянном изменении, динамике.

При этом И.Л. Фунтова (Фунтова, 2009: 142–143) указывает на неизменность старого ударения в Р. п. у трехсложных имен существительных, например: *патронАжа*, *арбитраЖа*, *вернисАжа* и т. д. Однако у ряда двухсложных существительных в формах Р. п. налицо смещение акцента в сторону флексии: *Угля* → *углЯ*, *грУздя* → *груздЯ*, *хОлма* → *холмА*. Тенденция к подвижности ударения у имен существительных, по мнению И.Л. Фунтовой, напрямую коррелирует с тенденцией вариативности в рамках нормативности, особенно в приставочных существительных: *Обжиг* – *обжИг*, *Отсвет* – *отсвЕт*, *прИвод* – *привОд* и т. д. Следует отметить, что в этом случае речь идет о семантических акцентных дублетах, что релевантно при оценке степени варьирования.

В исследовании Е.Б. Куракиной (Куракина, 2011), носящем дескриптивный характер, на основе серии орфоэпических экспериментов описывается современная «младшая» норма в ее московском варианте с целью выявления тенденций акцентологических изменений в речи молодых москвичей.

Экспериментальному исследованию подверглись особенности акцентуации как именных, так и глагольных форм. На основе анализа акцентологических материалов по существительным автор приходит к общему выводу о существовании вполне сложившейся тенденции к переносу ударения на флексию в подавляющем большинстве акцентных типов (за исключением четырех-, пяти-, шестисложных слов, тяготеющих к ритмическому равновесию), что перекликается с указанными выше исследованиями. Е.Б. Куракина (Куракина, 2011) главной причиной указанного явления видит также тенденцию к грамматикализации ударения, при этом, кроме этого фактора, называет еще причину прагматическую (чем выше степень освоения слова, тем чаще акцент смещается в сторону окончания).

К сходным выводам приходит и Т.Г. Фомина (Фомина, 2018: 12), отмечая корреляцию грамматикализации и подвижности ударения в именном словоизменении. Она при этом опирается на акцентные парадигмы, то есть систему ударения всех грамматических форм изменяемого слова. Акцентуация имен существительных, по мнению автора (Там же: 157–158), характеризуется центробежностью ($\leftarrow \rightarrow$), то есть в одной полупарадигме ударение смещается к началу слова, а в другой – на окончание. Ученый делает весьма важный, на наш взгляд, вывод об акцентно-грамматической оппозиции существительных единственного и множественного числа как основном процессе, определяющем формирование акцентных парадигм существительных в современном русском языке.

Е.М. Алтайская, исследуя вопросы надпредложного ударения, проводя сопоставительный анализ «старшей» и «младшей» орфоэпических норм, обращает внимание на отсутствие системного описания анализируемых явлений и высказывает мысль о необходимости их комплексного исследования (Алтайская, 2021: 3).

Обратимся к данным современных лексикографических источников и рассмотрим особенности акцентуации слов, входящих в контрольную группу.

В табл. 1 представлены результаты сравнительного анализа словарной фиксации акцентной вариативности контрольной группы существительных по трем современным орфоэпическим словарям.

На основании приведенных данных словарной фиксации контрольных лексем четко просматривается определенная тенденция вариативности признака акцентуации ряда указанных слов, что свидетельствует о динамике акцентологической нормы. Так, например, словарь М.Л. Каленчук и др. содержит больше запретительных помет (! *не рек.*, *неправ.*) по сравнению с двумя приводимыми лексикографическими источниками (см. *комбайнер*, *лосось*, *олениха*). Ряд акцентуаций слов, рассматриваемых словарем К.С. Горбачевича в качестве допустимых, признаются М.Л. Каленчук и др. нормативными (см. *кирза*, *кета*). А акцентный вариант *дóговор* имеет все основания в дальнейшем пополнить ряд нормативных реализаций указанного слова. Здесь, вероятно, сказывается влияние разговорного узуса на норму. В то же время вариант *тефте́ли* (согласно данным словаря М.Л. Каленчук и др.) постепенно выходит из активного употребления. В целом большинство акцентных реализаций контрольных лексических единиц имеют одинаковые пометы по всем трем словарям.

Таблица 1

**Словарная фиксация акцентной вариативности ряда существительных
(по материалам трех современных орфоэпических лексикографических источников)**

Данные по словарю М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной	Данные по словарю К.С. Горбачевича	Данные по словарю И. Л. Резниченко
твóрог – <i>допуст.</i> твoрoг	Твóрог и твoрoг	Твóрог и твoрoг
Дoгoвoр – <i>допуст. младш.</i> дoгoвoр	Дoгoвoр – <i>допуст.</i> (в непринужд. речи) дoгoвoр	Дoгoвoр – <i>допуст.</i> дoгoвoр
Мышлéние – <i>допуст.</i> мышлeниe	Мышлéние – <i>устар.</i> мышлeниe	Мышлéние и мышлeниe
Пётля и петля	Пётля и петля	Пётля и петля
Бáржа и баржá	Бáржа и баржá	Бáржа и баржá
Ракúшка – <i>допуст.</i> ráкушка	Ракúшка – <i>устар.</i> ráкушка	Ракúшка и ráкушка
Дeвица – <i>народ.-поэт.</i> дéвица	Дeвица – <i>народ.-поэт.</i> дéвица	Дeвица – <i>народ.-поэт.</i> дéвица
Молодéц (удалец) – мoлoдeц (сильный)	Молодéц <i>народ.-поэт.</i> – мoлoдeц (умелый, ловкий человек)	Слово отсутствует
Кóмпас – <i>проф.</i> компáс	Кóмпас – <i>устар.</i> компáс (в речи моряков)	Кóмпас – <i>проф.</i> компáс
Каучúка (Р. п.) – <i>проф.</i> каучукá	Каучúка (Р. п.) – <i>проф.</i> каучукá	Каучúка (Р. п.) – <i>проф.</i> (у химиков) каучукá
Аммиáка – (у химиков) аммиакá	Аммиáка – <i>допуст.</i> аммиакá	Слово отсутствует
Íскра – <i>проф.</i> искрá	Íскра – <i>проф.</i> искрá	Íскра – <i>проф.</i> (у шоферов) искрá
Индустрия – <i>допуст.</i> индúстрия	Индустрия и индúстрия	Индустрия
Комбайнер (! <i>не рек.</i> комбáйнер)	Комбайнёр – <i>допуст.</i> комбайнер	Комбáйнер и комбайнер
Кáмбала – <i>допуст.</i> камбалá	Кáмбала – <i>допуст.</i> камбалá	Кáмбала и камбалá
Кeтá	Кeтá – <i>допуст.</i> кетá (в речи моряков)	Кeтá и кетá
Лосóсь – <i>неправ.</i> лoсoсь	Лосóсь – <i>устар.</i> лoсoсь	Лосóсь и лoсoсь
Кирзá	Кírза – <i>допуст.</i> кирзá	Кírза и кирзá
Металлúргия и металлургíя	Металлúргия и металлургíя	Металлúргия и металлургíя
Кулинáрия – <i>допуст.</i> кулинарíя	Кулинáрия и кулинарíя	Кулинáрия и кулинарíя
Слово отсутствует	Дóчушка и дочúшка	Дóчушка и дочúшка
Олéниха (! <i>не рек.</i> оленíха)	Олéниха и оленíха	Олéниха и оленíха
Тeфтéли – <i>допуст. старш.</i> тeфтeли	Тeфтeли и тeфтéли	Тeфтeли и тeфтéли
Симмéтрия и симметрíя	Симмéтрия и симметрíя	Симмéтрия и симметрíя

Table 1

**Dictionary fixation of accent variation in a number of nouns
(based on materials from three modern orthoepic lexicographic sources)**

Kalenchuk et al. Pronunciation Dictionary 2012	Gorbachevich Pronunciation Dictionary 2010	Resnichenko Word Stress Dictionary 2008
Tvórog – <i>acceptable</i> tvoróg	Tvórog i tvoróg	Tvórog i tvoróg
Dogovór – <i>acceptable new</i> dógovor	Dogovór – <i>acceptable colloquival</i> dógovor	Dogovór – <i>acceptable</i> dógovor
Myšlénie – <i>acceptable</i> mýšlenie	Myshléniye – <i>obsolete</i> mýshlenie	Myshléniye i mýshleniye
Pétlya i petlyá	Pétlya i petlyá	Pétlya i petlyá
Bárzha i barzhá	Bárzha i barzhá	Bárzha i barzhá
Rakýška – <i>acceptable</i> rákuška	Rakúshka – <i>ustar.</i> rákushka	Rakýshka i rákushka
Devítsa – <i>folk use</i> dévitsa	Devítsa – <i>folk use</i> dévitsa	Devítsa – <i>folk use</i> dévitsa
Molodéts (udalets) – mólodets (strong)	Molodéts – <i>folk use</i> mólodets (skillful, dexterous)	No example
Kómpas – <i>marine slang</i> kompás	Kómpas – <i>obsolete</i> kompás (<i>marine slang</i>)	Kómpas – <i>marine slang</i> kompás
Kauchýka (Gen. c.) – <i>chemistry slang</i> kauchuká	Kauchýka (Gen. c.) – <i>chemistry slang</i> kauchuká	Kauchýka (Gen. c.) – <i>chemistry slang</i> kauchuká
Ammiáka – <i>chemistry slang</i> ammiaká	Ammiáka – <i>acceptable</i> ammiaká	No example
Ískra – <i>welder slang</i> iskrá	Ískra – <i>welder slang</i> iskrá	Ískra – <i>welder slang</i> iskrá
Industriá – <i>acceptable</i> indústriá	Industriá i indústriá	Industriá
Kombaynor (! <i>beyond use</i> kombáyner)	Kombayné – <i>acceptable</i> kombaynor	Kombáyner i kombaynor
Kámbala – <i>acceptable</i> kambalá	Kámbala – <i>acceptable</i> kambalá	Kámbala i kambalá
Ketá	Kéta – <i>acceptable</i> ketá (<i>marine slang</i>)	Kéta i ketá
Losós' – <i>wrong use</i> lósos'	Losós' – <i>obsolete</i> lósos'	Losós' i lósos'
Kírzá	Kírza – <i>acceptable</i> Kírzá	Kírza i kírzá
Metallúrgiya i metallurgíya	Metallúrgiya i metallurgíya	Metallúrgiya i metallurgíya
Kulináriya – <i>acceptable</i> kulináriya	Kulináriya i kulináriya	Kulináriya i kulináriya
No example	Dóchushka i dochýshka	Dóchushka i dochýshka
Olénikha (! <i>beyond use</i> oleníkha)	Olénikha i oleníkha	Olénikha i oleníkha
Téftéli – <i>acceptable obsolete</i> téfteli	Téfteli i teftéli	Téfteli i teftéli
Simmétriya i simmetríya	Simmétriya i simmetríya	Simmétriya i simmetríya

Исходя из приведенных на основе трех современных словарей данных, можно сделать вывод о неоднородности, иными словами, отсутствии единого описания акцентуации той или иной лексемы. Так, градиент нормативной вариативности ударения возрастает от максимальных значений (И.Л. Резни-

ченко) до минимальных – более строгих (М.Л. Каленчук и др.), при этом словарь М.Л. Каленчук и др. содержит больше запретительных помет.

Если же обратиться к более ранним словарям, изданным до 2000-х годов и представляющих собой авторитетные, фундаментальные издания, следует отметить меньшую степень вариативности⁶ или же полное ее отсутствие⁷, следовательно, больше стигматизируемых акцентных форм. Представляется, что причинами тому могут служить прежде всего факторы экстралингвистического характера, нежели лингвистического (установка более строгих литературных императивных норм, не допускающих вариативности и т. д.). Если же вариативность и допускалась, то охватывала узко профессиональную лексику. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Словарная фиксация акцентной вариативности ряда существительных
(по материалам словарей до 2000-х годов)**

Данные по словарю Ф.Л. Агеенко, М.В. Зарвы	Данные по словарю Р.И. Аванесова
Творо́г	Творо́г <i>и доп.</i> тво́рог
Догово́р	Догово́р <i>и доп.</i> до́говор
Мышлѐние	Мышлѐние <i>и доп.</i> мы́шление
Петля́	Петля́ <i>и</i> পে́тля
Ба́ржа	Ба́ржа <i>и</i> ба́ржа
Раку́шка	Раку́шка <i>и доп.</i> Ра́кушка
Девѝца (<i>но де́вица в фольклорных текстах: краса́на де́вица, де́вица-краса́вица</i>)	Девѝца II <i>в народ.-поэтич. речи</i> де́вица
Мо́лодец (в народной поэзии: удале́ц) Молоде́ц	Мо́лодец, удале́ц, храбре́ц (<i>в народно-поэтич. речи</i>). Добры́й мо́лодец. Молоде́ц, си́льный, кре́пкий мо́лодой человек, удале́ц; выра́жение одобрения, похвалы. Бра́вый мо́лодец. Она́ тако́й мо́лодец!
Ко́мпас (у моряков – компа́с)	Ко́мпас II <i>у моряков</i> компа́с
Каучу́ка	Каучу́ка II <i>у химиков</i> каучука́
Аммиа́ка	Аммиа́ка II <i>у химиков</i> аммиака́
И́скра (<i>проф.</i> – искра́)	И́скра II <i>в проф. речи</i> искра́
Индустри́я	Индустри́я <i>и доп.</i> устар. индуст́рия
Комба́йнер	Комба́йнер <i>и</i> комбайне́р
Ка́мбала	Ка́мбала <i>и доп.</i> камбала́
Кета́	Кета́ <i>и доп.</i> кета́
Лосо́сь	Лосо́сь <i>и</i> лосо́сь
Ки́рза	Ки́рза <i>и доп.</i> кирза́
Металлурги́я	Металлурги́я <i>и</i> металлурги́я
Кули́нария	Кули́нария <i>и доп.</i> купина́рия
До́чушка	До́чушка <i>и</i> дочу́шка
Слово отсутствует	Оле́ниха <i>и</i> оленѝха
Тэфте́ли	Тэфте́ли <i>и</i> тэфте́ли
Симметри́я	Симметри́я <i>и</i> симметрия́

⁶ Орфоэпический словарь русского языка : произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р.И. Аванесова. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1987. 704 с.

⁷ Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений для работников радио и телевидения : ок. 75 000 словарных единиц / под ред. Д.Э. Розенталя. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1984. 810 с.

Table 2

**Dictionary fixation of accent variation in a number of nouns
(based on materials of dictionaries prior the 2000s)**

Ageyenko, Zarva Word Stress Dictionary 1984	Avanesov Orthoepic Dictionary 1987
Tvoróg	Tvoróg <i>acceptable</i> tvórog
Dogovór	Dogovór <i>acceptable</i> dógovor
Myshléniye	Myshléniye <i>acceptable</i> mýshleniye
Petlyá	Petlyá i pétlya
Bárzha	Barzhá i bárzha
Rakýshka	Rakýshka <i>acceptable</i> rákushka
Devítsa (<i>but folk use</i> – dévitsa: krásna dévitsa, dévitsa-krasávitza)	Devítsa <i>folk use</i> dévitsa
Mólodets (<i>folk use</i> – udaléts) molodéts	Mólodets, udalets, khrabrets (<i>folk use</i>): dóbryy mólodets, molodéts, sil'nyy, krepkiy molodoy chelovek, udalets; <i>approving, praising</i> : Brávyy molodéts. Oná takóy molodéts!
Kómpas (<i>marine slang</i> компас)	Kómpas <i>marine slang</i> компас
Kauchýka	Kauchýka <i>chemistry slang</i> каучука
Ammiáka	Ammiáka <i>chemistry slang</i> аммиака
Ískra (<i>welder slang</i> искра)	Ískra <i>welder slang</i> искра
Industriya	Industriya <i>obsolete</i> индустрия
Kombáinyer	Kombáinyer i kombaynor
Kámbala	Kámbala <i>acceptable</i> камбала
Ketá	Kéta <i>acceptable</i> кета
Losós'	Lósos' i losós'
Kírza	Kírza <i>acceptable</i> кирза
Metallurgíya	Metallúrgiya i metallurgíya
Kulináriya	Kulináriya <i>acceptable</i> кулинария
Dóchushka	Dóchushka i dochýshka
No example	Olénikha i olenikha
Teftéli	Téfteli i teftéli
Simmetriya	Simmétriya i simmetriya

Поскольку словарь Ф.Л. Агеенко, М.В. Зарвы был предназначен для работников радио и телевидения и своей целью преследовал «дать единую произносительную норму»⁸, предполагая, что включение в издание вариантов «нарушило бы установку на... единообразие»⁹, мы видим, исходя из табл. 2, как правило, только один вариант ударения в рассматриваемых лексемах. Лишь в незначительных случаях отмечена вариативность, когда один член относится к профессиональной (*искра́, компас*) или к народно-поэтической речи (*девица́, молодец*). Лексема *молодец* приводится в словаре два раза, тем самым обозначаются и семантические варианты.

Авторы словаря под ред. Р.И. Аванесова рассматривают вариативность как «закономерное явление литературного языка, возникающее в процессе языковой эволюции»¹⁰, поэтому ученые приводят «столько вариантов нормы, сколько их реально существует в языке на данной стадии его развития,

⁸ Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений для работников радио и телевидения : ок. 75 000 словарных единиц / под ред. Д.Э. Розенталя. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1984. С. 2.

⁹ Там же. С. 3.

¹⁰ Орфоэпический словарь русского языка : произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р.И. Аванесова. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1987. С. 3.

по возможности точнее их квалифицировал»¹¹. Как видим из табл. 2, каждая лексема имеет варианты с разной степенью градации. Составители данного лексикографического источника отмечают, что в издании приводится значительное количество равноправных вариантов, что отличает данный словарь от ранних нормализаторских справочников¹².

Приведенные из лексикографических источников, относящихся к разному временному периоду, данные, представленные в табл. 1 и 2, в полной мере отражают динамику акцентологической нормы, свидетельствуют о процессах эволюции, происходящих в языке.

Анализ наблюдений над выбором варианта ударения в данных лексемах студентами позволил нам сделать следующие выводы. Из пар вариантов, отмечаемых многими словарями как равноправные, респонденты предпочитают, как правило, только одну из форм: *ба́ржа* – 95 %, *тефте́ли* – 76 %, *симме́трия* – 74 %, *металлурги́я* – 74 %, *петля́* – 60 %, *кулинари́я* – 53 %, *оле́ниха* – 53 %, *до́чушка* или *дочу́шка* – по 45 %, и лишь в паре слов *тво́рог* и *творо́г* оба возможных варианта ударения называют 60 % аудитории. Возможность вариативной акцентуации в обоих членах отмечена: в слове *баржа* – 5 %, *дочушка* – 10 %, *симметрия* – 15 %, *олениха* – 18 %, *тефтели* – 18 %, *металлургия* – 21 %, *петля* – 31 %, *кулинария* – 39 %. Таким образом, менее 50 % респондентов признают вариативность и предпочитают только один вариант ударения.

В рядах, где один вариант является основным, а другой – допустимым, наблюдаем ту же закономерность в расстановке акцентуации респондентами. Большинство студентов выбирают лишь один вариант ударения, который является основным: *лосо́сь* – 100 % (заметим, что в словаре М.Л. Каленчук и др. вариант *лосось* дается с запретительной пометой), *догово́р* – 84 %, *комба́йнер* – 74 %, *инду́стрия* – 79 %, *мышле́ние* – 76 %, *ка́мбала* – 60 %, *ке́та* – 58 % (заметим, что словарь М.Л. Каленчук и др. исключает этот вариант), *раку́шка* – 53 %, *ки́рза* – 45 %; варианты, считающиеся допустимыми, были отмечены лишь в единичных случаях, не был ни разу назван допустимый вариант ударения *ракушка* и *договор*. Возможность вариативного ударения в данных лексемах не выходила за рамки статистической погрешности (были даны единичные ответы). Таким образом, из возможных нормативных вариантов аудитория выбирает лишь один – основной, более характерный, известный и часто употребляемый в речи. В единичных случаях опрошенные комментируют выбор ударения. Но часто неверно определяют пометы, называя вариант вместо *допустимого* официальным или разговорным.

Респонденты хорошо ориентируются в вопросах расстановки акцентуации в парах слов, где один из вариантов характерен для профессионального употребления и выходит за пределы литературной нормы. Более 70 % опрошенных называют в качестве верного вариант, соответствующий литературной норме: *и́скра*, *ко́мпас*, *аммиа́ка*, *каучу́ка*. В то же время часть респондентов отмечает возможность вариантного употребления данных слов: *искра* – 18 %, *компас* – 18 %, вариант, характерный для профессионального упо-

¹¹ Орфоэпический словарь русского языка : произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р.И. Аванесова. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1987. С. 3.

¹² Там же.

требления – *каучукá* – выбирает 24 % аудитории, *аммиакá* – 37 %. Комментирование выбора представлено единичными случаями и приводится только к словам *искра* и *каучук*, в случаях комментирования дается неверное понимание вариативности: 1) *ударение зависит от лексического значения*; 2) *профессиональный вариант определяется как жаргон*; 3) *вариант называется разговорным словом*.

Что же касается расстановки акцентуации в словах *молодец* и *девица*, где один из вариантов относится к народно-поэтической речи, следует отметить, что возможность такой вариативности в слове *девица* отмечают 42 %, в слове *молодец* 47 % опрошенных. Остальная часть предпочитает только один вариант – *деви́ца* и *молоде́ц*. Менее половины респондентов отмечают разницу в лексическом значении слов и их стилистическую окраску, часто ошибочно относят вариант *деви́ца* к просторечию или определяет варианты ударения в этом слове как равноправные. Интересно, что некоторые анкетлируемые отметили, что вариант *деви́ца* является устаревшим, а *деви́ца* – современным с отрицательной оценкой. Варианты *молоде́ц* и *молоде́ц* некоторые респонденты также соотносят как устаревший и современный, отмечая, что в первом случае речь идет о молодом, сильном мужчине, а во втором случае – о похвале.

Заключение

Как показало проведенное исследование, в настоящее время непрерывно продолжается развитие звукового строя русского языка, способствуя изменению некоторых сложившихся закономерностей и в области постановки ударения, репрезентируемого в первую очередь неоднородностью фиксации современными лексикографическими источниками акцентологических вариантов ряда словоформ (имен существительных в том числе). В связи с отсутствием единства четкой кодификации словарной фиксации рассматриваемых лексических единиц перспективным представляется сопоставление узуальных кодифицированных норм постановки ударения в первую очередь на материале речи студентов – носителей по большей части литературного произношения. Полученные результаты эксперимента могут стать дополнением и уточнением к исследованиям подобного рода (см.: Куракина, 2011 и др.) при кодификации норм в словарях и справочниках, поскольку анкетирование проводилось среди молодого поколения регионов России. Студенческая аудитория представляется нам наиболее перспективной в плане анализа узуальных реализаций, так как она наиболее восприимчива к различного рода воздействиям в языковом отношении.

В перспективе для лучшей репрезентации результатов представляется возможным сделать охват большей аудитории молодого поколения (преподавателей, учащихся общеобразовательных школ и др.), проанализировать полученные данные, детально описать особенности постановки ударения в словоформах данной стратификационной категории населения России, сформулировать внутренние и внешние причины наблюдаемых акцентологических трансформаций, выявить тенденции развития и изменения норм в речи молодого поколения, что в дальнейшем будет полезным при кодификации в словарях и справочниках.

Список литературы

- Абызов А.А., Здорикова Ю.Н.* Вариативность акцентной структуры слова (на примере прилагательных на *-овый*) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 181–188.
- Аванесов Р.И.* Русская литературная и диалектная фонетика : учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература». М. : Просвещение, 1974. 287 с.
- Алтайская Е.М.* Некоторые закономерности переноса ударения на предлог в сочетаниях «предлог плюс существительное» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 1. С. 1–7.
- Бондарко Л.В.* Фонетика современного русского языка. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998. 269 с.
- Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для студентов вузов. М. : Логос, 2003. 304 с.
- Вербицкая Л.А.* Давайте говорить правильно : пособие по русскому языку. М. : Высшая школа, 2001. 239 с.
- Воронцова В.Л.* Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е.А. Земской. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 305–326.
- Еськова Н.А.* Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков. Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 578 с.
- Зализняк А.А.* Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. 1977. Вып. 8. С. 71–119.
- Касаткин Л.Л.* Современный русский язык. Фонетика. М. : Академия, 2008. 256 с.
- Ковалева М.Ш., Фролова А.М., Яхно М.Д.* Активные процессы в области словесного ударения // Инновационная наука. 2016. № 6–3. С. 114–117.
- Костомаров В.Г.* Язык текущего момента : понятие правильности. СПб. : Златоуст, 2014. 220 с.
- Куракина Е.Б.* Тенденции развития акцентологических норм в речи современных молодых москвичей : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 29 с.
- Стрельчук Е.Н.* Вопросы речевой культуры за рубежом: прошлое и настоящее // Мир русского слова. 2013. № 2. С. 25–28.
- Федянина Н.А.* Ударение в современном русском языке. М. : Русский язык, 1982. 302 с.
- Фомина Т.Г.* Русское словесное ударение : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2018. 384 с.
- Фунтова И.Л.* Акцентные изменения в современном русском литературном языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 2. С. 140–145.
- Cutler A.* Lexical stress in English pronunciation // *The Handbook of English Pronunciation* / ed. by M. Reed, J.M. Levis. Chichester : Wiley Blackwell, 2015. Pp. 106–124.
- Pozdeeva D., Shevchenko T., Abyzov A.* New perspectives on Canadian digital identity based on word stress patterns in lexicon and spoken corpus // *Lecture Notes in Artificial Intelligence*. 2019. Vol. 1 (11658). Pp. 401–413.
- Shevchenko T., Pozdeeva D.* Canadian English word stress : a corpora-based study of national identity in a multilingual community // *Lecture Notes in Computer Science*. 2017. Vol. 10458. Pp. 221–232.
- Van der Hulst H.* Word stress : theoretical and typological issues. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 374 p.

Сведения об авторах:

Здорикова Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Ивановский государственный химико-технологический университет, Россия, 153000, Иваново, Шереметевский пр-кт, д. 7. *Сфера научных интересов*: современный русский язык, культура речи, синтаксис. Автор более 100 публикаций. ORCID: 0000-0001-6124-8251. E-mail: ulia_zdor@mail.ru

Абызов Алексей Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Ивановский государственный политехнический университет, Россия, 153000, Иваново, Шереметевский пр-кт, д. 21. *Сфера научных интересов*: фонетико-орфоэпические аспекты современного русского языка, лексико-фонетические аспекты иностранных языков в условиях искусственного билингвизма. Автор более 88 публикаций. ORCID: 0000-0002-0691-8184. E-mail: axxel68@mail.ru

Макарова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет, Россия, 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45. *Сфера научных интересов*: теоретическое языкознание, прикладная лингвистика, сопоставительное исследование русского, английского и испанского языков. Автор более 100 публикаций. ORCID: 0000-0002-4439-5521. E-mail: makarovaen@mail.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-68-83

Research article

Variations in noun accentuation in the speech of modern youth

Yulija N. Zdorikova¹, Alexey A. Abyzov², Elena N. Makarova³

¹*Ivanovo State University of Chemical Technology, Ivanovo, Russia*

²*Ivanovo State Polytechnic University, Ivanovo, Russia*

³*Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia*

 ulia_zdor@mail.ru

Abstract. It is known that oral speech is nowadays the most dynamic and variable segment of the language system. The incessant changes in accent norms and their dynamics largely determine the relevance of this study. The preference issues of both the choice of the accent pattern in a particular word and the use of certain lexical units in speech by the modern youth are also relevant. This article addresses the issues of accentuation in a number of nouns that have accentuation variants. The purpose of the work is to describe accentuation in the lexemes under consideration according to modern orthoepic dictionaries, correlate the obtained results with the data of previously published orthoepic dictionaries, and also reveal preferences in accentuation in these lexemes among Russian students of two technical universities in Ivanovo – Ivanovo State University of Chemistry and Technology and Ivanovo State Polytechnic University. An attempt to establish appropriate correlations between normative and conventional implementations of accent models of the specified group of lexical units was made. Basing on the study, the authors conclude that there was no single variant of stress in the control group of lexemes. It was found that, despite the possible variation provided by lexicographic orthoepic sources, modern students prefer to use only one variant of word stress in oral speech. Thus, a significant divergence was revealed between normative and conventional realizations of accent patterns of nouns.

Keywords: Russian language, word stress, accent norm, accentuation, orthoepic dictionary, students' speech, noun, variation, oral speech

Article history: received: 12.07.2021; accepted: 30.10.2021.

For citation: Zdorikova, Y.N., Abyzov, A.A., & Makarova, E.N. (2022). Variations in noun accentuation in the speech of modern youth. *Russian Language Studies*, 20(1), 68–83. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-68-83>

References

- Abyzov, A.A., & Zdorikova, Yu.N. (2018). Variability of the accent structure of the word (for example, adjectives in *-ovy*). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 17(3), 181–188. (In Russ.)
- Altayskaya, E.M. (2021). Some regularities of the transfer of stress on a preposition in combinations of “preposition plus noun.” *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 14(1), 1–7. (In Russ.)
- Avanesov, R.I. (1974). *Russian literary and dialect phonetics: Textbook for students of pedagogical institutes in the specialty “Russian language and literature.”* Moscow: Obrazovanie Publ. (In Russ.)
- Bondarko, L.V. (1998). *Phonetics of the modern Russian language.* Saint Petersburg: St. Petersburg University Publ. (In Russ.)
- Cutler, A. (2015). *Lexical stress in English pronunciation* (M. Reed, J.M. Levis, Eds.). Chichester: Wiley Blackwell.
- Eskova, N.A. (2008). *Norms of the Russian literary language of the 18–19th centuries. Accent. Grammatical forms. Variants of words. Dictionary. Explanatory articles.* Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ. (In Russ.)
- Fedyanina, N.A. (1982). *Accent in modern Russian.* Moscow: Russkii Yazyk Publ. (In Russ.)
- Fomina, T.G. (2018). *Russian verbal stress.* Moscow: Flinta Publ., Nauka Publ. (In Russ.)
- Funtova, I.L. (2009). Accent changes in the modern Russian literary language. *Bulletin of the Moscow Region State University. Linguistics Serie*, (2), 140–145. (In Russ.)
- Kasatkin, L.L. (2008). *Modern Russian language. Phonetics.* Moscow: Academia Publ. (In Russ.)
- Kostomarov, V.G. (2014). *The language of the moment: The concept of correctness.* Saint Petersburg: Zlatoust Publ. (In Russ.)
- Kovaleva, M.Sh., Frolova, A.M., & Yakhno, M.D. (2016). Active processes in the field of verbal stress. *Innovation Science*, (6(3)), 114–117. (In Russ.)
- Kurakina, E.B. (2011). *Trends in the development of accentological norms in the speech of modern young Muscovites.* [Author’s abstr. cand. phil. diss.]. Moscow. (In Russ.)
- Pozdeeva, D., Shevchenko, T., & Abyzov, A. (2019). New perspectives on Canadian digital identity based on word stress patterns in lexicon and spoken corpus. *Lecture Notes in Artificial Intelligence*, (1(11658)), 401–413.
- Shevchenko, T., & Pozdeeva, D. (2017). Canadian English word stress: A corpora-based study of national identity in a multilingual community. *Lecture Notes in Computer Science*, 10458, 221–232.
- Strelchuk, E.N. (2013) Questions speech culture abroad: The past and the present. *The World of the Russian Word Journal*, (2), 25–28. (In Russ.)
- Valgina, N.S. (2003). *Active processes in the modern Russian language: Textbook for university students.* Moscow: Logos Publ. (In Russ.)
- Van der Hulst, H. (2014). *Word stress: Theoretical and typological issues.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Verbitskaya, L.A. (2001). *Let’s speak correctly: Russian language textbook.* Moscow: Vysshaya Shkola Publ. (In Russ.)
- Vorontsova, V.L. (1996). *Active processes in the field of stress* (E.A. Zemskaya, Ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul’tury Publ. (In Russ.)
- Zaliznyak, A.A. (1977). Regularities of accentuation of Russian monosyllabic masculine nouns. *Publikatsii Otdeleniya Strukturnoi i Prikladnoi Lingvistiki*, (8), 71–119. (In Russ.)

Bio notes:

Yulija N. Zdorikova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language Department, Ivanovo State University of Chemical Technology, 7 Sheremetevskii Prospekt, Ivanovo, 153000, Russia. *Research interests*: modern Russian language, speech culture, syntax. The author of over 100 scientific papers. ORCID: 0000-0001-6124-8251. E-mail: ulia_zdor@mail.ru

Alexey A. Abyzov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Ivanovo State Polytechnic University, 21 Sheremetevskii Prospekt, Ivanovo, 153000, Russia. *Research interests*: phonetic and orthoepic aspects of modern Russian language, lexical and phonetic aspects of foreign languages in the context of artificial bilingualism. The author of over 88 scientific papers. ORCID: 0000-0002-0691-8184. E-mail: axxel68@mail.ru

Elena N. Makarova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Foreign Business Language Department, Ural State Economic University, 62/45 8 Marta/Narodnaya Volya St, Yekaterinburg, 620144, Russia. *Research interests*: theoretical and applied linguistics, comparative linguistics (Russian, English and Spanish languages). The author of over 100 scientific papers. ORCID: 0000-0002-4439-5521. E-mail: makarovayn@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-84-100

Научная статья

Грамматика русского предлога: теоретические аспекты

Е.Н. Виноградова , Л.П. Клобукова *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия* ekaterinavin@mail.ru

Аннотация. В настоящее время лингвисты не располагают достаточным инструментарием для строгого определения принадлежности (непринадлежности) конкретных предложных единиц к предлогу как части речи, поэтому релевантным представляется рассмотрение функционально-грамматического поля предлога, включающего и собственно предлоги, и единицы, способные функционировать в качестве предлогов. Цели работы – выявление, классификация и описание системных парадигматических связей внутри функционально-грамматического поля предлога. Исследование проводилось на материале реестра из 3000 предложных единиц, который был собран путем сплошной выборки из словарей и специализированных работ, а также путем установления всех возможных вариантов предлогов в сети Интернет и Национальном корпусе русского языка. В результате выявлены графическая, морфонологическая и словообразовательная парадигмы предложных единиц, а также детализированы их морфосинтаксические и семантические парадигматические отношения. Графическая парадигма представляет собой ряды вариантов различного типа: алфавитных, графически слитных/раздельных и некодифицированных. Морфонологическая парадигма включает вокализованные, ударные, неполногласные, усеченные, смягченные, различающиеся ударением и флективные варианты. В рамках словообразовательной парадигмы выявлены наиболее продуктивные для образования предложных единиц корни. Для морфосинтаксической парадигмы определены возможные структурные подтипы: так, релевантными для образования парадигмы оказались форма предлогообразующего существительного и форма вводимого актанта. Кроме того, выявлены закономерности формирования парадигм для предложных единиц, выражающих разные типы семантических отношений. Для семантической парадигмы обнаружена зависимость конкретного подтипа парадигмы от вида смысловых отношений, выражаемых предложными единицами. Рассмотрение функционально-грамматического поля предлога как множества, организованного регулярными связями различных типов, позволяет говорить о грамматике предлога. Понимание системных соотношений предложных единиц открывает путь для прогнозирования системно возможных языковых единиц внутри рассматриваемого поля.

Ключевые слова: русский предлог, грамматика, парадигма, вариант, модификация, объективная грамматика, функционально-грамматическое поле предлогов, система

© Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: поступила в редакцию: 10.08.2021; принята к печати: 01.11.2021.

Для цитирования: Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Грамматика русского предлога: теоретические аспекты // Русистика. 2022. Т. 20. № 1. С. 84–100. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-84-100>

Введение

В последнее время внимание лингвистов сосредоточено на изучении служебных слов и их эквивалентов. Особый интерес вызывают единицы, находящиеся на различных стадиях процесса грамматикализации – перехода языковых единиц от лексических к грамматическим (Traugott, Heine, 1991; Lehmann, 2002; Heine, Kuteva, 2002). В соответствии с поставленными целями исследования ученые используют различные термины для единиц, входящих в указанный, безусловно, очень «пестрый» класс: «традиционные» служебные слова и части речи, эквиваленты (Мустайоки, Копотев, 2004), переходные единицы (Копотев, Стексова, 2016), коннекторы (Инькова, 2018) и др. Эффективно представление многокомпонентных эквивалентов слова и в рамках грамматики конструкций (Fillmore et al., 1988; Goldberg, 1995; Hoffmann, Trousdale, 2013).

Класс предлогов и их эквивалентов постоянно растет (Виноградова, 2017) за счет вовлечения в них словоформ других частей речи, или грамматикализации, понимаемой как «the change whereby lexical terms and constructions come in certain linguistic contexts to serve grammatical functions, and, once grammaticalized, continue to develop new grammatical functions. Thus, nouns and verbs may change over time into grammatical elements such as case markers, sentence connectives and auxiliaries» (Hopper, Traugott, 2003: 1). Однако переход в предлоги осуществляется индивидуально и постепенно, значительное число подобных единиц находятся на той или иной ступени грамматикализации, поэтому их отнесение к предлогам в конкретном лексикографическом источнике зачастую является субъективным, несмотря на наличие целого ряда «тестов» на определение степени предложности (Еськова, 1996; Yadroff, 1999; Yadroff, Franks, 2001; Всеволодова, 2011; Виноградова, 2016; Материалы к корпусной грамматике., 2018). Таким образом, в настоящее время границы класса предлогов остаются размытыми, поэтому целесообразным представляется объединение всех единиц, выполняющих функции предлога в функционально-грамматическое поле предлога (Всеволодова, 2010), в ядре которого находятся собственно предлоги, а ближе к периферии – менее грамматикализованные предложные средства. По отношению ко всем единицами, составляющим функционально-грамматическое поле предлога, используется обобщающий термин «предложные единицы».

Как и другие поля, функционально-грамматическое поле предлога представляет собой не беспорядочный компендиум единиц, а систему, организуемую различными парадигматическими отношениями. О наличии синонимов, антонимов и конверсивов в рамках предлогов писал еще академик Ю.Д. Апресян (Апресян, 1995). Однако системные отношения, пронизывающие функционально-грамматическое поле предлогов, гораздо разнообразнее.

Уже М.В. Ломоносов в своей грамматике отмечает, что предлоги могут иметь различные варианты, которые (с учетом современной терминологии) можно условно разделить на:

1) морфонологические: *въ – во, къ – ко, о – объ, съ – со; близь – блиско; межъ – между*;

2) морфосинтаксические (обусловленные различным управлением предлога): (а) *межъ* и *между* сочиняются с Тв. п., Р. п. и В. п.; (б) *во, за, на, надъ, подъ, предъ* и *со* – с В. п. и Тв. п.¹; (в) *по* – с Д. п. и Пр. п. (Ломоносов, 1952: 572).

Далее составители грамматик пополняют реестр морфонологических вариантов, ср.: *безъ – безо, изъ – изо, надъ – надо, о – объ – обо, подъ – подо, предъ – передъ – предо* (Греч, 1830); *межъ – между – промежъ, отъ – ото, предъ – передъ – предо – передо, противъ – противу, сзѣди – созѣди, чрезъ – черезъ* (Востоков, 1874).

В XX веке начинают фиксироваться и другие типы вариантов предлогов. Так, в 1928 г. Л.В. Щерба указывает, что разные модели управления предлога могут различаться стилистической окраской: «*согласно вашему предписанию*, а в канцелярском стиле *вашего предписания*» (Щерба, 2007: 95). В грамматиках и грамматических описаниях русского языка также отмечаются варианты: *в отношении – в отношении к, начиная – начиная с, согласно – согласно с* (Виноградов, 1972); *вблизи – вблизи от, в направлении – в направлении к, вслед – вслед за, на пути – на пути к, согласно – согласно с, соответственно – соответственно с* и др. (Русская грамматика, 1980). В словарях наблюдается аналогичная ситуация, ср.: *вдогон – вдогон за, в направлении к – по направлению к, в отношении – в отношении к – по отношению к, в память о – в память, вплотную к – вплотную с, врозь с – врозь от, не считая кого? чего? – не считая кого? что?, навстречу – навстречу к²* и др. Авторский коллектив под руководством М.В. Всеволодовой предложил называть подобные синонимико-вариативные ряды структурно различных реализаций одной базовой предложной единицы *морфосинтаксической* парадигмой (Всеволодова и др., 2003), например, *на благо чего? – на благо чему?, без ущерба кому? – без ущерба для кого?, в такт чего? – в такт чему? – в такт с чем? – в такт к чему?* и т. д.

Кроме того, в грамматиках и словарях обнаруживаются варианты еще одного типа: *в пределах и вне пределов* (Русская грамматика, 1980); *за пределами, за пределы³; в пределах, в пределы, за пределы, из пределов⁴; в пределах, в пределы, за пределами, за пределы, из пределов⁵*. В статье М.В. Всеволодовой подобные предложные единицы, которые формируются одним мотиви-

¹ По-видимому, здесь в ряде случаев М.В. Ломоносов не разграничивает Тв. и Пр. падежи.

² *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. С. 71, 101, 103, 251, 377, 389, 475, 490, 668, 784.

³ *Словарь структурных слов русского языка / под ред. В.В. Морковкина.* М. : Лазурь, 1997. С. 127.

⁴ *Бурцева В.В.* Словарь наречий и служебных слов русского языка. М. : Русский язык-Медиа ; Дрофа, 2010. С. 580.

⁵ *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М. : Русский язык, 2001. С. 112, 202, 219.

рующим существительным, но имеют разные конкретные пространственные или квазипространственные значения (*в области – за областью – вне области – в область – за область – из области; в числе – в число – из числа*), объединяются понятием *семантической* парадигмы (Всеволодова, 2010).

На наш взгляд, в настоящее время лингвистическая наука подошла к необходимости выявления всех типов парадигматических отношений предложных единиц, их детального описания и систематизации. В данной статье выделяются графическая, морфонологическая и словообразовательная парадигмы предложных единиц, а также описываются различные структурные типы морфосинтаксической и семантической парадигм.

Цель исследования – выявление и классификация системных связей, образующих функционально-грамматическое поле предлога. Ставятся задачи поиска новых типов парадигм; определения возможных структурных подтипов морфосинтаксической парадигмы; характеристики зависимости типа семантической парадигмы от семантики предложных единиц. Системное выявление и описание всех типов парадигматических связей внутри функционально-грамматического поля предлога является важнейшим этапом в создании грамматики русского предлога как части речи.

Методы и материалы

Исследование проводится на материале реестра предложных единиц, разработанного в процессе работы в рамках межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (Всеволодова и др., 2003). Первым этапом работы в рамках проекта был анализ различных словарей⁶ и монографий (Черкасова, 1967; Богданов, Рыжова, 1997; Шиганова, 2003 и нек. др.), посвященных обсуждаемой проблематике, с целью выявления в них единиц, маркированных «предлог» и «в значении предлога»⁷. В результате был создан реестр, содержащий около 900 предложных единиц, каждая из которых была подвергнута изучению на основе языковых примеров из сети Интернет и Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Затем полученные предложные единицы были рассмотрены с позиций системных отношений между ними, что позволило выявить в первом приближении морфосинтаксическую и семантическую парадигмы. Методом лингвистического прогнозирования на основе представления об устройстве указанных парадигм удалось «обнаружить» еще целый ряд «предлого-

⁶ Словарь структурных слов русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М. : Лазурь, 1997. 420 с.; *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.; *Бурцева В.В.* Словарь наречий и служебных слов русского языка. М. : Русский язык-Медиа, Дрофа, 2010. 750 с.; *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М. : Русский язык, 2001. 863 с.; *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2008. 960 с.; *Лепнев М.Г.* Словарь непроизводных предлогов современного русского языка. СПб. : Гуманитарная академия, 2009. 196 с.; *Лепнев М.Г.* Русские производные предлоги. Проблемы семантики. Словарные материалы. СПб. : Ефименко Д.Л., 2010. 313 с.

⁷ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.; *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2008. 960 с.

подобных» единиц, которые проверялись на принадлежность к функционально-грамматическому полю предлога. Таким образом был собран реестр русских предлогов и их эквивалентов, который включает в настоящее время примерно 3000 единиц (без учета семантических вариантов). Первая его часть (А–В) с подробной атрибуцией каждой единицы, в том числе с указанием ряда ее системных связей, опубликована в 2018 г.⁸

Настоящее исследование стало следующим закономерным этапом работы, в ходе которого, во-первых, были проанализированы парадигматические отношения единиц, получивших лексикографическую атрибуцию в вышеуказанном словаре, а во-вторых, весь реестр был изучен с помощью электронных таблиц, созданных в программе Excel в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (руководитель профессор О.В. Кукушкина). В результате данного этапа были проведено более детальное исследование ранее выявленных парадигм, а также обнаружены новые типы системных отношений между предложными единицами. Кроме того, некоторые парадигматические ряды были охарактеризованы с точки зрения частотности их членов, которая вычислялась по количеству вхождений каждой единицы в основной корпус НКРЯ. Подобные статистические данные позволяют продемонстрировать реальное функционирование единиц и указать наиболее частотный член парадигмы, ср., например, синонимико-вариативный ряд предложной единицы, образованной производными лексемы *разрез*: *вразрез с* – 543 вхождения⁹, *вразрез* + Д. п. – 38, *вразрез* + Р. п. – 6, *вразрез между* – 3, *в разрез с* – 85, *в разрез* + Д. п. – 8, *в разрез* + Р. п. – 10, *в разрез между* – 8.

Результаты

В ходе исследования были исчислены различные структурные типы внутри морфосинтаксической парадигмы; показана взаимосвязь значения предлога и типа семантической парадигмы; выявлены и описаны графическая, морфонологическая и словообразовательная парадигмы.

Анализ материала позволил выявить сложную структурную устроенность *морфосинтаксической* парадигмы, в которой выделено два основных направления: вариативность предлогообразующего слова (чаще всего существительного) и вариативность актанта предлога. Вариативность первого типа обеспечивается путем изменения формы падежа и числа предлогообразующего существительного, появления/изменения первообразного предлога в препозиции. Вариативность актанта предлога формируется разной падежной формой управляемого имени и появлением/изменением предлога в постпозиции к предлогообразующему существительному.

⁸ Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления : реестр русских предложных единиц. Книга 2. А–В (объективная грамматика). М. : URSS, 2018. 798 с.

⁹ Употребления в прямом значении (*заглянул в разрез блузки*) исключались из рассмотрения.

В рамках **семантической** парадигмы показана взаимосвязь типа выражаемых отношений и набора возможных членов парадигмы. Так, наиболее системно семантические парадигмы возникают в поле пространственных, временных значений, а также отрицательных и фазисных модификаций.

Графическая парадигма представляет собой различные функционирующие в узусе графические фиксации предложной единицы. Среди них выделяются алфавитные, слитные/раздельные/дефисные, некодифицированные варианты.

Морфонологическая парадигма может строиться на основе следующих оппозиций: вокализованность/невокализованность, ударность/неударность, усеченность/полнота, смягченность/несмягченность; кроме того, члены данной парадигмы могут различаться местом ударения, например, *в видах* – *в видáх* и типом флексии, например, *в преддверии* – *в преддверьи*, *силю* – *силой*. Заметим, что описание фонологического варьирования русских предлогов является популярной темой исследований зарубежных лингвистов (см.: Steriopolo, 2007; Linzen et al., 2013), в которых рассматриваются те или иные типы вариантов предложных единиц.

Словообразовательная парадигма объединяет предложные единицы, восходящие к одному словообразовательному гнезду. Оказалось, что целый ряд корней является особо продуктивным для «производства» именно предложных единиц.

Обсуждение

Языковой материал показывает, что многие предлоги имеют варианты различных типов, при этом в лексикографических и грамматических работах, как правило, фиксируются лишь возможности различного управления ряда предлогов¹⁰, а остальные системные связи обычно не отмечаются. В связи с этим актуальность приобретает задача выявления и описания всех типов отношений, связывающих предложные единицы. Во «Введении в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц» выделены морфосинтаксическая и семантические парадигмы, указываются различные варианты предложных единиц (Всеволодова и др., 2014). Наблюдения над собранным массивом из более 3000 предложных единиц позволили обнаружить, помимо указанных, графическую, морфонологическую и словообразовательную парадигмы, а также исчислить возможные подтипы внутри морфосинтаксической парадигмы. В ряде случаев для иллюстрации парадигматических соотношений в скобках указано число вхождений единицы в НКРЯ.

¹⁰ Вопрос о статусе предлогов с различным управлением и значением (например, *в + В. п.* и *в + Пр. п.*) является очень интересным, но выходит за рамки данной статьи. В словаре (Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления : реестр русских предложных единиц. Кн. 2. А–В (объективная грамматика). М. : URSS, 2018. 798 с.) каждому подобному варианту посвящена особая статья. Кроме того, в качестве отдельных словарных единиц выделяются различные значения предлогов. Статистическое распределение, а также формулировка семантических ролей предложных синтаксем изучаются в работах группы ученых Санкт-Петербургского университета, см. например: Zakharov, Azarova, 2019; Zakharov, Mikhailova, 2017).

1. **Графическая** парадигма включает алфавитные, слитные/раздельные/дефисные, некодифицированные орфографические варианты предложных единиц. Мы указываем варианты без учета формы выражения актанта, так как во многих случаях, в силу того что предлог находится еще на пути грамматикализации, для него характерна также значительная морфосинтаксическая вариативность.

1.1. *Алфавитные* варианты появляются в случае, если заимствованные предлоги передаются как кириллицей, так и латиницей: *а-ля* (459) – *а ла* (854), *апропо* (6) – *а пропо* (12) – *а пропос* (144), *версус* (2) – *vs* (145), *визави* – *vis-a-vis*, *тет-а-тет* – *tet-a-tet* и т. п.

1.2. На конвенциональность *слитного*, *раздельного* и *дефисного* написания предлогов обращается внимание во «Введении в объективную грамматику и лексикографию предложных единиц» и в «Материалах к корпусной грамматике» (Всеволодова и др., 2014: 93; Материалы к корпусной грамматике..., 2018: 331). Действительно, почему мы пишем *вследствие*, но *в результате*; *по-над*, но *посреди*; *извне*, но *из-под*; *взамен*, но *в замену*? Анализ языкового материала и словарных источников демонстрирует вариативность в написании предложных единиц: *в догонку* (41) – *вдогонку* (1.857), *в догон* (6) – *вдогон* (132), *за ради* (76) – *за-ради* (77) – *заради* (19), *в глубь* – *вглубь*¹¹, *в разрез* – *вразрез*, *в пику* – *впику*, *в притык* – *впритык*, *в ровень* – *вровень*, *в придачу* – *впридачу*, *в пару* – *впару*, *в перехлест* – *вперехлест* и т. п. На наш взгляд, слитное написание является одним из признаков завершающейся грамматикализации: в языковом сознании носителей языка сочетание начинает «ощущаться» как единое целое, ср. раздельное написание *не смотря на* (Востоков, 1874), *не взирая на* (Виноградов, 1972) и т. п. Это своего рода психолингвистический тест на «определенность».

1.3. Для некоторых ПЕ характерно наличие *некодифицированных орфографических* вариантов: *в течение* (34.172) – *в течении* (579), *в отсутствие* (1.345) – *в отсутствии* (1.067) и т. п. Безусловно, фиксация подобных ненормативных вариантов характерна лишь для объективной грамматики, при этом их существование может быть подтверждено данными НКРЯ.

2. Как показано выше, морфонологические варианты первыми обратили на себя внимание русистов и продолжают волновать умы лингвистов. В настоящее время их целесообразно объединить в **морфонологическую** парадигму. Анализ языкового материала позволяет выделить вокализованные, ударные, неполногласные, усеченные, смягченные, различающиеся ритмической структурой и флективные варианты.

2.1. Изучению *вокализованных* вариантов уделяется внимание в работах (Timberlake, 2004: 178–179; Иткин, 2007; Steriopolu, 2007), ср.: *без* – *безо*, *в* – *во*, *из* – *изо*, *к* – *ко*, *над* – *надо*, *от* – *ото* и т. д.

¹¹ В словаре (Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Русский язык, 2001. С. 79) на основании слитности/раздельности написания различаются *в глубь* чего? – предлог и *вглубь* – наречие, однако языковой материал не подтверждает такого распределения, ср.: *И из всех этих секторов можно начать движение вглубь технологического пространства, в смежные, технологически сопряженные отрасли; И они спокойно ушли вглубь леса; Чуть спиртного на тряпочный фитиль капнул, опустил тот фитиль вглубь прибора – и лампочка горит!* (НКРЯ).

2.2. Некоторые первообразные предлоги становятся ударными в положении перед определенными словами: *бѣз толку, вѣ поле, дѣ ночи, зѣ борт, ѓз лесу, нѣ дом, бок ѓ бок, ѓб руку, ѓт роду, пѣ ветру, пѓд гору, прѣ смерти, сѓ свету, ѓ моря* и т. п.¹²

2.3. Ряд предлогов допускает *неполногласный* вариант, при этом в одних случаях более частотен полногласный вариант: *перед* (206.150) – *пред* (20.516), *через* (247.026) – *чрез* (14.329), а в других – наоборот: *посередѣ* (126) – *посреди* (11.456) и др.

2.4. Отдельные наречные предлоги реализуются в *усеченном* варианте: *посреди* (11.456) – *посредѣ* (10), *посередѣ* (126) – *посередѣ* (194), *позади* (10.785) – *позады* (44), *среди* (100.780) – *средѣ* (1.647), *вблизи* (7.747) – *вблизѣ* (14).

2.5. Для предлогов *близ* и *поперед* отмечены *смягченные* варианты: *близ* (9.379) – *близѣ* (521), *поперед* (88) – *попередѣ* (2).

2.6. Для производных предлогов актуальным может становиться различие в *ритмической структуре*: *в видах* – *в видѣх*, *в обеспѣчение* – *в обеспѣченѣ*.

2.7. Производные предлоги могут различаться и *флективными* вариантами: *в ожидании* (6.958) – *в ожиданьи* (27), *в оправдание* (516) – *в оправданье* (12), *в предвкушении* (290) – *в предвкушеньи* (1), *в преддверии* (871) – *в преддверьи* (7), *иждивением* – *иждивеньем* и т. п.; *силою* – *силой*, *ценою* – *ценой* и т. д.

3. Некоторые предложные единицы имеют также *словообразовательные* варианты, входящие в одно словообразовательное гнездо. Наиболее продуктивными в плане образования предлогов оказались следующие корни:

бок-, верх-, зад-, низ-, перед-: *боком к* – *обок (с)* – *по бокам (от)* – *сбоку от*; *вверх от* – *вверх по* – *вверху* – *кверху от* – *поверх* – *сверх* – *сверху*; *задом к* – *ззади от* – *назади* – *позади* – *сзади*; *вниз от* – *вниз по* – *внизу* – *книзу от* – *снизу*; *вперед(и)* – *кпереди от* – *поперед* – *спереди*;

близ(’)-, дал’-, выс/ш-, глуб(’)-: *близ* – *близко* – *вблизи* – *поблизости (от)*, *недалеко от* – *неподалеку от* – *поодаль от* – *в/на отдалении от*; *свыше* – *высоко над* – *в высоту*; *вглубь* – *в глубине* – *глубже*;

подоб(’)-: *в подобие* – *наподобие* – *по подобию* – *подобием* – *подобно*;

пут’-: *на/по пути* – *путем*.

Приведем и другие предложные единицы, формирующие словообразовательную парадигму: *в добавление к* – *вдобавок к*, *исключая* – *за исключением*, *слева от* – *левее от*, *справа* – *правее от*, *в изоляции от* – *изолированно от*, *в благодарность* – *благодаря*, *пропорционально к* – *в пропорции*, *следом за* – *вслед*, *против* – *противно*, *касательно* – *касаясь*, *по аналогии с* – *аналогично*, *относительно* – *по отношению к*, *согласно* – *в согласии*, *соответственно* – *в соответствии с*, *в сравнении с* – *по сравнению с* – *сравнительно с*.

4. **Морфосинтаксическая** парадигма характеризуется наиболее сложной структурой и включает в себя две большие группы: варианты мотивирующего существительного (4.1.) и варианты выражения актанта (4.2.).

4.1. Варианты формы мотивирующего имени существительного и предлогов в препозиции к нему реализуются в следующих оппозициях:

¹² См. данные проекта под руководством И.Б. Иткина: Материалы к корпусной грамматике..., 2018: 333–336.

- форма винительного/предложного падежа мотивирующего существительного: *в преддверие (в преддверье) – в преддверии (в преддверьи), в промежутке между – в промежутке между, в противопоставление – в противопоставлении, в противоход – в противоходе, в разгар – в разгаре, в расцвет – в расцвете, в ритм – в ритме, на юг от – на юге от, на запад от – на западе от;*

- форма единственного/множественного числа мотивирующего существительного: *в ареале – в ареалах, в год – в годы, в деле – в делах, в зоне – в зонах, в ипостаси – в ипостасях, в области – в областях, в попытке – в попытках, в функции – в функциях, из чувства – из чувств, размером – размерами, по причине – по причинам, по проблеме – по проблемам, при условии – при условиях, со времени – со времен, с позиции – с позиций;*

- различные первообразные предлоги в препозиции к мотивирующему существительному: *при учете (98) – с учетом (5.950), при условии (1.527) – с условием (122), в сравнении с (3.518) – по сравнению с (10.482), в направлении – по направлению, в память о – на память о, в ходе – по ходу, в части – по части, к северу от – на севере от, на благо – во благо, на опыте – по опыту, на примере – по примеру, на случай – по случаю – в случае, по имени – под именем, из соображений – по соображениям;*

- наличие/отсутствие первообразного предлога в препозиции к мотивирующему существительному: *в глазах – глазами, в глубине – глубиной, в длину – длиной, в продолжении – продолжительностью, в размере – размером, в устах – устами, в числе – числом, по воле – волею, по имени – именем, по пути – путем.*

4.2. Наличие морфосинтаксических вариантов выражения актанта определяется вариативностью управления. Управляемое слово может вводиться падежными и предложно-падежными формами, следовательно, варианты могут быть образованы:

- разной падежной формой управляемого слова: *аналогично чему? – аналогично чего?, в обход кому? – в обход кого?, во вред чему? – во вред чего?, в подтверждение чего? – в подтверждение чему?, в противовес чему? – в противовес чего?, вслед кому? – вслед кого?, исключая кого-чего? – исключая кого-чего?, на благо кому? – на благо кого?, поперек чему? – поперек чего?, согласно чему? – согласно чего?;*

- наличием/отсутствием предлога в постпозиции к мотивирующему слову: *безотносительно – безотносительно к, вблизи – вблизи от, вдогонку – вдогонку за, вдоль – вдоль по, в дополнение – в дополнение к, в компании – в компании с, в контраст – в контраст с, внутри – внутри у, во главе – во главе с, в память – в память о, в подтверждение – в подтверждение к, вслед – вслед за, касательно – касательно до, не доходя – не доходя до, поблизости – поблизости от, сбоку – сбоку от, созвучно – созвучно с;*

- разными предлогами в постпозиции к мотивирующему слову: *вблизи от (294) – вблизи к (7), вплотную к (1.025) – вплотную с (38), адекватно к – адекватно с, в придачу к – в придачу с, на пути в – на пути к, в соответствии с – в соответствии к, в тон к – в тон с, незадолго до – незадолго перед.*

Морфосинтаксические парадигмы конкретных предложных единиц системно образуются контаминацией указанных типов вариантов. Анализ языкового материала показал, что наиболее регулярно морфосинтаксические парадигмы обнаруживаются у предложных единиц, выражающих локативные, аллативные, временные, целевые, субъектные, реляционные, лимитативные и количественные отношения.

При выражении *локума* (при обозначении места – где?) варианты образуются при помощи предлога *от*: *вблизи – вблизи от, вдали – вдали от, восточнее – восточнее от, левее – левее от, по обе стороны – по обе стороны от, поблизости – поблизости от, сбоку – сбоку от, севернее – севернее от* и т. п.

При выражении *аллатива* (при обозначении направления – куда?) вариативность обеспечивается отсутствием/наличием предлога *к* в постпозиции: *на пути – на пути к, навстречу – навстречу к, по направлению – по направлению к*; это верно и для способов выражения квазипространственных отношений: *в арсенал – в арсенал к, в ведение – в ведение к, в пандан – в пандан к, в помощь – в помощь к, в руки – в руки к* и т. п.

Для *темпоральных* отношений характерна вариативность, связанная с обозначением временных интервалов: *за время чего? – за время после чего? – за время до чего? – за время перед чем? – за время между чем? – за время между чем? и чем? – за время с чего? – за время с чего? до чего? – за время с чего? по что? – за время от чего? – за время от чего? до чего? – за время около чего? – за время порядка чего? – за время свыше чего?*

Оформление *целевых* отношений связано с возможностью выражения актанта в форме инфинитива: *без расчета что сделать? – без расчета на что?, без цели что сделать? – без цели чего?, в предвкушении что сделать? – в предвкушении чего?, с надеждой что сделать? – с надеждой на что?, с расчетом что сделать? – с расчетом на что?* и т. д.

Для *субъектных* отношений характерна парадигма, включающая вариант с у-локализатором: *в ведении – в ведении у, в видимости – в видимости у, в распоряжении – в распоряжении у, внутри – внутри у, за плечами – за плечами у, из вида – из вида у, на поводе – на поводе у, на службе – на службе у, на счету – на счету у, на шее – на шее у, под крылышком – под крылышком у* и т. д.

При выражении *реляционных* отношений системно возникает четырехчленная парадигма типа: *адекватно чего? – адекватно чему? – адекватно с – адекватно к*. При этом анализ реального функционирования предложных единиц показал, что подобная парадигма часто дефектна: *в довершение чего? – в довершение чему? – в довершение к; в оппозицию чему? – в оппозицию к – в оппозицию с; в противоположность чему? – в противоположность с – в противоположность к; в такт чему? – в такт с – в такт к* и т. п. (подробнее см.: Всеволодова и др., 2014).

Вариативность при выражении *лимитативных* отношений обусловлена синтаксической синонимией: *в память – в память о; на тему – на тему о – на тему про; по вопросу – по вопросу о – по вопросу относительно* и др. (подробнее см.: Всеволодова и др., 2014).

При выражении *количественных* отношений парадигма формируется вариантами обозначения промежутка (что? – что?, чего? *от* чего?, *до* чего?, *от* чего? *до* чего?, *между* чем?, *между* чем? и чем?): *в диапазоне что? – что? –*

в диапазоне чего? – в диапазоне от чего? – в диапазоне до чего? – в диапазоне от чего? до чего? – в диапазоне между чем? – в диапазоне между чем? и чем?

5. **Семантическая** парадигма коренным образом отличается от охарактеризованных выше парадигм тем, что предложные единицы, входящие в нее, не являются синонимическими вариантами и различаются системными лексико-грамматическими значениями, например, в рамках триады «где? – куда? – откуда?». При этом оказалось, что наличие и структурный состав семантической парадигмы напрямую связан с типом выражаемого значения.

5.1. В рамках *пространственных* отношений системными являются парадигмы типа: *в области – в область – из области – за областью – за область – из-за области – вне области; в границах – в границы – из границ – за границами – за границы – из-за границ – вне границ* и др. Для квазипространственных отношений парадигматические ряды обычно короче: *в роли – в роль – из роли; в ряду – в ряд – из ряда; в разряд – в разряде – из разряда* и под.

5.2. Предложные единицы, выражающие *временные* отношения, образуют следующую парадигму: *в момент – до момента – с момента, в период – до периода – после периода – за период* и под.

5.3. Парадигма с *отрицательными* модификациями чаще всего реализуется с помощью предлога *без*: *с помощью/при помощи – без помощи; с поддержкой/при поддержке – без поддержки; с участием/при участии – без участия; с учетом/при учете – без учета; в ущерб/с ущербом для – без ущерба; с оглядкой на – без оглядки на* и под.

5.4. Регулярно встречаются парадигмы, отражающие триаду *фазисных* значений: *в борьбу с кем? за что? (вступить) – в борьбе с кем? за что? (что-л. делать) – из борьбы с кем? за что? (выйти)*.

Кроме того, разные типы парадигм могут накладываться друг на друга, образуя двух- и трехмерные матрицы. Так, на семантическую парадигму регулярно накладывается морфосинтаксическая парадигма, ср. семантическую парадигму в единственном числе: (куда?) *в область* – (где?) *в области* – (где?) *вне области* – (где?) *за областью* – (откуда?) *из области* и семантическую парадигму во множественном числе: (куда?) *в области* – (где?) *в областях* – (где?) *вне областей* – (где?) *за областями* – (откуда?) *из областей*. Для заимствованных предлогов обнаруживается наложение графических и морфосинтаксических вариантов, например, *визави* чего? – *визави* что? – *визави* чему? – *визави* к чему? – *визави* с чем? – *vis-a-vis* чего? – *vis-a-vis* что? – *vis-a-vis* чему? – *vis-a-vis* к чему? – *vis-a-vis* с чем?

Подчеркнем, что в узусе вполне закономерно представлены не все формально допустимые члены парадигмы, в то же время наличие нулей является одной из регулярных характеристик парадигмы. Кроме того, на наш взгляд, именно системное представление всех потенциально возможных вариантов не только демонстрирует структурный потенциал языка, но и служит целям автоматической обработки текстов.

Заключение

В настоящее время русистика не может однозначно категоризовать растущее количество единиц, употребляющихся в функции предлога, так как каждая из них находится на различных стадиях процесса грамматикализа-

ции. В связи с этим представляется целесообразным использование термина «функционально-грамматическое поле предлога» как понятия, позволяющего изучать не только собственно предлоги, но и все виды «переходных» предложных единиц. Системное описание данного поля возможно в рамках «объективной грамматики» (в терминологии А.М. Пешковского), в которой учитывается реальное функционирование языковых единиц.

Анализ реестра русских предложных единиц показывает, что функционально-грамматическое поле предлога пронизано сетью системных связей. Кроме синонимических, антонимических, конверсных парадигм, для предложных единиц характерны графическая, морфонологическая, словообразовательная, морфосинтаксическая и семантическая парадигмы. Морфонологическая и морфосинтаксическая парадигмы обладают сложной устройственностью: они характеризуются наличием целого ряда подтипов. Естественно, в реальном употреблении все названные и охарактеризованные в статье парадигмы пересекаются, а их члены контаминируются.

Описание различных парадигматических отношений в рамках функционально-грамматического поля предлога дает возможность, с одной стороны, системно исчислить все реально зафиксированные в настоящее время речевые употребления предложных единиц и прогнозировать существование их потенциально возможных вариантов. С другой стороны, сеть парадигматических отношений предложных единиц (вместе с синтагматическими, семантическими, дискурсивными характеристиками) формирует собственно **грамматику** предлога. Создание подобной грамматики, включающей описание всех аспектов системы и функционирования предложных единиц, актуально как для теоретической, так и для прикладной лингвистики: можно без преувеличения утверждать, что оно способно радикально изменить традиционные представления о предлоге как части речи.

Список литературы

- Апресян Ю.Д. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. Лексическая семантика. М. : Языки русской культуры, 1995. 472 с.
- Богданов С.И., Рыжова Ю.В. Русская служебная лексика. Сводные таблицы. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. 168 с.
- Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М. : Высшая школа, 1972. 715 с.
- Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке : от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25–50.
- Виноградова Е.Н. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 56–74.
- Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб. : Издание книгопродавца Д.Ф. Федорова, 1874. 408 с.
- Всеволодова М.В. Грамматические аспекты русских предложных единиц : типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 3–26.
- Всеволодова М.В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2011. № 3. С. 103–135.

- Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // *Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология*. 2003. № 3. С. 17–59.
- Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления : введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М. : URSS, 2014. Кн. 1. 304 с.
- Греч Н.И.* Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Т. I. СПб. : Тип. Н. Греча, 1830. 408 с.
- Еськова Н.А.* Первообразные и непервообразные предлоги. Формальный аспект // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика* / под ред. Т.М. Николаевой. М. : Индрик, 1996. С. 458–464.
- Инькова О.* Коннекторы русского языка с формантом при : корпусное исследование // *Russian Linguistics*. 2018. № 42 (2). С. 159–190. <https://doi.org/10.1007/s11185-018-9195-7>
- Иткин И.Б.* Русская морфология. М. : Гнозис, 2007. 271 с.
- Коптев М.В., Стеклова Т.И.* Исключение как правило : переходные единицы в грамматике и словаре. М. : Языки славянских культур, 2016. 168 с.
- Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 7. Труды по филологии 1739–1757. Российская грамматика. М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 995 с.
- Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. 3. Части речи и лексико-грамматические классы / под ред. В.А. Плунгяна, Н.М. Стойновой. СПб. : Нестор-История, 2018. 472 с.
- Мустайоки А., Коптев М.* К вопросу о статусе эквивалентов слова типа *потому что*, *в зависимости от*, *к сожалению* // *Вопросы языкознания*. 2004. № 3. С. 88–107.
- Русская грамматика : в 2 т. Т. 1 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. 783 с.
- Черкасова Е.Т.* Переход полнозначных слов в предлоги. М. : Наука, 1967. 280 с.
- Шиганова Г.А.* Релятивные фразеологизмы русского языка. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. 306 с.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. М. : URSS, 2007. 432 с.
- Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor M.C.* Regularity and idiomaticity in grammatical constructions : the case of *let alone* // *Language*. 1988. Vol. 64. No 3. Pp. 501–538.
- Goldberg A.E.* Constructions : a construction grammar approach to argument structure. Chicago : University of Chicago Press, 1995. 271 p.
- Heine B., Kuteva T.* World lexicon of grammaticalization. Cambridge : Cambridge University Press, 2002.
- Hoffmann T., Trousdale G.* The Oxford handbook of construction grammar. Oxford : Oxford University Press, 2013. 610 p. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195396683.001.0001>
- Hopper P., Traugott E.* Grammaticalization. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 276 p.
- Lehmann C.* Thoughts on grammaticalization : a programmatic sketch. Erfurt : Seminar für Sprachwissenschaft der Universität, 2002. 183 p. URL : <http://www.christianlehmann.eu/publ/ASSidUE09.pdf> (accessed: 15.10.2021).
- Linzen T., Kasyanenko S., Gouskova M.* Lexical and phonological variation in Russian prepositions // *Phonology*. 2013. № 30 (3). Pp. 453–515. <https://doi.org/10.1017/S0952675713000225>
- Steriopolo O.* Jer vowels in Russian prepositions // *Formal approaches to Slavic linguistics : the Toronto Meeting 2006* / ed. by R. Compton, M. Golezdzinowska, Ul. Savchenko. Ann Arbor : Michigan Slavic Publications, 2007. Pp. 365–385.
- Timberlake A.* A reference grammar of Russian. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 503 p.
- Traugott E., Heine B.* Approaches to grammaticalization. Vol. 1. Theoretical and methodological issues. Amsterdam : John Benjamins, 1991. 556 p.

- Yadroff M. Formal properties of functional categories : the minimalist syntax of Russian nominal and prepositional expressions : PhD Dissertation. Bloomington, Indiana, 1999. 187 p.
- Yadroff M., Franks S. The origins of prepositions // Current Issues in Formal Slavic Linguistics / ed. by G. Zybatow, U. Junghanns, G. Mehlhorn, L. Szucsich. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2001. Pp. 69–79.
- Zakharov V., Azarova I. Semantic structure of Russian prepositional constructions // Lecture Notes in Computer Science. 2019. Vol. 11697. Pp. 224–235. https://doi.org/10.1007/978-3-030-27947-9_19
- Zakharov V., Mikhailova V. A construction grammar approach to Russian prepositions // SGEM Social sciences and Arts Conference. 2017. Vol. 17. Book 2. Pp. 503–510. <https://doi.org/10.5593/sgemsocial2017/32/S14.064>

Сведения об авторах:

Виноградова Екатерина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. *Сфера научных интересов*: теория и методика преподавания русского языка как иностранного, функционально-коммуникативное описание русского языка, грамматика предлога, грамматика конструкций, теория грамматикализации. Автор 140 научных публикаций. ORCID: 0000-0001-7020-9289. E-mail: ekaterinavin@mail.ru

Клобукова Любовь Павловна, доктор педагогических наук, член-корреспондент Российской академии образования, профессор, почетный профессор Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. *Сфера научных интересов*: теория и методика преподавания русского языка как иностранного, профессионально ориентированное обучение русскому языку иностранных учащихся нефилологического профиля, исследование учебной, научной и собственной профессиональной сфер деятельности, изучение специфики научного стиля, гуманитарного подстиля, языков гуманитарных специальностей, языка делового общения, теория лингводидактического тестирования. Автор 540 научных публикаций. ORCID: 0000-0003-3234-1873. E-mail: klobukov@list.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-84-100

Research article

The grammar of Russian preposition: theoretical aspects

Ekaterina N. Vinogradova , Lyibov P. Klobukova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

 ekaterinavin@mail.ru

Abstract. At present, linguists do not have sufficient tools to strictly determine whether specific prepositional units belong to prepositions as a part of speech, so it seems relevant to consider the functional-grammatical field of prepositions, which includes both prepositions themselves and units that can function as prepositions. The aim of this article is to identify, classify and describe systemic paradigmatic relations within the functional-grammatical field

of prepositions. The study was conducted on the material of a registry of 3,000 prepositional units, which were collected through a continuous sampling from dictionaries and specialized works, as well as by identifying all possible variants of prepositions on the Internet and the National Corpus of the Russian language. The paradigmatic relations of the units that already have lexicographic attribution were analyzed. As a result, the graphical, morphological and word-formation paradigms of prepositional units were identified, and their morpho-syntactic and semantic paradigmatic relations were detailed. The graphical paradigm is a series of variants of different types: alphabetic, written together or separately and uncodified. The morphological paradigm includes vocalized, accented, incomplete-vowel versions, truncated, softened, differentiated by accent and inflective variants. Within the word-formation paradigm the most productive roots of prepositional units are identified. For the morpho-syntactic paradigm, the possible structural subtypes were identified: thus, the form of the prepositional noun and the form of the introduced actant were relevant. In addition, the regularities of paradigm formation were revealed for prepositional units expressing different types of semantic relations. For the semantic paradigm, the dependence of a particular paradigm subtype on the type of semantic relations expressed by the prepositional units has been revealed. Considering the functional and grammatical field of the preposition as a set organized by regular relations of different types, we can identify the grammar of the preposition. Understanding the systemic relations between prepositional units opens the way to predicting systematically possible linguistic units within the field in question.

Keywords: Russian preposition, grammar, paradigm, variant, modification, objective grammar, functional-grammatical field of prepositions, system

Article history: received: 10.08.2021; accepted: 01.11.2021.

For citation: Vinogradova, E.N., & Klobukova, L.P. (2022). The grammar of Russian preposition: Theoretical aspects. *Russian Language Studies*, 20(1), 84–100. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-84-100>

References

- Apresyan, Yu.D. (1995). *Selected works: in 2 vol. Vol. 1. Lexical semantics*. Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ. (In Russ.)
- Bogdanov, S.I., & Ryzhova, Yu.V. (1997). *Russian auxiliary words. Synoptic tables*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ. (In Russ.)
- Cherkasova, E.T. (1967). *Transformation of autonomous words to prepositions*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Eskova, N.A. (1996). Primary and derivative prepositions. Formal aspect. In T.M. Nikolaeva (Ed.), *Russian, Slavic and Indo-European studies* (pp. 458–464). Moscow: Indrik Publ. (In Russ.)
- Fillmore, Ch.J., Kay, P., & O'Connor, M.C. (1988). Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone. *Language*, 64(3), 501–538.
- Goldberg, A.E. (1995). *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: University of Chicago Press.
- Grech, N.I. (1830). *Extensive Russian grammar, edited by Nikolay Grech*. Saint Petersburg: Tipografiya N. Grecha Publ. (In Russ.)
- Heine, B., & Kuteva, T. (2002). *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hoffmann, T., & Trousdale, G. (Eds.). (2013). *The Oxford handbook of construction grammar*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195396683.001.0001>
- Hopper, P., & Traugott, E. (2003). *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Inkova, O. (2018). Connectors in Russian with the element *pri*: A corpus-based study. *Russian Linguistics*, 42(2), 159–190. <https://doi.org/10.1007/s11185-018-9195-7>

- Itkin, I. B. (2007). *Russian morphology*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)
- Kopotev, M.V., & Steksova, T.I. (2016). *Exception as a rule: Transition units in grammar and dictionary*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ. (In Russ.)
- Lehmann, C. (2002). *Thoughts on grammaticalization: A programmatic sketch*. Erfurt: Seminar für Sprachwissenschaft der Universität. Retrieved October 15, 2021, from <http://www.christianlehmann.eu/publ/ASSidUE09.pdf>
- Linzen, T., Kasyanenko, S., & Gouskova, M. (2013). Lexical and phonological variation in Russian prepositions. *Phonology*, 30(3), 453–515. <https://doi.org/10.1017/S0952675713000225>
- Lomonosov, M.V. (1952). *The Russian grammar. Complete works. Vol. 7. Studies in philology 1739–1757*. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ. (In Russ.)
- Mustajoki, A., & Kopotev, M. (2004). On the status of word-equivalents of the type *potomu chto, v zavisimosti ot, k sozhaleniyu*. *Topics in the Study of Language*, (3), 88–107. (In Russ.)
- Plungian, V.A., & Stoinova, N.M. (Eds.). (2018). *Materials for Russian corpus grammar. Issue 3. Part of speech and lexical-grammatical classes*. Saint Peterburg: Nestor-Istoria Publ. (In Russ.)
- Shcherba, L.V. (2007). *Language system and speech activity*. Moscow: URSS Publ. (In Russ.)
- Shiganova, G.A. (2003). *Russian relative collocations*. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. ped. un-ta Publ. (In Russ.)
- Shvedova, N.Yu. (Ed.). (1980). *Russian grammar* (vol. 1). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Steriopolo, O. (2007). Jer vowels in Russian prepositions. In R. Compton, M. Goledzinowska, & Ul. Savchenko (Eds.), *Formal Approaches to Slavic Linguistics: the Toronto Meeting 2006*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications.
- Timberlake, A. (2004). *A reference grammar of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Traugott, E., & Heine, B. (Eds.). (1991). *Approaches to grammaticalization. Vol. 1. Theoretical and methodological issues*. Amsterdam: John Benjamins.
- Vinogradov, V.V. (1972). *The Russian language (a grammatic theory of the word)*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. (In Russ.)
- Vinogradova, E.N. (2016). Grammaticalization in Russian: From noun to preposition (a case study of body part names). *Topics in the Study of Language*, (1), 25–50. (In Russ.)
- Vinogradova, E.N. (2017). Prepositions in modern Russian: Lexicography and grammatical description. *Topics in the Study of Language*, (5), 56–74. (In Russ.)
- Vostokov, A.H. (1874). *Russian grammar by Alexander Vostokov*. Saint Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa D.F. Fedorova Publ. (In Russ.)
- Vsevolodova, M.V. (2010). Some grammar aspects of Russian prepositional units: Typology, structure, syntagmatic and syntactic modifications. *Topics in the Study of Language*, (4), 3–26. (In Russ.)
- Vsevolodova, M.V. (2011). Towards operational methods of prepositional units categorization. *Moscow University Philology Bulletin*, (3), 103–135. (In Russ.)
- Vsevolodova, M.V., Klobukov, E.V., Kukushkina, O.V., & Polikarpov, A.A. (2003). Towards the bases of functional-communicative grammar of Russian preposition. *Moscow University Philology Bulletin*, (3), 17–59. (In Russ.)
- Vsevolodova, M.V., Kukushkina, O.V., & Polikarpov, A.A. (2014). *Russian prepositions and means of prepositional type. Materials for functional-grammatical description of real usage. Introduction to objective grammar and lexicography of Russian prepositional units* (book 1). Moscow: URSS Publ. (In Russ.)
- Yadroff, M. (1999). *Formal properties of functional categories: The minimalist syntax of Russian nominal and prepositional expressions* (PhD Dissertation, Bloomington, Indiana).
- Yadroff, M., & Franks, S. (2001). The origins of prepositions. In G. Zybatow, U. Junghanns, G. Mehlhorn, & L. Szucsich (Eds.), *Formal Slavic Linguistics* (pp. 69–79). Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Zakharov, V., & Azarova, I. (2019). Semantic structure of Russian prepositional constructions. *Lecture Notes in Computer Science*, 11697, 224–235. https://doi.org/10.1007/978-3-030-27947-9_19

Zakharov, V., & Mikhailova, V. (2017). A construction grammar approach to Russian prepositions. *SGEM Social Sciences and Arts Conference*, 17(2), 503–510. <https://doi.org/10.5593/sgemsocial2017/32/S14.064>

Bio notes:

Ekaterina N. Vinogradova, PhD in Linguistics, Assistant Professor, the Department of Russian for Foreign Students in the Humanities, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia. The author of 140 scientific publications. *Research interests*: theory and methods of teaching Russian as a foreign language, functional-communicative description of the Russian language, grammar of preposition, construction grammar, theory of grammaticalization. ORCID: 0000-0001-7020-9289. E-mail: ekaterinavin@mail.ru

Lyubov P. Klobukova, Doctor of Pedagogy, corresponding member of the Russian Academy of Education, Professor, Honorary Professor of Pushkin State Russian Language Institute, Head of the Department of Russian for Foreign Students in the Humanities, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia. *Research interests*: theory and methods of teaching Russian as a foreign language, professionally-oriented teaching of the Russian language to foreign students of non-philological profile, studies in educational, scientific and professional fields of activity, scientific style studies, languages of humanities, language of business communication, theory of linguo-didactic testing. The author of 540 scientific publications. ORCID: 0000-0003-3234-1873. E-mail: klobukov@list.ru

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО, ИНОСТРАННОГО
METHODS OF TEACHING RUSSIAN
AS A NATIVE, NON-NATIVE, FOREIGN LANGUAGE

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-101-114

Научная статья

**Орфографическая грамотность
русскоязычных школьников Латвии**

М.А. Гаврилина

Латвийский университет, Рига, Латвия

✉ margarita.gavrilina@lu.lv

Аннотация. Исследование посвящено одной из важнейших проблем речевого развития русскоязычных школьников диаспоры (4, 6, 9-й классы) – орфографической грамотности и призвано внести вклад в ее разработку. Актуальность проблемы обусловлена тем, что качество русской письменной речи, в том числе орфографические знания и умения учеников-билингвов, проживающих за пределами России, до сих пор недостаточно изучены. Цель исследования – охарактеризовать орфографическую грамотность латвийских русскоязычных учащихся в 2015–2021 годах. Материалом послужили письменные работы 11 938 учеников, разработанные автором статьи и специалистами Министерства образования и науки Латвии. Были использованы сравнительный и статистический методы исследования, а также фокус-групповая дискуссия. Результаты исследования показали, что: 1) уровень орфографической грамотности латвийских русскоязычных билингвов из года в год остается низким; 2) в речи учеников всех возрастов констатированы одни и те же типичные орфографические ошибки, однако частотность данных ошибок зависит от того, по какой билингвальной модели учатся школьники; 3) ученики испытывают трудности в орфографической аргументации; 4) главные причины нарушения орфографических норм русского языка – низкая мотивация школьников к развитию грамотной письменной речи, межъязыковая интерференция, отсутствие достаточного учебного времени для изучения орфографического материала русского языка в школе; 5) в ценностной парадигме учеников грамотность в русском языке является менее важной, чем в английском и латышском языках. Согласно новой реформе образования Латвии (Skola2030) количество уроков русского языка в школах национальных меньшинств существенно уменьшается, поэтому в ближайшие годы можно прогнозировать еще большее снижение уровня орфографической грамотности школьников. В связи с этим понимание объективных орфографических трудностей, с которыми сталкиваются ученики-билингвы, открывает перспективы для поиска эффективных орфографических стратегий в процессе обучения школьников родному языку в меняющихся условиях.

Ключевые слова: русскоязычный ученик, ученик диаспоры, письменная речь, орфографическая грамотность, орфографический навык, орфографическая ошибка, грамматическая аргументация, причины ошибок, билингв, билингвальное образование, речевая среда

© Гаврилина М.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: поступила в редакцию 05.09.2021; принята к печати 28.11.2021.

Для цитирования: *Гаврилина М.А.* Орфографическая грамотность русскоязычных школьников Латвии // *Русистика*. 2022. Т. 20. № 1. С. 101–114. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-101-114>

Введение

Развитие орфографической грамотности школьников было и остается одной из актуальных и обсуждаемых проблем в методике изучения языков в школьном образовании. Особую значимость она имеет в методике обучения языкам со сложной орфографической системой, к которым относится и русский язык.

Рассуждая о необходимости развития орфографического навыка, который наряду с чтением относят к академическим навыкам (Zarić et al., 2020), ученые справедливо указывают на то, что орфографическая грамотность школьников – неотъемлемая часть их общей языковой культуры, важное условие школьной, а также – жизненной карьеры (Разумовская, 2005: 3; Valtin, 2017). Умение орфографически грамотно оформить мысль напрямую связано с успешной письменной коммуникацией (Graham, Santangelo, 2014), развитием умений чтения (Snow et al., 2005). Важную роль орфографические умения играют в формировании языкового мышления учеников, поскольку в основе орфографического навыка лежат интеллектуальные действия. На формирование орфографических умений школьника прямо влияет уровень его интеллекта (Малявина, 2009; Ennemoser et al., 2012), однако важную роль в процессе орфографического оформления слов исследователи отводят и имплицитному знанию (Steffler, 2001; Critten et al., 2007). В то же время подчеркивается, что развитие орфографических навыков – длительный процесс (Graham, Santangelo, 2014; Буковцова, 2016), когнитивный по своей сути (Treiman, Bourassa, 2000), требующий от школьников фонологических, морфемных и морфологических знаний (Boulware-Gooden et al., 2015).

В российской науке достаточно глубоко охарактеризованы природа орфографического навыка, пути и проблемы его формирования у школьников, изучающих русский язык в метрополии (см., например: Жуйков, 1965; Богоявленский, 1966; Алгазина, 1987; Львова, 2001; Разумовская, 2005). Однако до сих пор мало исследований, посвященных состоянию орфографической грамотности и дидактическим возможностям ее формирования у русскоязычных билингов, проживающих вне России (в диаспорах) (см., например: Корнеев, 2015; Гаврилина, 2018). Вместе с тем эта проблема особенно актуальна в диаспоре, поскольку развитие речевых умений учеников (в том числе – орфографических) в двуязычной образовательной среде имеет свои особенности, орфографические ошибки, которые допускают билингвы, вызваны не только внутриязыковыми, но межъязыковыми причинами, количество учебного времени на изучение орфографического материала существенно меньше, чем в метрополии. Поиск эффективных дидактических путей развития орфографической грамотности школьников в такой ситуации во многом зависит от эффективного научного анализа орфографии учеников. Наша задача состоит в том, чтобы внести вклад в изучение данной проблемы.

Цель исследования – охарактеризовать орфографическую грамотность русскоязычных школьников Латвии, типичные орфографические ошибки, их причины и отношение учеников к грамотности собственной письменной речи.

Методы и материалы

Исследование проводилось в 2015–2021 годах. Были проанализированы письменные работы 11 938 учеников 4, 6 и 9-х классов. Выбор школьников этих возрастов объяснялся тем, что нам важно было оценить орфографические знания и умения ребят по окончании начальной школы (4-й класс), на среднем этапе основной школы, когда большая часть орфографического материала изучена (6-й класс), и по окончании основной школы (9-й класс).

Письменные работы для четвероклассников составлялись нами и включали: а) шесть орфографических заданий, выполняя которые, школьники демонстрировали знания и умения в орфографии (в том числе аргументационные); б) задание, предлагающее написать сочинение на конкретную тему (80–120 слов). Для шестиклассников и девятиклассников письменные работы по русскому языку разрабатывались специалистами Министерства образования и науки Латвии: а) комбинированная диагностическая работа (6-й класс); б) экзаменационная работа (9-й класс). На протяжении 10 лет в конце каждого учебного года эти работы выполняли все шестиклассники и девятиклассники Латвии. Традиционно они состояли из четырех частей, в каждой из которых проверялись те или иные речевые умения учеников: слушание, чтение, грамматика, письмо. Орфографические задания наряду с грамматическими и пунктуационными были включены в раздел «Грамматика», их цель – проверить сформированность у школьников орфографических понятий и умений, умение аргументировать выбор написания. В последней части диагностической и экзаменационной работ («Письмо») предлагалось написать сочинение объемом 250–300 слов для проверки умения создавать письменные тексты и грамотности письменной речи.

При анализе письменных работ использовались следующие методы:

- статистический – для констатации частотных орфографических ошибок школьников каждой возрастной группы;
- сравнительный – для определения «рейтинга» ошибок на разных этапах изучения русского языка (4, 6, 9-й классы);
- анализ характера орфографических ошибок – для выявления причин нарушений орфографических норм;
- фокус-групповая дискуссия – для выяснения отношения школьников к орфографической грамотности их письменной речи (24 группы, в которых участвовало 660 учеников: 100 четвероклассников, 220 шестиклассников и 340 девятиклассников). В ходе дискуссий обсуждались следующие вопросы: а) роль грамотной письменной речи в становлении личности человека; б) отношение учеников к орфографической грамотности их речи; в) отношение к урокам и фрагментам уроков, в центре внимания которых – изучение орфографического материала.

В ходе исследования анализировались умения орфографической аргументации учеников для понимания того, насколько осознанно они овладели

орфографическим материалом, контролируют грамотность речевого поведения. Принималось во внимание и то, какая модель билингвального образования¹ реализуется в учебном процессе школы, влияет ли конкретная учебная ситуация на частотность и характер допускаемых ребятами орфографических ошибок.

Результаты

Уровень орфографической грамотности школьников в русском языке из года в год остается неудовлетворенным. По сравнению с другими языковыми умениями (например, грамматический анализ слов и предложений) именно по орфографии ученики демонстрируют самые низкие результаты. При этом орфографические ошибки школьники допускают реже в ситуации, когда предлагается решить конкретную орфографическую задачу в слове (вписать пропущенную букву), намного чаще – в собственных письменных текстах, то есть у большинства из них не сформирован осознанный орфографический навык в процессе освоения русского (родного) языка.

Трудным для учеников всех возрастов является написание: а) корней слов с безударными гласными (чередующимися, проверяемыми и непроверяемыми); б) частицы *не* (слитное и раздельное) с разными частями речи (в 4-м классе – *не* с глаголами); в) удвоенных согласных в корнях слов, суффиксах и на стыке морфем (в 4-м классе – в корнях); г) приставок, оканчивающихся на *з* и *с*; д) слов с мягким знаком (разные орфограммы). Ошибки на данные орфограммы нередко встречаются в текстах старшеклассников и студентов. Если сравнивать школьников, которые учатся по разным моделям билингвального образования (1–2-я и 3–4-я), то первые ошибаются намного чаще, чем вторые.

Первое место, независимо от класса, в котором учатся школьники, стабильно занимают орфограммы, которые связаны с написанием безударных гласных в корнях слов (проверяемые, непроверяемые и чередующиеся). Доля данных нарушений составляет примерно 38 % от общего количества допущенных ошибок. Чаще всего они встречаются в следующих случаях: а) если гласная корня оказывается в слабой позиции только при наличии приставки (в словах разных частей речи); б) если при проверке безударных гласных необходимо уметь ориентироваться в морфемной структуре слова; в) если значение слова, его орфографический облик незнакомы ученикам.

Достаточно низкие результаты школьники всех возрастов демонстрируют в области орфографической аргументации, которая является показателем сформированности осознанного восприятия орфографических законов языка, контролируемого речевого поведения. Делают правильный выбор орфографического написания (варианты выбора предлагаются) 58,5 % четвероклассников,

¹ С 2004 года школы национальных меньшинств Латвии реализуют учебный процесс в соответствии с одной из четырех моделей билингвального обучения, предложенных Министерством образования и науки. Различие заключается в доле участия латышского и русского языков в образовательном процессе. Согласно 1 и 2-й моделям начиная с первого класса большинство учебных предметов школьники изучают билингвально и/или на латышском языке; в соответствии с 3 и 4-й моделями в начальной школе обучение осуществляется в основном на русском языке, количество учебных предметов, изучаемых на латышском языке, увеличивается постепенно.

67 % шестиклассников, 66 % девятиклассников, но лишь 31 % четвероклассников, 40 % шестиклассников, 35 % девятиклассников могут его аргументировать. Для школьников всех возрастов характерно приведение лишних аргументов. Например, шестиклассник рассуждает так: «В суффиксе слова *докладчик* пишу букву *ч*, так как это существительное 2-го склонения, мужского рода, перед суффиксом буква *д*». Испытывают трудности, когда следует назвать (вспомнить) орфограмму, опираясь на предложенные аргументы, и выписать из текста слова с этой орфограммой, 56 % шестиклассников и 41 % девятиклассников. Именно в орфографической аргументации наблюдается самое большое различие между школьниками, обучающимися по разным билингвальным моделям. Так, не могут правильно привести аргументы 69 % четвероклассников, 56 % шестиклассников и 52 % девятиклассников, которые учатся по 1 и 2-й билингвальным моделям, в среднем 32 % – по 3 и 4-й моделям.

Анализ характера орфографических ошибок, которые допускают ученики, а также – их рассуждений в ходе фокус-групповых дискуссий позволили сформулировать основные причины нарушений орфографических норм:

– особенности ценностной парадигмы учеников: во время фокус-групповых дискуссий большинство школьников высказали мысль, что для них важнее быть грамотными в латышском и английском языках, так как русский язык они и так знают, в результате – низкая интеллектуальная активность к правильному орфографическому оформлению русской речи;

– межъязыковая интерференция, то есть влияние орфографических норм латышского языка на русское речевое поведение ребят в ситуации частичного сходства или контраста, которая поддерживается тем, что большинство учебных предметов русскоязычный школьник осваивает на латышском языке или билингвально, а количество уроков латышского языка с самого начала школьного обучения значительно превышает количество уроков русского языка;

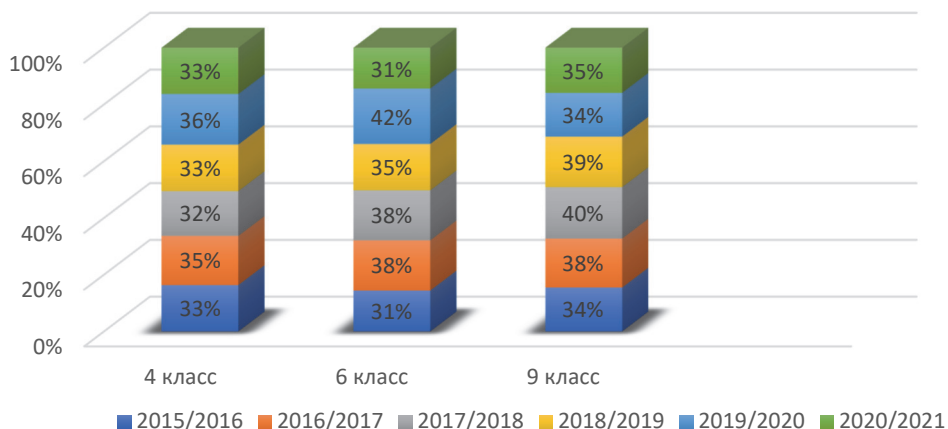
– отсутствие достаточного учебного времени для того, чтобы орфографические умения школьников в русском языке приобрели характер осознанных умений, недостаточное использование многими учителями-русистами современных методов и приемов, которые могли бы мотивировать учеников к активной познавательной деятельности при освоении орфографии, отсутствие практики сотрудничества учителей-русистов с учителями латышского языка.

Обсуждение

Орфографическая грамотность – индикатор не только уровня владения языком, но и приобщения человека к общечеловеческим ценностям, одной из которых, несомненно, является грамотная речь. Грамотность школьников Латвии – серьезная проблемная зона, которую в ряде случаев можно трактовать как дизорфографию (то есть стойкое нарушение орфографического навыка у ребят с сохранным интеллектом и устной речью).

Орфографические ошибки школьников

Анализ письменных работ учеников 4, 6 и 9-х классов позволяет заключить, что из года в год уровень их орфографической грамотности остается достаточно низким (рис. 1).

Рис. 1. Количество учеников, допустивших 5 и менее орфографических ошибок в письменных заданиях и текстах

В среднем только 34 % четвероклассников, 36 % шестиклассников, 37 % девятиклассников допускают пять и менее орфографических ошибок в собственных текстах. Характер орфографических ошибок школьников этих возрастов имеет сходства и различия (последнее объясняется увеличением изучаемого орфографического материала от класса к классу). Однако чаще всего все ученики допускают ошибки при написании а) корней слов с безударными гласными (чередующимися, проверяемыми и непроверяемыми); б) частицы *не* (слитное и раздельное) с разными частями речи (в 4-м классе – *не* с глаголами); в) удвоенных согласных в корнях слов, суффиксах и на стыке морфем (в 4-м классе – в корнях); г) приставок, оканчивающихся на *з* и *с*; д) слов с мягким знаком (разные орфограммы).

Написание гласных корня – самая серьезная проблема (она сохраняется у школьников всех возрастов). Однако четвероклассники, в отличие от шестиклассников и девятиклассников, нередко ошибаются даже в тех словах, где гласная находится в сильной позиции (например: *кождый* (год), *понровилось* и т. п.), при этом наблюдается тенденция к выбору в пользу буквы *о*. Шестиклассники и девятиклассники таких ошибок не допускают, но часто неправильно пишут корни с чередующимися гласными, с буквами *о*, *е* после шипящих. При этом частотность этих ошибок на 57 % выше у школьников, которые учатся по 1-й билингвальной модели, на 36 % – по 2-й модели (чем у тех, кто обучается по 3 и 4-й моделям).

«Зоной риска» для четвероклассников оказываются те случаи, когда частица *не* сочетается с «короткими» глаголами (например: *небуду*, *неумею*, *нехочу*, *незнаю* и т. п.). Если после такого глагола следует частица *бы*, то школьники оформляют написание в одно слово (например: *немогбы*, *небылабы* и т. п.). Особенно часто письмо по слуху мы констатируем в текстах учеников, которые учатся по 1 и 2-й билингвальным моделям. Шестиклассники и девятиклассники реже ошибаются в написании *не* с глаголами, их «зона риска» – правописание частицы *не* с местоимениями, прилагательными, причастиями и деепричастиями, кроме того, они затрудняются в выборе между частицами *не* и *ни*.

У 56 % четвероклассников встречается «лишний» мягкий знак между согласной и гласной *ю* при правильном произношении слов (например: *верблюд*, *коньюшня*), а также – написания: *купаца*, *катаца*, *собираца* (обычно у тех, кто учится по 1 и 2-й билингвальным моделям). Шестиклассники (42 %) и девятиклассники (38 %) допускают ошибки в глаголах (пропуск мягкого знака или лишний мягкий знак), в кратких прилагательных (м. р.) и наречиях.

Записывая слова с префиксами, оканчивающимися на *з* и *с*, 46 % четвероклассников, 39 % шестиклассников, 35 % девятиклассников отдают предпочтение букве *з* (напр.: *бесплатный*, *изпечь*). Оформляя на письме слова с орфограммой «Удвоенные согласные в корне слова», 62 % учеников всех возрастов обычно пишут одну букву на месте удвоенных согласных (например: *акордеон*, *коллекция*, *принцеса*, *професор* и др.). У шестиклассников (49 %) и девятиклассников (34 %) это же наблюдается и при написании удвоенных согласных в суффиксах и на стыке морфем.

Орфографическая аргументация школьников

Орфографическую аргументацию можно рассматривать в контексте более широкого понятия – языковая способность школьника, то есть умение со стороны ученика оперировать языковыми понятиями, законами языка (мыслить в языковом плане). Именно поэтому способность аргументированно решать орфографические задачи в словах – показатель сформированности у ученика осознанного восприятия орфографической системы языка, контролируемого речевого поведения.

В ходе исследования умения орфографической аргументации школьников проверялись с помощью разных заданий: а) предлагалось отметить правильное орфографическое написание, затем – привести аргументы; б) присоединиться к мнению одного из участников диалога (текст-диалог), аргументировать правильность своего выбора; в) проанализировать предложенные аргументы, найти верные, неверные, лишние; г) сравнить два «схожих» орфографических написания, решить – одинаково или по-разному они оформляются на письме, аргументировать свою позицию; д) проанализировать предложенные аргументы и найти в тексте слова с соответствующей орфограммой.

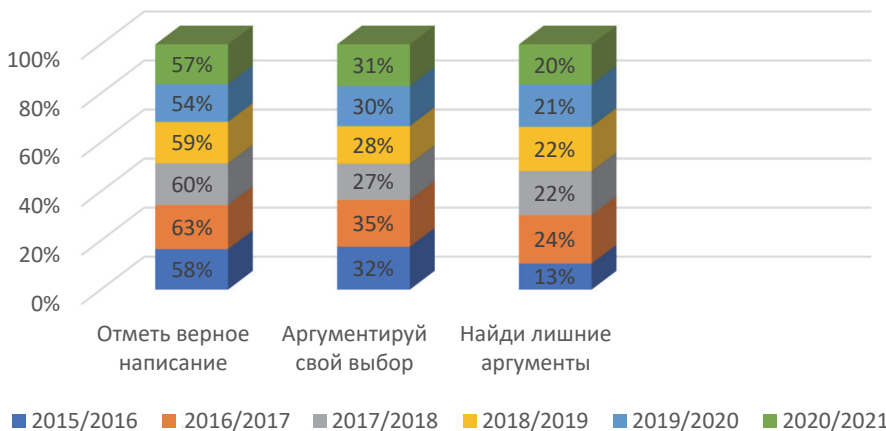
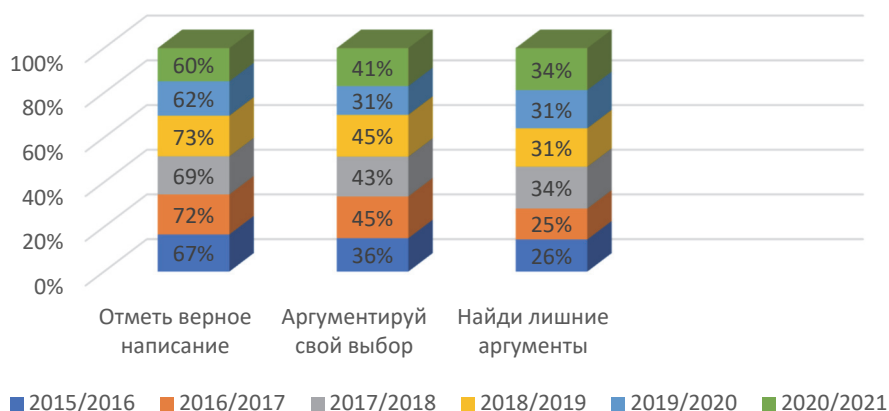
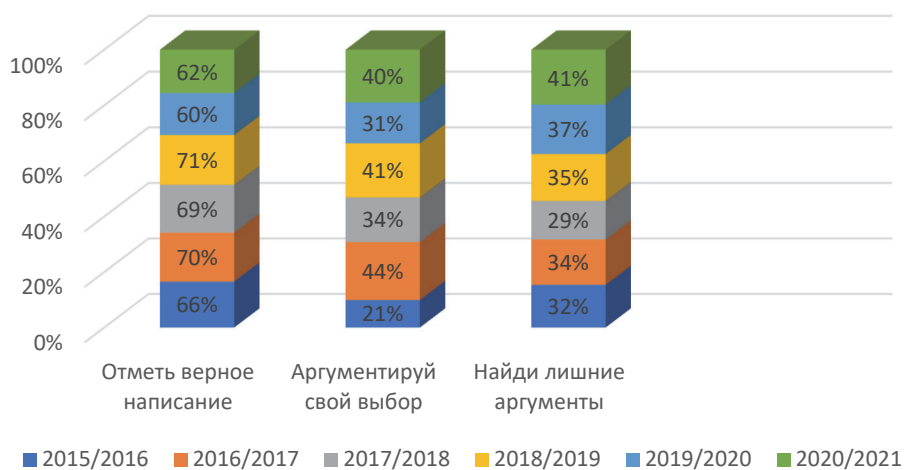

Рис. 2. Количество четвероклассников, правильно выполнивших орфографические задания

Рис. 3. Количество шестиклассников, правильно выполнивших орфографические задания

Рис. 4. Количество девятиклассников, правильно выполнивших орфографические задания

Из приведенных диаграмм видно, что школьники всех возрастов легче справляются с теми орфографическими заданиями, в которых предлагается выбрать правильное орфографическое написание из предложенных (рис. 2–4). В том случае, когда следует аргументировать свой выбор, найти несущественные (лишние) аргументы, ситуация меняется в худшую сторону.

Приведем пример аргументации шестиклассника: «Слово *Греция* пишется с заглавной буквы, а *греческий* – со строчной, так как: а) корень остался тот же самый; б) прилагательное – исключение; в) оно означает народ или какой-то предмет; г) это национальность человека; д) это не первое слово в предложении.

В основе орфографической аргументации – глубокое, объективное знание и понимание учеником не только орфографических правил, но и грамматических (морфологических) законов языка. На то, что морфологическая осведомленность способствует развитию грамотности, указывают многие ученые (см., например: Lam et al., 2012; Sparks et al., 2008; Saiegh-Haddad, Таһа,

2017). Однако мы констатируем, что именно морфология – слабое звено в языковом сознании школьников. Так, лишь у 17 % четвероклассников, 23 % шестиклассников и 31 % девятиклассников отмечается достаточно высокий уровень сформированности морфологических понятий (об этом свидетельствуют результаты выполнения морфологических заданий, включенных в диагностические и экзаменационные работы). Иначе говоря, школьники не обладают в полной мере теми морфологическими знаниями, которые необходимы в качестве аргументов при доказательстве правильности орфографического написания.

Анализ причин орфографических ошибок

Можно назвать несколько причин, повлиявших на уровень сформированности орфографических знаний и умений школьников.

Первая – отношение учеников к грамотности письменной речи. Анализ результатов фокус-групповых дискуссий позволил проанализировать и обобщить мнения ребят по обсуждаемым вопросам (рис. 5).

Рис. 5. Количество школьников, высказавших согласие с обсуждаемыми вопросами в ходе фокус-групповых дискуссий

Как видно из диаграммы, для большинства школьников всех возрастов грамотная письменная речь не является показателем общей культуры человека (особенно значимо мнение шестиклассников и девятиклассников, так как именно в этом возрасте данная проблема чаще оказывается предметом обсуждения). Большинство уверены в том, что важнее быть грамотными в латышском и английском языках, но не в русском (суждения ребят: «русский язык мы и так знаем», «русский язык в будущем мало пригодится, поэтому главное – уметь на нем говорить, но не писать»). Лишь пятая часть школьников положительно относится к урокам, на которых изучается орфографический материал (многие говорили о том, что на этих уроках «скучно, трудно и неинте-

ресно»). Все это, к сожалению, свидетельствует о достаточно низком уровне мотивации наших учеников к овладению грамотной письменной речью на русском (родном) языке. Однако именно мотивация является важнейшим условием развития грамотной речи, поскольку она побуждает ученика целенаправленно учиться и самосовершенствоваться (Ryan, Deci, 2000).

Вторая причина – «скрещивание» в сознании школьников норм орфографии русского и латышского языков, приводящее к ошибкам в обоих языках. Исследования ученых, в центре внимания которых – освоение учениками-билингвами орфографии двух языков, показывают, что двуязычные по сравнению с монолингвами в большей степени опираются на фонологические стратегии, в меньшей – следуют нормам орфографии первого (родного) языка, кроме того, часто применяют («переносят») орфографические нормы, принятые во втором языке, при орфографическом оформлении слов в родном языке (Guimaraes, Parkins, 2019). В одних случаях можно говорить о положительном переносе орфографических знаний и умений из одного языка в другой (не приводящем к ошибкам), в других – о негативном переносе (результат – орфографические ошибки) (Raynolds, Uhry, 2010; Bialystok, 2017). В нашей ситуации чаще наблюдается второй вариант, так как многие орфографические нормы латышского и русского языков частично сходны или контрастны. Так, в графической системе латышского языка отсутствует буква мягкий знак (как и твердый знак), а мягкие согласные графемы имеют специальный диакритический знак. Для ученика-билингва, который изучает русский язык параллельно с латышским или после того, как познакомился с алфавитом латышского языка (в детском саду), мягкий знак оказывается достаточно сложной графемой, его функции осваиваются с трудом. Написание *не* с глаголами в русском и латышском языках – контрастная норма (ср.: *не думаю* – *nedomāju*). В заимствованных словах на месте удвоенных согласных в латышском языке в большинстве случаев пишется одна буква (ср.: *коллекция* – *kolekcija*). Русским префиксам *без-* и *бес-* соответствует латышский *bez-* (ср.: *бездомный, бесплатный* – *bezpajumnieks, bezmaksas*).

Школьники всех возрастов, которые учатся в классах и школах, где латышский язык (как язык обучения) доминирует, сталкиваясь с одинаковыми орфограммами в двух языках (например, написание *не* с глаголами), но имеющими разное орфографическое решение, обычно отдают предпочтение норме, принятой во втором языке, в результате чего появляются орфографические ошибки (межъязыковая интерференция). Особенно часто это имеет место при частичном сходстве (например, при написании приставок, оканчивающихся на *з* и *с*), реже в том случае, когда орфографические нормы двух языков контрастны. Подобная ситуация достаточно глубоко описана в научных исследованиях, посвященных разным вариантам билингвизма (см., например: Mishra, Singh, 2014; Raynolds, Uhry, 2010; Sparks et al., 2008).

Третья причина – особенности образовательной среды, в которой школьник изучает родной язык. Как говорилось ранее, большинство учебных предметов наши ученики осваивают билингвально или на латышском языке, при этом количество уроков латышского языка с самого начала школьного обучения значительно превышает количество уроков русского языка. Латвий-

ская образовательная реформа 2018 года (Skola2030) существенно уменьшила количество уроков русского языка: 3 урока в неделю в 1–9-м классах, в 10–12-м классах учебный предмет «Язык и литература национальных меньшинств» является специализированным курсом (72 часа) и предлагается как предмет по выбору. Кроме того, использование русского языка в общественном и культурном пространствах Латвии последовательно сужается, русский язык остается языком семьи и ближайшего окружения. Эта ситуация вызывает опасения, так как она может привести если не к отсеву/исчезновению русского языка, то к его «истощению» в сознании и речевом опыте наших школьников (Yilmaz, Schmid, 2018).

При таком незначительном количестве учебных часов, невысоком развивающем потенциале русской языковой среды Латвии («обучающая стихия языка»), достаточно низкой мотивации ребят к изучению орфографии родного языка сложно сформировать у ученика систему орфографических действий, которая лежит в основе орфографического навыка.

Заключение

Исследование орфографической грамотности русскоязычных школьников Латвии, которое проводилось в течение нескольких лет, позволило с разных сторон охарактеризовать уровень сформированности орфографических знаний и умений русскоязычных учеников-билингвов Латвии. Его результаты имеют важное значение для учителей-русистов, так как понимание характера и частотности нарушений школьниками орфографических норм русского языка, причин орфографических ошибок могут помочь учителям внести коррекцию в собственную педагогическую деятельность, найти эффективные дидактические стратегии для развития у учеников грамотности письменной речи. Наши предварительные исследования показывают, что учителя часто неверно оценивают проблемы в орфографических знаниях и умениях школьников, их причины, не всегда понимают, насколько языковые (в том числе – орфографические) нормы латышского языка влияют на грамотность школьников в русском языке, как дидактически правильно предупреждать и корректировать ошибки, вызванные межъязыковой интерференцией.

Кроме того, в соответствии с содержанием латвийской реформы школьного образования 2018 года, одна из целей которой – перевод школ национальных меньшинств на латышский язык обучения, количество уроков русского языка по сравнению с предыдущими десятилетиями существенно сокращается. В ситуации такого «сжатия» учебного пространства русского языка и на русском языке можно прогнозировать еще большее снижение уровня орфографической грамотности школьников, а значит – и необходимость поиска дидактических возможностей решения этой проблемы. В этой связи объективное представление о состоянии орфографической грамотности школьников на данный момент и в ближайшем будущем (перспектива исследования) чрезвычайно важно.

Список литературы

Алгазина Н.Н. Формирование орфографических навыков : пособие для учителя. М. : Просвещение, 1987. 159 с.

- Богоявленский Д.Н.* Психология усвоения орфографии. М. : Просвещение, 1966. 266 с.
- Буковцова Н.И.* Трудности формирования орфографических умений и навыков у учащихся средних классов общеобразовательной школы // Самарский научный вестник. 2016. № 3 (16). С. 148–154.
- Гаврилина М.А.* Изучение русского (родного, первого) языка в школах Латвии : монография. Рига : Mācību grāmata, 2018. 192 с.
- Жуйков С.Ф.* Формирование орфографических действий (у младших школьников). М. : Просвещение, 1965. 356 с.
- Корнеев А., Протасова Е.* Динамика совершенствования письма у финско-русских билингвов между 8 и 9 годами // *Slavica Helsingiensia*. 2014. № 45. С. 298–318.
- Львова С.И.* Орфография. Этимология на службе орфографии : пособие для учителя. М. : Русское слово, 2001. 108 с.
- Малявина Т.П.* Особенности структуры орфографического навыка // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 6. С. 237–241.
- Разумовская М.М.* Методика обучения орфографии в школе. М. : Дрофа, 2005. 187 с.
- Bialystok E.* The bilingual adaptation : How minds accommodate experience // *Psychological Bulletin*. 2017. Vol. 143. No 3. Pp. 233–262. <https://doi.org/10.1037/bul0000099>
- Boulware-Gooden R., Joshi R.M., Grigorenko E.* The role of phonology, morphology, and orthography in English and Russian spelling // *Dyslexia*. 2015. Vol 21 (2). Pp. 142–161. <https://doi.org/10.1002/dys.1498>
- Critten S., Pine K., Steffler D.* Spelling development in young children : A case of representational redesign? // *Journal of Educational Psychology*. 2007. Vol. 99. No 1. Pp. 207–220. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.99.1.207>
- Ennemoser M., Marx P., Weber J., Schneider W.* Spezifische Vorläuferfertigkeiten der Lesegeschwindigkeit, des Leseverständnisses und des Rechtschreibens // *Zeitschrift Für Entwicklungspsychologie und pädagogische Psychologie*. 2012. Vol. 44. No 2. Pp. 53–67. <https://doi.org/10.1026/0049-8637/a000057>
- Graham S., Santangelo T.* Does spelling instruction make students better spellers, readers, and writers? A meta-analytic review // *Reading and Writing*. 2014. Vol. 27. Pp. 1703–1743. <https://doi.org/10.1007/s11145-014-9517-0>
- Guimaraes S., Parkins E.* Young bilingual children's spelling strategies : A comparative study of 6- to 7-year-old bilinguals and monolinguals // *International Journal of Educational Psychology*. 2019. Vol. 8. No 3. Pp. 216–245. <https://doi.org/10.17583/ijep.2019.4099>
- Lam K., Chen X., Geva E., Luo Y.C., Li H.* The role of morphological awareness in reading achievement among young Chinese-speaking English language learners : A longitudinal study // *Reading and Writing : An Interdisciplinary Journal*. 2012. Vol. 25. No 8. Pp. 1847–1872. <https://doi.org/10.1007/s11145-011-9329-4>
- Mishra R., Singh N.* Language non-selective activation of orthography during word processing in Hindi-English sequential bilinguals : An eye tracking visual word study // *Reading and Writing : An Interdisciplinary Journal*. 2014. Vol. 27. No 1. Pp. 129–151. URL : <https://eric.ed.gov/?id=EJ1038928> (accessed: 05.11.2021).
- Raynolds L., Uhry J.* The invented spellings of non-Spanish phonemes by Spanish-English bilingual and English monolingual kindergarteners // *Reading and Writing*. 2010. Vol. 23. Issue 5. Pp. 495–513. URL : <https://eric.ed.gov/?id=EJ879804> (accessed: 10.11.2021).
- Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. No 1. Pp. 68–78. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.68>
- Saiegh-Haddad E., Taha H.* The role of morphological and phonological awareness in the early development of word spelling and reading in typically developing and disabled Arabic readers // *Dyslexia*. 2017. Vol. 23. No 4. Pp. 345–371. <https://doi.org/10.1002/dys.1572>
- Snow C.E., Griffin P., Burns M.S.* Knowledge to support the teaching of reading : Preparing teachers for a changing world. San Francisco : John Wiley & Sons, 2005. 336 p. <https://doi.org/10.5860/choice.43-5406>

- Sparks R.L., Patton J., Ganschow L., Humbach N., Javorsky J. Early first-language reading and spelling skills predict later second-language reading and spelling skills // *Journal of Educational Psychology*. 2008. Vol. 100. No 1. Pp. 162–174. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.100.1.162>
- Steffler D.J. Implicit cognition and spelling development // *Developmental Review*. 2001. Vol. 21. No 2. Pp. 168–204. <https://doi.org/10.1006/drev.2000.0517>
- Treiman R., Bourassa D. The development of spelling skill // *Topics in Language Disorders*. 2000. Vol. 6. Pp. 1–18.
- Valtin R. Einordnung der IGLU-2016-Befunde in das europäische Rahmenkonzept für gute Leseförderung, Kapitel XII // *Münster : Lesekompetenzen von Grundschulkindern im internationalen Vergleich / ed. by A. Hußmann, W. Bos, A. Bremerich-Vos, D. Kasper, E.-M. Lankes, N. McElvany, T.C. Stubbe, R. Valtin. Münster – New York : Waxmann, 2017. Pp. 315–328. URL : https://www.pedocs.de/volltexte/2020/20754/pdf/Valtin_2017_Einordnung_der_IGLU-2016-Befunde.pdf (accessed : 08.11.2021).*
- Yılmaz G., Schmid M.S. First language attrition and bilingualism // *Bilingual cognition and language. The state of the science across its subfields / ed. by D. Miller, F. Bayram, J. Rothman, L. Serratrice. Amsterdam : John Benjamins, 2018. Pp. 225–250. <https://doi.org/10.1075/sibil.54.11yil>*
- Zarić J., Hasselhorn M., Nagler T. Orthographic knowledge predicts reading and spelling skills over and above general intelligence and phonological awareness // *European Journal of Psychology of Education*. 2020. Vol. 36. No 3. Pp. 21–43. <http://doi.org/10.1007/s10212-020-00464-7>

Сведения об авторе:

Гаврилина Маргарита Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор факультета педагогики, психологии и искусства, Латвийский университет, Латвия, LV-1010, Рига, Имантас 7 линия, д. 1. *Сфера научных интересов:* билингвизм, билингвальное образование, методика изучения русского (родного) языка в диаспоре, русского (иностранного) языка. ORCID: 0000-0003-2795-2047. E-mail: margarita.gavrilina@lu.lv

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-101-114

Research article

Orthographic literacy of Russian-speaking schoolchildren in Latvia

Margarita A. Gavrilina

University of Latvia, Riga, Latvia

✉ margarita.gavrilina@lu.lv

Abstract. The research is devoted to one of the current problems of speech development of Russian-speaking schoolchildren of the diaspora (grades 4, 6 and 9) – orthographic literacy and is intended to contribute to the research on this problem. The topicality of the problem is substantiated by the necessity to explore the issues related to the quality of written speech, including orthographic knowledge and skills in the Russian (native) language of bilingual schoolchildren living outside Russia. The topic has not been sufficiently studied. The aim of the research is to describe the orthographic literacy of Latvian Russian-speaking schoolchildren of grades 4, 6 and 9 in 2015–2021. The research is based on the analysis of written

works of 11 938 schoolchildren that were developed by the author of the article and specialists of education and science of Latvia. The methods of research include comparative, statistical, focus-group discussion. The research results: 1) the level of orthographic literacy of Latvian Russian-speaking bilinguals remains low; 2) the same typical spelling mistakes are found in the speech of schoolchildren of all ages, but the mistakes rate depends on the bilingual education model; 3) schoolchildren have difficulties in spelling arguments; 4) the main reasons of schoolchildren's spelling mistakes in Russian include the low motivation of schoolchildren to develop literacy in written speech, interlanguage interference, insufficient amount of school hours on studying spelling material of the Russian language at school; 5) the literacy in Russian is less important than in English and Latvian in the value paradigm of schoolchildren. According to the new educational reform of Latvia (Skola2030), the number of Russian language lessons in schools for national minorities is significantly reduced. It is possible to predict a further decline in the level of spelling in schoolchildren in the coming years. Therefore, understanding objective orthographic difficulties encountered of bilingual schoolchildren open prospects for further exploration of effective orthography strategies in teaching the mother tongue to bilingual schoolchildren in a changing environment.

Keywords: Russian-speaking schoolchildren, schoolchildren of the diaspora, written speech, orthographic literacy, spelling skills, spelling mistake, grammar argumentation, causes of errors, bilingual education, speech environment

Article history: received: 05.09.2021; accepted: 28.11.2021.

For citation: Gavrilina, M.A. (2022). Orthographic literacy of Russian-speaking schoolchildren in Latvia. *Russian Language Studies*, 20(1), 101–114. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-101-114>

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-115-126

Научная статья

Применение технологии «перевернутый класс» на занятиях с иностранными студентами нефилологических специальностей

А.В. Денисенко , М.А. Березняцкая , Ю.М. Калинина

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 denisenko-av@rudn.ru

Аннотация. Описывается адаптированный вариант инновационной технологии «перевернутый класс», которую можно использовать в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ), особенно в условиях дистанционного обучения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания методики, отвечающей интересам современного поколения студентов и эффективной в условиях удаленного ведения образовательного процесса. Цель – предложить методику применения в иноязычной аудитории технологии «перевернутый класс», интегрированной с использованием аутентичных русских фильмов, являющихся экранными адаптациями художественных литературных произведений. Для достижения поставленной цели применялись методы анализа, систематизации, обобщения, описания и др. Материалами исследования являлись художественный фильм «Не может быть!» (режиссер Л. Гайдай, 1975 г.), рассказы М.М. Зощенко «Галоша», «Забавное приключение», «Свадебное происшествие», пьеса «Преступление и наказание». Предлагаемая методика прошла успешную апробацию с иностранными студентами нефилологических специальностей. Инновационная технология «перевернутый класс» адаптировалась для использования в практике преподавания РКИ в условиях дистанционного обучения, подбирались аутентичные фильмы – экранизации русских литературных произведений, разрабатывалась система упражнений. Проводился эксперимент по применению авторской методики, а затем корректировалась гипотеза с учетом анкетирования и контрольного тестирования студентов. Результаты показали, что применение рассматриваемой технологии позволило повысить эффективность образовательного процесса, увеличить мотивацию иностранных студентов к изучению русского языка, литературы, традиций носителей языка и культуры России, повысить грамотность обучающихся и развить лингвокультурологическую компетенцию, формировать у иностранных студентов способность к самообучению и самоорганизации, а также успешно вести образовательный процесс в условиях дистанционного обучения. Представляется перспективным использование в практике преподавания РКИ технологии «перевернутый класс» на материале лингвокультурологического и страноведческого характера, с помощью которого обучающиеся смогут освоить учебную информацию в соответствии с различными уровнями владения языком.

Ключевые слова: инновационная технология, перевернутый класс, русский язык как иностранный, дистанционное обучение, аутентичные художественные фильмы, лингвокультурология, страноведение, грамматика

История статьи: поступила в редакцию: 10.06.2021; принята к печати: 30.09.2021.

© Денисенко А.В., Березняцкая М.А., Калинина Ю.М., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: *Денисенко А.В., Березняцкая М.А., Калинина Ю.М.* Применение технологии «перевернутый класс» на занятиях с иностранными студентами нефилологических специальностей // *Русистика*. 2022. Т. 20. № 1. С. 115–126. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-115-126>

Введение

Современная образовательная парадигма предполагает интеграцию в учебный процесс инновационных технологий, повышающих мотивацию студентов и увеличивающих эффективность обучения. В числе таких технологий нередко назывался «перевернутый класс» (flipped class), зародившийся в Великобритании и получивший дальнейшее развитие в трудах профессоров Гарвардского университета (Mazur, 1997; Bergmann, Sams, 2012), вызвавший повышенный интерес в России в последнее десятилетие. Понимаемая как одна из форм «смешанного обучения», технология «перевернутый класс», адаптированная к методике преподавания разных учебных дисциплин, в том числе и русского языка как иностранного, находила своих сторонников и противников. Так, к числу последних относились преподаватели, справедливо утверждавшие, что «иностранные студенты приезжают в Россию для погружения в языковую среду и общения с носителями языка, а не для сидения за компьютером» (Лебедева, 2016). Однако в связи со сложившейся в мире эпидемиологической ситуацией применение дистанционных образовательных технологий становится единственной возможностью ведения образовательного процесса. И как показывает практика, современное поколение миллениалов, как никто другой, оказалось способным к успешному восприятию предлагаемого таким образом учебного процесса, о чем ранее было сделано предположение в научных статьях некоторых западных ученых (Williams et al., 2018; Khonamgi et al., 2020). Таким образом, применение технологии «перевернутый класс» на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ) представляется авторам особенно актуальным, а обмен методическими разработками занятий – полезным как для методистов, так и для преподавателей-практиков. В этом и заключается практическая значимость данного исследования.

Созданная в 2007 году технология «перевернутый класс» как одна из форм «смешанного обучения» с каждым годом приобретает все большую популярность, и за последние 5 лет ей было посвящено много работ различного уровня: это научные исследования¹ (Гизатулина, 2017; Де Ягер, 2020; Итинсон, Чиркова, 2020; Коновальчук, 2018; Лебедева, 2016; Логинова, 2015; Сяоян, 2016; Yaroslavova et al., 2020; Zainuddin, Halili, 2016), статьи, написанные специалистами в области компьютерных технологий и разработки онлайн-курсов², методические разработки учителей школ³ (Корнев,

¹ *Белокрыницкая М.М.* Методика «перевернутый класс» // Социальная сеть работников образования. 2018, 4 января. URL : <https://nsportal.ru/shkola/obshchepedagogicheskie-tehnologii/library/2018/01/04/metodika-perevernutyu-klass> (дата обращения : 21.05.2021).

² *Фирсова П.* Перевернутый класс : технология обучения XXI века // Блог iSpring. 2016, 22 августа. URL : <https://www.ispring.ru/elearning-insights/perevernutyi-klass-tehnologiya-obucheniya-21-veka> (дата обращения : 10.04.2021).

2016) и преподавателей вузов (Вавичкина, 2020; Золотых, Цю, 2018; Калачинская, 2017; Просвирина и др., 2017; Чайникова, 2020; Vulfovich, 2017), заметки в блогах, на авторских сайтах и форумах⁴. Представленный перечень отражает лишь малую часть публикаций, посвященных технологии «перевернутый класс», однако даже на его основании можно говорить о востребованности данной формы смешанного обучения.

Однако на протяжении всего времени применения «перевернутого класса» в методике преподавания различных дисциплин велись дискуссии об эффективности использования данной технологии при обучении иностранных студентов, поскольку невысокий уровень владения русским языком отдельных обучающихся дает основания предполагать, что теоретический материал, высланный преподавателем заранее, не будет усвоен этими студентами в полной мере, а значит, иностранец, частично освоивший его, будет недостаточно мотивирован и в целом негативно настроен на работу по предложенному алгоритму. Именно поэтому нами предлагаются меры усовершенствования технологии «перевернутый класс» посредством дополнения ее практикой использования в учебном процессе аутентичных художественных фильмов. Включая в технологию просмотр аутентичных художественных фильмов, преподаватель повышает мотивацию обучающихся, так как фильмы интересны всем, вне зависимости от уровня владения языком (даже если студент понимает речь персонажей только частично, он может понять суть происходящего на экране по мимике, жестам и поступкам героев), а кроме того, в ненавязчивой форме происходит изучение конструкций, используемых в разговорной речи, и имплицитное развитие культурологической компетенции. Это позволяет в определенной степени решить обозначенную проблему эффективности применения технологии «перевернутый класс» в обучении иностранных студентов.

Учитывая основные современные методические принципы, авторы статей последних лет размышляют о критериях выбора аутентичных видеofilмов для занятий РКИ, их жанра и тематики (Назаренко, Халявина, 2014; Рубцова, Романова, Полякова, 2017).

Отдельные статьи посвящены практическим аспектам использования видеofilмов на уроках РКИ. В них рассматриваются основные этапы работы над видеоматериалом, условия эффективного использования видеofilмов и их роль в формировании навыков и умений по всем видам ре-

---

³ Перевернутый класс : преимущества и недостатки // Яндекс Учебник. 2020, 24 января. URL : <https://teacher.yandex.ru/posts/perevernutyu-klass-preimuschestva-i-nedostatki> (дата обращения : 10.04.2021); Рыжова М.А. Идеи, которые я реализую при обучении // Современный урок. 2019, 27 ноября. URL : <https://www.lurok.ru/categories/2/articles/18715> (дата обращения : 15.03.2021).

⁴ Годунова Е. Перевернутый класс как средство от скуки // Newtonew. 2016, 15 февраля. URL : <https://newtonew.com/school/flipped-classroom-in-russia> (дата обращения : 23.04.2021); Курвитс М. Что такое перевернутый класс и в чем его отличия от традиционного // Мастерская Марины Курвитс. 2020, 9 июня. URL : <http://marinakurvits.com/perevernuti-klass/> (дата обращения : 20.04.2021); Понятовская Ю. Учитель, ты готов к перевороту? // Edcommunity.ru. 2016, 30 января. URL : <http://edcommunity.ru/communication/blogs/detail.php?page=post&blog=uliyablog-s1&id=1529> (дата обращения : 18.03.2021).

чевой деятельности (Назаренко, Халявина, 2014; Стрельчук, 2011). Предложены лексико-грамматические задания, упражнения по чтению и разговорной практике. Описаны инновационные приемы (дискуссия в форме пирамиды, панельная дискуссия), способствующие развитию коммуникативных навыков иностранных учащихся уровней А2, В1, В2 (Денисенко и др., 2019; Коноваленко, Шкурко, 2020).

Авторами статей предлагаются в основном методические разработки по современным художественным фильмам легкого комедийного жанра с яркими спецэффектами, молодежным сленгом, в которых представлены будни и проблемы молодых людей: «Елки», «Питер FM», «Мой парень – Ангел» и др. (Березняцкая, Калинина, 2018; Денисенко и др., 2019). Анализ методических разработок позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на наличие пособий, в которых описываются алгоритмы использования на занятиях по РКИ русских художественных фильмов и фильмов – экранизаций литературных произведений, нет материалов, которые помогают иностранным учащимся приобщиться к художественной литературе, занимающей важное место в культурном наследии любой страны, то есть способствуют социокультурной адаптации обучающихся в условиях дистанционного образования. Поэтому предлагаемый нами метод проведения занятий по РКИ, построенных на основе технологии «перевернутый класс» с использованием аутентичных художественных фильмов, которые являются экранными адаптациями художественных литературных произведений, является не только актуальным, но и имеющим несомненную практическую значимость. Кроме того, можно считать предлагаемую методику вкладом в методическую науку, так как проведение систематических занятий по адаптированному нами варианту инновационной технологии «перевернутый класс» для преподавания РКИ в условиях как очного, так и дистанционного обучения и анализ получаемых результатов становится плодотворной почвой для дальнейших научно-практических исследований.

Цель исследования – описание методики применения в иноязычной аудитории технологии «перевернутый класс», интегрированной с использованием аутентичных русских фильмов, являющихся экранными адаптациями художественных литературных произведений.

Методы и материалы

Для достижения поставленной цели применялись следующие методы: анализ, систематизация, обобщение, описание, эмпирические методы наблюдения за коммуникативной деятельностью и лингвострановедческой осведомленностью иностранных студентов в процессе изучения учебного материала по предлагаемой методике, опрос и тестирование.

В качестве материалов исследования использовались художественный фильм «Не может быть!» (режиссер Л. Гайдай, 1975), рассказы М.М. Зощенко «Галоша», «Забавное приключение», «Свадебное происшествие», пьеса «Преступление и наказание», файлы с теоретической и страноведческой информацией, файл с практическими заданиями, анкета.

Авторская методика предполагает работу с иностранными обучающимися 1–3-го курсов нефилологических специальностей с уровнем владения русским языком не ниже В1.

Результаты

К числу преимуществ предлагаемой методики перед традиционной формой проведения занятий можно отнести то, что:

- авторская методика позволяет эффективно вести учебный процесс в условиях дистанционного обучения;
- необычная организация работы вызывает интерес у обучающихся и повышает их мотивацию;
- получив файлы с заданиями для самостоятельной работы, студенты могут обращаться к учебным материалам в удобное время и в удобном месте, что отвечает принципу индивидуализации обучения, а также развивает способность к самообучению и самоорганизации;
- выбранный аутентичный материал, с одной стороны, увеличивает культурологическую осведомленность иностранных студентов, а с другой – позволяет выявить пробелы в знании орфографических, пунктуационных и грамматических норм языка;
- преподаватель, отмечая для себя ошибки, допущенные студентами, и трудности, возникшие в процессе выполнения заданий различного уровня, может скорректировать дальнейший план обучения РКИ.

Обсуждение

Напомним, что «перевернутый класс» – это модель обучения, в которой выполнение домашней работы, помимо прочего, включает в себя применение технологий водкаста:

- просмотр видеолекции;
- чтение учебных текстов, рассмотрение поясняющих рисунков;
- прохождение тестов на начальное усвоение темы (Березняцкая, 2018: 118).

Аудиторная работа посвящается разбору сложной теоретической части и вопросов, возникших у обучающихся в процессе выполнения домашней работы (не более 25–30 % времени). Также в классе учащиеся под наблюдением учителя решают практические задачи и выполняют исследовательские задания. После занятия в классе дома завершаются практические задачи, выполняются тесты на понимание и закрепление пройденной темы⁵.

Согласно предлагаемой нами методике, преподаватель за несколько дней до планируемого занятия по фильму Л. Гайдая «Не может быть!» дает или высылает обучающимся следующий комплект материалов:

- текстовый файл с краткой информацией о фильме;
- дополнительный текстовый файл с информацией о М.М. Зощенко;
- задания, относящиеся к категории «Задания перед просмотром фильма», в текстовом формате;

---

⁵ Перевернутый класс : преимущества и недостатки // Яндекс Учебник. 2020, 24 января. URL : <https://teacher.yandex.ru/posts/perevernutyu-klass-preimuschestva-i-nedostatki> (дата обращения : 10.04.2021).

– ссылку на фильм Л. Гайдая «Не может быть», находящийся в свободном доступе в сети Интернет,

– задания, относящиеся к категории «Задания во время просмотра фильма».

Таким образом, обучающиеся получают материалы, включающие справку о фильме, краткую информацию о биографии и творчестве М.М. Зощенко, а также файлы с заданиями. В данной статье даются ознакомительные фрагменты упражнений, а полная методическая разработка занятия включена в пособие «Русская литература на экране» (Яркина и др., 2019).

Прежде всего иностранные студенты должны выполнить упражнения, которые относятся к категории «Задания перед просмотром фильма». Выполнение таких упражнений необходимо для того, чтобы снять лексические сложности, которые неизбежно возникают, когда иностранцы сталкиваются с аутентичным речевым материалом, особенно в художественных фильмах, а также показать стилистическое разнообразие языковых средств. Кроме того, данные задания знакомят студентов с некоторыми реалиями, которые встречаются в фильме, отражающем быт людей определенной эпохи. Упражнения этой категории студенты могут выполнять самостоятельно или под контролем преподавателя во время очного или дистанционного занятия.

Так, на предпросмотровом этапе студентам предлагается задание на снятие лексических трудностей – «Найдите правильные соответствия между словами и их объяснением». Фрагмент задания выглядит следующим образом:

1. Увертюра – ...
2. Канитель – ...
3. Конфискация – ...
4. ...

- A. Длительное, с задержками, помехами, однообразное и нудное занятие, дело.
- B. Ветхая, рваная одежда.
- V. Вызывающий неприязнь, отвращение.
- Г. ...

В качестве следующего задания, позволяющего закрепить навык использования новой лексики в речи, обучающимся предлагается дополнить данные предложения словами из предыдущего упражнения:

1. При лунном свете обычный лес превращается в таинственную (_____).
2. – Подумаешь, раз в год (_____) какое-то привезет и газеты читать не может!
3. (_____) перед обедом состояла из икры, семги и консервов.
4. ...

При помощи следующих заданий совершенствуется навык отбора лексики различной стилевой принадлежности для применения в разных коммуникативных ситуациях:

Заполните таблицу, распределив слова и словосочетания по рубрикам.

Устаревшие слова	Жаргонизмы	Просторечия
------------------	------------	-------------

Слова: выкушать, пуццай, замести кого-либо, скандальничать, одежда, ...

К данным просторечиям, звучащим в фильме, подберите литературные эквиваленты (см. слова для справок).

Прошвырнуться, теперича, крякать, дичь, канючить, давеча, цепляться, провернуть, ...

Слова: продать, осуществить, прогуляться, ...

Заключительное задание предпросмотрового этапа предполагает развитие навыка говорения:

Объясните, как Вы понимаете данные выражения.

1. – Ну да, я же и говорю, тут *надо на полных порах знать*.
2. – Вы мой характер знаете, *я в панику не вхожу*.
3. – *Да вы, я вижу, ходок! Какую жену оторвал?!*
4. ...

На втором этапе иностранные студенты работают самостоятельно во внеаудиторное время: они смотрят фильм Л. Гайдая «Не может быть» и выполняют упражнения из категории «Задания во время просмотра фильма». Их цель – проверить, насколько внимательны студенты во время просмотра и правильно ли они поняли содержание экранизации литературного произведения.

Задание во время просмотра фильма:

Будьте внимательны при просмотре и найдите ответы на следующие вопросы:

1. Чей портрет висел в кабинете следователя в новелле «Преступление и наказание»?
2. Где работал брат Анны Васильевны Горбушкиной?
3. Кем по профессии был Горбушкин?
4. Сколько стоил дом Горбушкиных?
5. В какое время Горбушкин вышел из прокуратуры?
6. В какое время Николай ушел на работу («Забавное приключение»)?
7. Сколько детей было у артиста Анатолия и его жены Татьяны?
8. Какая фамилия была у артиста Анатолия?
9. Как прозвал Анатолия коллега по работе его жены?
10. Куда спрятали Анатолия Зина и Софочка?
11. Чей портрет висел в комнате соседа Софочки?
12. Что было написано на свадебном пироге («Свадебное происшествие»)?
13. Сколько дней были знакомы Володя и Катя?
14. В какое время года происходит действие новеллы «Свадебное происшествие»?
15. Как звали друга Володи Завитушкина?
16. Как Катя просила Володю ее называть?
17. Сколько детей было у Кати?
18. ...

Во время выполнения упражнений предпросмотрового и просмотрового этапов обучающиеся отмечают то, что вызывает затруднения, и на очном или дистанционном занятии преподаватель отвечает на вопросы студентов, а затем обучающиеся под контролем преподавателя выполняют упражнения из категории «Задания после просмотра фильма».

На этом этапе, прежде всего, преподавателю необходимо проверить адекватность понимания обучающимися художественного фильма, который может показаться сложным для иностранцев в силу аутентичности материала.

ла. Так, обучающимся сначала предлагается проверить, соответствуют ли содержанию фильма данные утверждения, и в случае отрицательного ответа исправить неточности. Утверждения:

1. Горбушкина арестовали за расхищение государственного имущества.
2. Анна Васильевна Горбушкина развелась с мужем.
3. Брат Анны Васильевны Горбушкиной работал в пивной.
4. ...

Затем иностранные студенты должны определить, кто это говорил, кому и при каких обстоятельствах.

1. – Тут, Нюша, нужна полная быстрота! Значит так... Одноглазый сейчас всю мебель возьмет... Та, которая вот это вот... Картины... Мужичок живность откупит. Этот бродяга одежду уже взял. Ну и я чего-нибудь возьму. Уж не оставлю вас... По мере возможности.

2. – Ха, до трех?.. Это что?!.. Это не высшая мера... Вот высшую меру, между нами говоря, я с трудом переносу.

3. ...

(«Преступление и наказание»)

1. – Ах, Зинаида, мы все работаем, не щадя себя!

2. – Я не могу! Я не могу! Я не могу работать в такой нервной обстановке!

3. ...

(«Забавное приключение»)

1. – Очень мило, очень современный брак. Невеста одна является, молодой в парикмахерскую зашедши... Не мог заранее оболваниться. Все правильно, все верно, а вот я, я, может, за месяц готовился! К таинству брака! Я может за полгода сходил в парикмахерскую, в баню...

2. – Подожди, да ты что, не можешь узнать свою невесту что ли? Ну, ты даешь?!

3. ...

(«Свадебное происшествие»)

Задания из данной категории предполагают более сложные вопросы по содержанию увиденного и его анализ, а также упражнения лингвострановедческого характера.

Заметим, что сделанные самостоятельно обучающимися задания преподаватель может проверить после урока и выставить баллы за выполнение домашнего задания.

Таким образом, объединяя работу с аутентичными фильмами и технологию «перевернутый класс», преподаватель может успешно обучать иностранных студентов лингвострановедению дистанционно или значительно экономя учебное время.

Заключение

Применение предлагаемой авторами методики использования технологии «перевернутый класс», интегрированной с просмотром аутентичных русских фильмов, являющихся экранными адаптациями художественных литературных произведений, позволило повысить эффективность образовательного процесса, увеличить мотивацию иностранных студентов к изучению русского языка, литературы, традиций носителей языка и культуры России, увеличить грамотность обучающихся и развить лингвокультурологическую

компетенцию, а также успешно вести образовательный процесс в условиях дистанционного обучения.

Представляется перспективным использование в практике преподавания РКИ технологии «перевернутый класс» на материале не только лингвокультурологического и страноведческого, но и грамматического характера, с помощью которого обучающиеся смогут освоить учебную информацию в соответствии с различными уровнями владения языком.

Список литературы

- Березняцкая М.А., Калинина Ю.М.* Реализация технологии «перевернутый класс» при обучении РКИ иностранных студентов нефилологических специальностей (на материале фильма «Питер FM») // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота : психолого-педагогические науки. 2018. № 3 (45). С. 117–123.
- Вавичкина Т.А.* Опыт применения педагогической технологии «перевернутый класс» при дистанционном обучении арабскому языку студентов неязыкового вуза // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5. Вып. 6. С. 746–750. <https://doi.org/10.30853/ped200161>
- Гизатулина О.И.* «Перевернутый класс» – инновационная модель обучения // Инновационные педагогические технологии : материалы VI Международной научной конференции. Казань : Бук, 2017. С. 116–118. URL : <https://moluch.ru/conf/ped/archive/214/12239/> (дата обращения : 12.05.2021).
- Де Ягер Л.* Влияние перевернутого класса как разновидности онлайн-обучения на преподавателей // Вопросы образования. 2020. № 2. С. 175–203.
- Денисенко А.В., Яркина Л.П., Березняцкая М.А., Аль-Афанди Е.К., Понякина Т.П.* Смотрим современное российское кино : учебно-методическое пособие по работе над художественным фильмом на занятиях по русскому языку для студентов-иностранцев. М. : РУДН, 2017. 69 с.
- Золотых Л.Г., Цю С.* «Перевернутый класс» как новый метод преподавания русского языка в практике китайских вузов : опыт Сычуаньского университета // Русистика. 2018. Т. 16. № 4. С. 451–463. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2018-16-4-451-463>
- Итинсон К.С., Чиркова В.М.* «Перевернутый класс» : инновационная модель обучения в высшем учебном заведении // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 88–90. <https://doi.org/10.26140/bgз3-2020-0902-0022>
- Калачинская Е.В.* Образовательная технология «перевернутый класс» в преподавании дисциплины «Русский язык и культура речи» // Высшее образование в России. 2017. № 12. С. 78–84. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-tehnologiya-perevornutyu-klass-v-prepodavanii-distipliny-russkiy-yazyk-i-kultura-gochi> (дата обращения : 23.04.2021).
- Коноваленко И.В., Шкурко О.В.* Работа с фильмом «Калашников» на уроках РКИ (предпросмотровая работа) // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации : сборник трудов XI Международной научно-практической конференции. Астрахань : Астраханский университет, 2020. С. 53–57.
- Коновальчук Н.А.* Перспективы и трудности применения технологии «перевернутых классов» на занятиях РКИ // Мова, історія, культура у лінгвокомунікативному просторі : зб. наук. праць. 2018. № 5. С. 159–166. URL : http://dspace.zsmu.edu.ua/bitstream/123456789/7994/1/%D0%A1%D1%83%D0%BC%D0%94%D0%A3%202018_159-166.pdf (дата обращения : 23.04.2021).
- Корнев М.Н.* Перевернутое обучение – путь интенсификации современного урока // Вестник «Өрлеу»-kst. 2016. № 2 (12). С. 56–61. URL :

<https://cyberleninka.ru/article/n/perevernutoe-obuchenie-put-intensifikatsii-sovremennogo-uroka/viewer> (дата обращения : 15.04.2021).

- Лебедева М.Ю.* Смешанное обучение РКИ : ограничения, модели реализации и перспективы // Педагогический журнал Башкортостана. 2016. № 5 (66). С. 59–65. URL : https://www.researchgate.net/publication/339955850_SMESANNOE_OBUCENIE_RKI_OGRANICENIA_MODELI_REALIZACII_I_PERSPEKTIVY (дата обращения : 13.04.2021).
- Логина А.В.* Особенности использования и принципы функционирования педагогической модели «перевернутый класс» // Молодой ученый. 2015. № 9. С. 114–119.
- Назаренко Е.Б., Халыгина Д.В.* Современные фильмы на уроках РКИ. «Питер FM» // Русский язык за рубежом. 2014. № 2 (243). С. 41–47.
- Просвиркина И.И., Фролова А.М., Чалая Е.Ю.* Модели смешанного обучения на занятиях по русскому как иностранному // Филологический аспект. 2017. № 7. С. 49–58.
- Рубцова Е.А., Романова Т.Ю., Полякова Е.В.* Критерии отбора аутентичных видеофильмов при обучении иностранных учащихся устной разговорной речи на продвинутом этапе обучения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2017. Т. 3 (69). № 4. С. 66–78.
- Стрельчук Е.Н.* Ради чего стоит жить. Современный художественный фильм о Великой отечественной войне и его презентация в иностранной аудитории // Русский язык за рубежом. 2011. № 1 (224). С. 95–101.
- Сяоян В.* Модель смешанного обучения русскому языку как иностранного в Китае // Педагогическое образование в России. 2016. № 7. С. 244–249. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/model-smeshannogo-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannogo-v-kitae/viewer> (дата обращения : 20.03.2021).
- Чайникова Г.Р.* Анализ адаптации студентов, обучающихся по модели «Перевернутый класс», к условиям дистанционного обучения // Открытое образование. 2020. Т. 24. № 5. С. 63–71.
- Яркина Л.П., Денисенко А.В., Калинина Ю.М., Березняцкая М.А.* Русская литература на экране : учебно-методическое пособие по развитию коммуникативных навыков студентов-билингвов. М. : РУДН, 2019.
- Bergmann J., Sams A.* Flip your classroom : reach every student in every class every day. Washington, DC : International Society for Technology in Education, 2012.
- Khonamri F., Azizi M., Kralik R.* Using interactive e-based flipped learning to enhance EFL literature students' critical reading // Science For Education Today. 2020. No 1. Pp. 25–42. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2001.02>
- Mazur E.* Peer instruction : a user's manual series in educational innovation. Upper Saddle River, NJ : Prentice Hall, 1997.
- Vulfovich E.V.* “Flipped classroom” for organization of EFL students' independent work // Higher Education in Russia. 2017. No 4. Pp. 88–95.
- Williams J., Ayadi O.F., Perkins C., Hyman L.M.* The flipped class : experiential learning manifested // Southwestern Business Administration Journal. 2018. Vol. 17. Pp. 1–24. URL : https://www.researchgate.net/publication/335276806_The_Flipped_Class_Experiential_Learning_Manifested#fullTextFileContent (accessed : 20.03.2021).
- Yaroslavova E.N., Kolegova I.A., Staviseva I.V.* Flipped classroom blended learning model for the development of students' foreign language communicative competence // Perspectives of Science and Education. 2020. № 1 (43). Pp. 399–412. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.1.29>
- Zainuddin Z., Halili S.H.* Flipped classroom research and trends from different fields of study // International Review of Research in Open and Distance Learning. 2016. 17 (3). Pp. 313–340. <https://doi.org/10.19173/irrodl.v17i3.2274>

Сведения об авторах:

Денисенко Анастасия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 4, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Сфера научных интересов*: методы преподавания русского языка как иностранного с применением информационных технологий, дистанционное обучение, межкультурная коммуникация. Активный участник международных конференций и научно-практических семинаров. Автор более 30 публикаций. ORCID: 0000-0002-0222-5460. E-mail: denisenko-av@rudn.ru

Березняцкая Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 4, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Сфера научных интересов*: анализ и описание научной речи с позиций коммуникативной грамматики, новые технологии в преподавании русского языка как иностранного, русская литература XX века. Активный участник онлайн-семинаров по ресурсам Clarivate Analytics для научных исследований и международных научно-практических конференций в Москве, Иваново, Белгороде, Воронеже и Нижнем Новгороде. Автор более 30 публикаций. ORCID: 0000-0002-1657-9067. E-mail: bereznyiatskaya-ma@rudn.ru

Калинина Юлия Михайловна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка № 4, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Сфера научных интересов*: методы преподавания русского языка как иностранного с применением информационных технологий, филологический анализ текста, межкультурная коммуникация. Участник международных конференций и научно-практических семинаров. Автор более 30 публикаций. ORCID: 0000-0002-7185-9360. E-mail: kalinina-yum@rudn.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-1-115-126

Research article

“Flipped class” technology in teaching foreign non-philological students

Anastasia V. Denisenko , Marina A. Bereznyatskaya ,
Julia M. Kalinina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

 denisenko-av@rudn.ru

Abstract. The article describes an adapted version of the innovative technology “flipped classroom,” which can be used in the practice of teaching Russian as a foreign language, especially in the context of distance learning. The relevance of the study lies in the need to create a methodology that meets the interests of the modern generation of students and is effective in the context of remote educational process. The purpose of the research is to describe the methodology for using the “flipped class” technology in a foreign language audience with the use of authentic Russian films – screen adaptations of literary works. To achieve this goal, analysis, systematization, generalization, description and other methods were used. The research materials were the feature film “It Can’t Be!” (directed by L. Gaidai, 1975), stories by M.M. Zoshchenko “Galosh,” “Funny Adventure,” “Wedding Accident,” the play “Crime and Punishment,” files with theoretical and regional information, a file with tasks, a questionnaire. The methodology has been successfully tested with foreign students of non-philological specialties. A hypothesis was put forward, the innovative technology

“flipped classroom” was adapted to teaching Russian as foreign language in the context of distance learning, authentic films-adaptations of Russian artistic texts were selected, and a system of exercises was developed. An experiment was carried out, and then the hypothesis was corrected, taking into account the questionnaire survey and control testing of students. The main results of the study are that the use of the suggested methodology increases the efficiency of the educational process, motivation of foreign students to study the Russian language, literature, traditions of Russian native speakers, literacy of students and their linguistic and cultural competence. It also forms the ability of foreign students to self-study and self-organization, as well as to successfully conduct the educational process in a distance learning environment. The authors of the article consider it promising to use the “flipped classroom” technology in teaching Russian as a foreign language based on the material of linguocultural and regional studies, with the help of which students will be able to master educational information in accordance with different levels of language proficiency.

Keywords: innovative technology, “flipped classroom,” Russian as a foreign language, distance learning, authentic feature films, cultural linguistics, regional studies, grammar

Article history: received: 12.06.2021; accepted: 30.09.2021.

For citation: Denisenko, A.V., Berezhnyatskaya, M.A., & Kalinina, J.M. (2022). “Flipped class” technology in teaching foreign non-philological students. *Russian Language Studies*, 20(1), 115–126. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-115-126>